

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 1(32) 2019

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 1(32) 2019

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Л.М. Кольцова – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.А. Акелькина** – доктор филологических наук, Омск, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **В.Р. Аминова** – доктор филологических наук, Казань, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук, Ханты-Мансийск, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук, Пенза, Россия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук, Омск, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук, Москва, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук, Новгород, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук, Пятигорск, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук, Омск, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия.

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2019

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

L.M. Koltsova – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.A. Akelkina** – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia.

Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «VoronezhStateTechnicalUniversity».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора.....	8
<i>Лингвистика</i>	
Крылова М.Н. Лексема «воздух» в книгах Д.А. Глуховского из цикла «Метро-ро».....	10
Филистова Н.Ю., Свистунова М.А. Текстовые миры в детективном жанре (на материале детективного романа А. Кристи «Murder on the Orient Express»).....	16
Недоступова Л.В., Верзилин А.П. Морфологические черты одного петропавловского говора.....	27
<i>Аспекты изучения художественного текста</i>	
Белова А.В. Библиография Александра Павловича Чехова.....	34
<i>Лингвокультурология</i>	
Румянцева Е.В. Функционирование в русской коммуникации языковых средств, усиливающих и смягчающих воздействие на адресата в ситуации просьбы: лингвокультурологический аспект.....	45
Малкова А.И., Мирошниченко Л.Н. Особенности употребления языковых единиц в фамильярно-разговорном стиле современного английского языка.....	52
<i>Межкультурная коммуникация</i>	
Лобанова Е.И., Суворова Н.В. Наименования растения <i>Melampyrum nemorosum</i> L. в русском и польском языках.....	60
Санченко Е.Н. Особенности языковой репрезентации культурно-специфической информации в англоязычном тексте.....	68
<i>Концептология</i>	
Филистова Н.Ю., Сакова А.С. Вербальная реализация концептов «fear» и «madness» в литературе жанра ужасов (на материале романа Стивена Кинга «The Shining»).....	73
<i>Журналистика в историко-теоретическом аспекте</i>	
Воронова Т.А., Пузанова А.А. Районная газета «Кантемировский вестник»: исторический аспект	81

Язык СМИ

Остапенко Ю.О., Стасевич Ю.Ю. Языковая экспликация образа Луганской Народной Республики в немецких СМИ..... 88

Скуридина С.А., Гончарова М.А. Воронеж: образ города с позиций СМИ..... 96

События, обзоры, рецензии

Чуйков П.Л. Рецензия на новеллы Е. Рощиной..... 102

Чуйков П.Л. X Всероссийская конференция «Древнерусская литература и ее традиции в литературе нового времени», посвященная памяти профессора Н.И. Прокофьева..... 106

Правила оформления статей..... 109

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
<i>Linguistics</i>	
Krylova M.N. Lexeme «air» in D.A. Gluhovsky's books from the cycle «Subway».....	10
Filistova N.Y., Svistunova M.A. Text worlds in detective genre (on the basis of the detective novel by A. Christie «Murder on the Orient Express»).....	16
Nedostupova L.V., Verzilin A.P. Morphological features of one dialect of Petropavlovka district.....	27
<i>Literary text: aspects of study</i>	
Belova A.V. Bibliography of Alexander Pavlovich Chekhov	34
<i>Language and culture studies</i>	
Rumyantseva E.V. Raising RFL-pragmatic awareness: linguistic resources aggravating and mitigating illocutionary force of requests in Russian and their influence on politeness of requests.....	45
Malkova A.I., Miroshnichenko L.N. Peculiarities of language units used in the familiar and conversational style of the modern English language.....	52
<i>Intercultural communication</i>	
Lobanova E.I., Suvorova N.V. Names of the plant <i>Melampyrum Nemorosum</i> L. in Russian and Polish languages.....	60
Sanchenko E.N. Peculiarities of language representation of culturally specific information in English texts.....	68
<i>Concept studies</i>	
Filistova N.Y., Sakova A.S. Verbal representation of concepts «fear» and «madness» in horror fiction (on the material of Stephen King's novel «The Shining»).....	73
<i>Journalism in historical and theoretical aspect</i>	
Voronova T.A., Puzanova A.A. Local newspaper «Kantemirovka Herald»: historical aspect.....	81

Language of mass media

Ostapenko J.O., Stasevich J.J. Linguistic explication of the image of Luhansk people's republic in texts of German mass media 88

Skuridina S.A., Goncharova M.A. Voronezh: the image of the city from the media point of view..... 96

Events and reviews

Chuykov P.L. Review of novels by E. Roschina..... 102

Chuykov P.L. X All-Russian conference «Ancient Russian literature and its traditions in the literature of new time» dedicated to the memory of professor N.I. Prokofiev.... 106

Layout of the articles..... 109

Вступительное слово главного редактора

Вниманию читателей предлагается тридцать второй выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики», который подготовлен к изданию международной редакционной коллегией и является преемником серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из восьми разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «Лингвокультурология», IV – «Межкультурная коммуникация», V – «Концептология», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов) и работы студентов, выполненные в соавторстве с научными руководителями. В выпуске содержится 14 научных работ.

В раздел «Лингвистика» входят исследования в области отечественного и зарубежного языкознания (М.Н. Крылова, Л.В. Недоступова, А.П. Верзилин).

Раздел «Аспекты изучения художественного текста» включает статьи, посвященные описанию библиографии Александра Павловича Чехова (А.В. Белова) и исследованию многомирия в романе А. Кристи «Murder on the Orient Express» (Н.Ю. Филистова, М.А. Свистунова).

Третий раздел – «Лингвокультурология» – содержит работы, связанные с нормами русского коммуникативного поведения в ситуации просьбы (Е.В. Румянцев) и особенностями разговорного стиля английского языка (А.И. Малкова, Л.Н. Мирошниченко).

В раздел «Межкультурная коммуникация» включена работа, посвященная специфике наименования растений в русском и польском языках (Е.И. Лобанова, Н.В. Суворова), а также статья, отражающая особенности языковой репрезентации культурно-специфической информации в англоязычном тексте (Е.Н. Санченко).

Раздел «Концептология» посвящен особенностям вербальной реализации концептов «fear» и «madness» в литературе жанра ужасов (Н.Ю. Филистова, А.С. Сакова).

В раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» входит статья, представляющая историю становления и развития районной газеты «Кантемировский вестник» (Т.А. Воронова, А.А. Пузанова).

Раздел «Язык СМИ» включает работу, посвященную языковой экспликации образа Луганской народной республики в немецких СМИ (Ю.О. Остапенко), а также исследование, представляющее образ города Воронежа с позиций СМИ (С.А. Скуридина, М.А. Гончарова).

Завершает выпуск раздел «События, обзоры, рецензии», знакомящий читателей с творчеством современной писательницы Е.Рощиной (П.Л. Чуйков), а также содержащий информацию о X Всероссийской конференции «Древнерусская литература и ее традиции в литературе нового времени», посвященной памяти профессора Н.И. Прокофьева (П.Л. Чуйков).

Содержащиеся в выпуске 1 (32) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, концептологии, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1

*Азово-Черноморский инженерный институт
Донской государственной аграрной университет
канд. филол. наук, профессор
кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков
Крылова М.Н.
Россия, г. Зерноград, тел. 89286024647
e-mail: krylovamn@inbox.ru*

*Azov and Black Sea Engineering Institute
Don State Agrarian University
The chair of of humanities and foreign languages
PhD, full professor
Krylova M.N.
Russia, Zernograd, tel. 89286024647
e-mail: krylovamn@inbox.ru*

М.Н. Крылова

ЛЕКСЕМА «ВОЗДУХ» В КНИГАХ Д.А. ГЛУХОВСКОГО ИЗ ЦИКЛА «МЕТРО»

В статье рассмотрено использование лексемы «воздух» в книгах Д.А. Глуховского «Метро 2033», «Метро 2034», «Метро 2035». Выявлены текстообразующая и изобразительная роли данной лексемы. Описание воздуха метро становится одним из основных средств создания автором постапокалиптического мира людей, спустившихся в метро перед ядерной катастрофой и живущих там уже более двадцати лет. Грязный, наполненный примесями, тяжёлый воздух, не дающий свободно дышать, символизирует в романе ловушку, в которую попали люди, спасшиеся от смерти в ядерной войне и медленно угасающие в условиях, неприемлемых для жизни. Им трудно дышать, они боятся радиации и вирусов, которые могут присутствовать в атмосфере, и мечтают о свежем воздухе, наполненном приятными ароматами. Главный герой, Артём, стремится выйти на поверхность и вывести туда всех жителей метро. Символом грядущего освобождения, символом позитивных перемен тоже становится воздух, но другой – чистый и свежий. Артёму удаётся исполнить свою мечту и попасть в мир чистого воздуха, но остальные жители метро отказываются выйти на поверхность. Грязный, заражённый, тяжёлый воздух метро для них связан с идеей защищённости, «синицы в руках», которую они не хотят поменять на «журавль» свободы – чистый воздух.

Ключевые слова: лексика, семантика, лексема, воздух, Дмитрий Глуховский, «Метро».

M.N. Krylova

LEXEME «AIR» IN D.A. GLUKHOVSKY'S BOOKS FROM THE CYCLE «METRO»

The article considers the use of the lexeme «air» in the books by D.A. Glukhovsky «Subway 2033», «Subway 2034», «Subway 2035». The text-forming and pictorial roles of this lexeme are revealed. The description of the air of the metro becomes one of the main means of creation of the post-apocalyptic world of people who descended into the metro before a nuclear catastrophe and have been living there for more than twenty years. Dirty, filled with impurities, heavy air, which does not allow them to breathe freely, symbolizes in the

novel a trap into which people had fallen, escaped from death in a nuclear war and slowly dying out in conditions unacceptable for life. It is difficult for them to breathe, they are afraid of radiation and viruses that may be in the air, and dream of fresh air filled with pleasant aromas. The main character, Artem, seeks to reach the surface and bring all the inhabitants of the metro there. The air also becomes symbol of the coming liberation, the symbol of positive change, but it is other air - clean and fresh. Artem manages to fulfill his dream and get into the world of clean air, while the rest of the metro residents refuse to come to the surface. The dirty, contaminated, heavy air of the metro for them is associated with the idea of security, which they do not want to change for freedom symbolized by clean air.

Key words: vocabulary, semantics, lexeme, air, Dmitry Glukhovsky, 'Metro'.

Книги Д.А. Глуховского из цикла «Метро» стали событием в российской фантастической литературе начала XXI века. На данный момент это трилогия, в составе которой три романа: «Метро 2033» (2005), «Метро 2034» (2009), «Метро 2035» (2015) [1]. Сформировалась «Вселенная Метро» (серия книг, действие в которых происходит в одном фантастическом мире), и в неё входят как книги Д.А. Глуховского, так и произведения других писателей. Основой фантастического мира Метро является предположение, по которому жизнь человечества после глобальной ядерной катастрофы продолжается в метро. У Д.А. Глуховского это московское метро, в других книгах межавторской серии – метро других городов. Впрочем, у многих соавторов серии действие вышло за пределы метро, переместилось на поверхность. Компонентом вселенной являются также компьютерные игры, основанные на данном сюжете [2]. Первая книга Д.А. Глуховского стала толчком для формирования целого мира книг и игр: автору удалось каким-то образом угадать желания и интересы (читательские, игровые, культурные) многих своих современников.

Книги о метро Д.А. Глуховского привлекают внимание исследователей. Литературоведам интересен хронотоп произведений [3], их жанровая природа [4], отдельные образы в них, к примеру, образ библиотеки [5]. Лингвисты обращают внимание на лексические средства создания автором антиутопического мира [6].

Предметом нашего исследования стала одна лексема в произведениях Д.А. Глуховского из «Вселенной Метро 2033» – лексема «воздух». Целью стал анализ использования писателем этой лексемы, выявление её роли в реализации авторского замысла.

Каждое слово в художественном тексте значимо, и это несомненно для лингвистов. Д.И. Рахимова посвящает кандидатскую диссертацию семантике и функционированию лексемы «игра» в романе В.В. Набокова «Защита Лужина» и выявляет, что «использование тех или иных лексем не безразлично для экспрессивно-стилистической значимости текста, так как они не только называют какие-то предметы, явления, состояния, действия, но одновременно осложняют семантику текста дополнительными смыслами» [7, с. 6]. Кандидатское исследование М.А. Богдановой посвящено форме, семантике и функциям лексемы «хорошо» как «широко употребляемого слова, лексико-семантические варианты которого обусловлены его грамматическим статусом и зависят от контекста» [8, с. 3]. Е.Н. Сороченко выявляет важность лексемы «мягкий» и ее производных в тексте романа И.А. Гончарова «Обломов» как средств описания характера и внешности персонажей [9]. Е.А. Валькова рассматривает лексему «свет» в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», посредством которой здесь «получает реализацию концептуальная единица русской картины мира – общество» [10, с. 40].

Лексема «воздух» привлекла наше внимание в первую очередь потому, что она используется Д.А. Глуховским очень часто. В романе «Метро 2033» (далее в примерах – 1) слово «воздух» использовано 53 раза; в романе «Метро 2034» (далее – 2) – 50 раз; в романе «Метро 2035» (далее – 3) – 69 раз. Общее количество словоупотреблений – 172. Столь час-

тое использование не случайно: у лексемы «воздух» в смысловой структуре анализируемых произведений особая нагрузка.

Лексема «воздух» выполняет в тексте изобразительную функцию: с её помощью автор детализирует описание жизни и быта жителей метро. Воздух в метро, как правило, нечист и наполнен неприятными запахами и различными примесями, которые особенно сильно ощущаются потому, что люди находятся в замкнутом пространстве и доступ свежего воздуха к их жилью невозможен. Это, к примеру, запах гнили: «*В лицо дохнуло **тяжелым, отдающим гнилью воздухом**, и на мгновение мышцы отказались повиноваться, как он ни старался заставить себя сделать следующий шаг*» (1); продукты горения и запах гари: «*...**Тяжелая гарь в воздухе***»; (1) «*...В воздухе стоял **запах пороховой гари***» (1); ржавый запах, связанный с тем, что в метро множество железных предметов, которые ржавеют: «*...Втянуть носом **ржавый воздух***» (2); пыль: «*Зал был темен, а в воздухе висела **пыль, серебристо переливаясь в лучах фонарей***» (2). Лексема «воздух» часто сопровождается соответствующими эпитетами: «***спертый воздух***» (2), «***тяжелый воздух***» (2), «***в мутном воздухе***» (3), «***воздухом ржавым в лицо***» (3) и др.

В метро, этом замкнутом пространстве, исключено или очень затруднено проветривание, поэтому запах или примесь в воздухе остаются здесь надолго: «*В воздухе висела **тяжелая каменная пыль, со стороны станции полз едкий дым***» (1), «*Тишина, **пыль в воздухе висит***» (3). Каждый запах и привкус воздуха в таких условиях усиливается и становится более заметным: «*Дышать тоже становилось тяжелее – но не из-за влажности, а из-за непривычного **терпкого привкуса, который появился здесь у воздуха***» (2). Наличие устойчивых примесей в некоторых районах метро настолько значительно, что воздух даже перестаёт казаться воздухом: «*...**Вместо воздуха была водяная пыль, смешанная с цементной пылью** – и воздух от нее становился тоже бетонным*» (3).

В метро героев часто окружает темнота. Органы зрения не помогают им в этом случае анализировать происходящее, а воздух в темноте становится индикатором и запаха (работает обоняние героя), и движения (работает осязание и ещё какие-то новые чувства, начавшие вырабатываться у людей, живущих в постоянной темноте): «*...**Легчайшее колебание воздуха** сказало ему, что это таинственное существо находится в считанных сантиметрах от его лица*» (1). Для восприятия реальности важным становится температура воздуха: «*Обдало гарью и **жарким воздухом***» (2), «*Шумели добытые где-нибудь наверху обогреватели, гнали лопастями **горячий воздух** на сырую шпукатурку*» (3).

Воздух, его состояние, наполненность запахами и примесями, степень его чистоты становятся для жителей метро способами освоения мира, средствами получения информации о нём. В этом они приближаются к животным или, например, к мутантам, живущим теперь на поверхности: «*Артем точно знал, что сейчас они рассматривают его, втягивают **сырой воздух, изучая его запах**, и ждут*» (1).

Воздух, который не наполнен отвратительными запахами и неприятными примесями, который приятен, встречается героям романа нечасто, и его описания контрастируют с изображением грязного воздуха. Этот воздух может ассоциироваться с домом – тем участком подземного мира, который стал для героя родным, где он чувствует себя в относительной безопасности: «*Здесь было уютно и как-то очень живо, **в воздухе стоял вкусный домашний запах***» (1). Чистый воздух одновременно привлекает и настораживает жителей метро: «*Воздух здесь был какой-то **прозрачный, дышалось на удивление просто, темнота не казалась пугающей***» (1). Приятный по составу и аромату воздух не обязательно наполнен домашними запахами или чудными ароматами. Для героя может стать приятным даже запах гари, если он говорит о чём-то важном: «*В воздухе витал **легкий приятный аромат гари**, и Артем удивленно подумал, уж не на бензиновой ли она [дрезина – М.К.]*

тяге» (1). Однако отсутствие в воздухе каких-либо примесей, например, при дыхании через противогаз, – «**безвкусный, стерильный воздух**» (2) – также неприятно для героя.

В тексте постоянно акцентируется такое качество воздуха, как недостаток кислорода. Ярким эпитетом для этого становится окказиональное причастие *выдышанный*: «**В тяжёлом, выдышанном воздухе несутся странный, зловецкий клич**» (2).

Жители метро отрезали себя от свежего воздуха сознательно, так как воздух наверху стал отравленным. Одна из основных целей выживших москвичей – очистить этот воздух, оставить на поверхности радиацию и смертельные примеси: «**Герметические затворы защищают их от радиации и чудовищ с поверхности, изношенные фильтры очищают воду и воздух**» (2), «**С обоих концов зал станции был обрублен по эскалаторы – сами замуровали и законопатили себя внутри, чтобы с поверхности воздух отравленный не тек...**» (3). В тексте неоднократно подчёркивается, что воздух опасен и может нести невидимую, не воспринимаемую глазом смерть – радиацию: «**Он был такой же вкрадчивый и ядовитый, как воздух тут, наверху: на вкус – вода; но и воздух на вкус был – жизнь, а сколько сгубил**» (3), «**Они дышали здесь заражённым воздухом, пили, наверное, заражённую воду, вот почему она была такой странной на вкус...**» (1). Свежий воздух стал опасным, а затхлый и наполненный примесями – практически родным. Другого у жителей подземного мира нет.

Время от времени в метро случаются эпидемии разных болезней, от которых вымирают целые станции, и жители боятся заразиться. В этом случае воздух становится предполагаемым средством заражения и воспринимается как вредная и опасная субстанция, содержащая и передающая вирус: «**Он заразил здесь весь воздух! Подыши мы им еще немного и нам конец**» (1). Люди не знают точно, как передаётся зараза: «**Не то через воздух летит, не то люди разносят**» (3), но начинают ненавидеть воздух, которым дышат, и бояться его.

В тексте всех романов цикла присутствует сильный мотив затруднённого дыхания. Героям не хватает воздуха в различных ситуациях: «**...Каждая клеточка тела молила о глотке воздуха, но вдохнуть было никак нельзя**» (1), «**Хотел закричать, но не хватило воздуха**» (2), «**У Артема осталось бедного воздуха всего капля**» (3), «**Не было воздуха говорить**» (3), «**Этой полуправды хватило на то, чтобы их провели через зал – душный, будто со станции откачали весь воздух**» (2), «**Трудно дышалось: через фильтры не проходило столько воздуха, сколько Артему сейчас было нужно**» (3). Недостаточное количество воздуха может стать одной из причин для нападений и конфликтов: «**Им тут места не хватает! Воды! Воздуха! Грибов!**» (3).

В снах и мечтах героев, которые время от времени описываются в романе, чистый воздух выступает одним из признаков прекрасной грёзы, мечты: «**...Здания были действительно огромными, но они не давили своей массой, нет, светлые, легкие, словно сотканные из сладкого здешинего воздуха, они парили, чуть не отрываясь от земли**» (1). Та же ситуация – в мифологии, появившейся в метро, в рассказах о якобы существующих здесь удивительных местах: «**А летом купол этот открывается – и живут они на свежем воздухе**» (3).

Естественно, что мечта героя о выходе на поверхность, из мира Метро, также связана для него с представлением о другом воздухе там, наверху. Артём мечтает «**с наслаждением глотать воздух, раскрашенный ароматами растений...**» (1). Он завидует тем, кому выйти на воздух уже удалось: «**Строят на поверхности базу. Мы – в метро сиди, да, Жень, а они будут воздухом дышать!**» (3).

Как только Артём оказывается на поверхности, ему хочется «**снять тесный противогаз, глотнуть свежего воздуха, каким бы ядовитым он ни был**» (1). И он сделал это, несмотря на опасность, пусть и на мгновение, – снял противогаз и «**полной грудью вдохнул горький холодный воздух**» (1). Каждый раз, когда герой оказывается на поверхности, он

стремится вдохнуть этого воздуха, потому что, даже если он грязный, но всё равно – свежий, не такой, как в метро: «*Потом он закрыл глаза, снял респиратор и впустил в себя морозный воздух, напитанный ржавым запахом свежей крови*» (2), «*Хлебнул сладкого и горького воздуха. Совсем другого воздуха, чем в метро. Свежего*» (3), «*Артем глотнул воздуха холодного и завернул за угол*» (3).

Мечта о свободе, о выходе наверх – это для Артёма в первую очередь мечта о свежем воздухе: «*Всех наших... Разместил бы... На воздухе... Жили бы...*» (3). В третьей части трилогии желание попасть наверх и вывести из метро его жителей становится для Артёма самым важным в жизни, становится её целью: «*Мы наверху родились. Там наше место. На воздухе. Мне там дышится по-другому!*» (3). Он пытается уговорить других, и среди аргументов важнейшим является воздух: «*Это кладбище, метро. Мы никогда тут никем не станем. Мы не будем тут людьми. Ничего нового не сделаем. Не вырастем. Мы тут болеем. Вырождаемся. Воздуха нет. Тут места нет. Тут тесно*» (3). И Артём уходит из метро, пусть остальные и не идут за ним, но теперь он будет дышать свежим воздухом, о котором так мечтал.

Итак, в содержательной структуре вселенной Д.А. Глуховского «Метро 2033» лексема «воздух» имеет особое значение. Автор создал оригинальный художественный мир, в пределах которого воздух очень важен. Жители его постапокалиптической вселенной живут под землёй и лишены свежего воздуха. С помощью лексемы «воздух» писатель изображает этот ужасающий мир, где свежий и чистый воздух – только мечта и миф, где люди постоянно вдыхают воздух, наполненный неприятными запахами и примесями. Жители метро постоянно ощущают недостаток воздуха, им трудно дышать, и именно этот воздух – затхлый, ржавый, пыльный, мутный, тяжёлый, сырой – теперь неотъемлемая часть их существования. Воздух может быть отравленным, нести опасность и смерть – радиацию, вирусы. Люди одновременно хотят дышать и боятся воздуха метро. Грязь этого воздуха – символ нежизнеспособности мира метро и грядущего угасания его жителей.

Чистый воздух присутствует в мечтах и снах героев и в мифологии метро. Чистый воздух – это одна из причин, по которой главный герой, Артём, стремится выйти из метро на поверхность. Это символ свободы и позитивных перемен в жизни.

Библиографический список

1. Глуховский Д.А. Метро 2033. Метро 2034. Метро 2035: фантастические романы. М.: АСТ, 2018. 848 с.
2. Вселенная Метро 2033. URL: <http://www.metro2033.ru> (дата обращения - 24.12.2018).
3. Ловицкий Н. Хронотоп романа Д. Глуховского «Метро 2033» // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-2. С. 117-118.
4. Григоровская А.В. Реализация функций волшебной сказки в структуре антиутопий Д. Глуховского «Метро 2033» и Д. Быкова «ЖД» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 82-91.
5. Григоровская А.В. Образ библиотеки в антиутопии Д. Глуховского «Метро 2033» // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: Тр. и мат. II Всерос. науч.-практ. конф. Редактор О.В. Трофимова. М.: Мандр и К, 2010. С. 227-231.
6. Гуанцзе Ч. Лексические средства создания антиутопического мира в романе Д. Глуховского «Метро 2033» // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 1 (36). С. 115-120.

7. Рахимова Д.И. Семантика и функционирование лексемы *игра* (на материале романа В.В. Набокова «Защита Лужина»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Казань, 2012. 21 с.
8. Богданова М.А. Форма, семантика и функции лексемы *хорошо*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2014. 23 с.
9. Сороченко Е.Н. Особенности употребления лексемы «мягкий» и ее производных в тексте романа И.А. Гончарова «Обломов» // Язык и культура (Новосибирск). 2016. № 26. С. 78-82.
10. Валькова Е.А. Лексема *общество* и ее функционал в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: Сб. научн. тр.; отв. ред. О.В. Шаталова. М.: Изд-во МГОУ, 2016. С. 40-45.

References

1. Glukhovsky D.A. Metro 2033. Metro 2034. Metro 2035: fiction novels. Moscow, 2018. 848 p.
2. The universe of Metro 2033. URL: <http://www.metro2033.ru> (date of application - 24.12.2018).
3. Lovitsky H. The chronotope of the novel «Metro 2033» by D. Glukhovsky // International journal of experimental education. 2014. Vol. 6-2. P. 117-118.
4. Grigorovskaya A.V. The implementation of the functions of the fairy tale in the structure of the dystopia «Metro 2033» by D. Glukhovsky and «Railway» by D. Bykov // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. 2011. Vol. 2. P. 82-91.
5. Grigorovskaya A.V. The image of the library in the dystopia «Metro 2033» by D. Glukhovsky // Russian language as a factor of stability of the state and the moral health of the nation. Moscow, 2010. P. 227-231.
6. Guanjie Ch. Lexical means of creating an anti-utopian world in the novel «Metro 2033» by D. Glukhovsky // Foreign languages in higher education. 2016. Vol. 1 (36). P. 115-120.
7. Rakhimov D.I. The semantics and functioning of the lexeme *game* (on the material of the novel by V.V. Nabokov «The defense of Luzhin»): Abstract of the dissertation... PhD in philology: 10.02.01. Kazan, 2012. 21 p.
8. Bogdanova M.A. The form, semantics and functions of the lexeme are good: Abstract of the dissertation... PhD in philology: 10.02.01. Moscow, 2014. 23 p.
9. Sorochenko E.N. Features of the use of the lexeme «soft» and its derivatives in the text of the novel «Oblomov» by I.A. Goncharov // Language and culture (Novosibirsk). 2016. Vol. 26. P. 78-82.
10. Valkova E.A. Lexeme *society* and its functionality in the novel «Eugeny Onegin» by A.S. Pushkin // Russian language in Slavonic intercultural communication: history and modernity. Moscow, 2016. P. 40-45.

УДК 811.111

Институт гуманитарного образования и спорта БУ ВО Сургутского государственного университета
канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения
Филистова Н.Ю.
Россия, г. Сургут, тел. +7(922)269-96-15
e-mail: nataliafilistova@yandex.ru
Институт гуманитарного образования и спорта БУ ВО Сургутского государственного университета
студент кафедры лингвистики и переводоведения
Свистунова М.А.
Россия, г. Сургут, тел. +7(982)561-21-24
e-mail: glam-dreamer@yandex.ru

Institute of Humanities and Sports of Surgut State University
The chair of linguistics and translation studies
PhD, associate professor
Filistova N.Yu.
Russia, Surgut, +7(922)269-96-15
e-mail: nataliafilistova@yandex.ru
Institute of Humanities and Sports of Surgut State University
Student of the chair of linguistics and translation studies
Svistunova M.A.
Russia, Surgut, +7(982)561-21-24
e-mail: glam-dreamer@yandex.ru

Н.Ю. Филистова, М.А. Свистунова

**ТЕКСТОВЫЕ МИРЫ В ДЕТЕКТИВНОМ ЖАНРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА А. КРИСТИ
«MURDER ON THE ORIENT EXPRESS»)**

Данная статья посвящена рассмотрению текстового многомирия в детективном жанре. Материалом исследования послужил текст детективного романа А. Кристи «Murder on the Orient Express» («Убийство в Восточном Экспрессе»). Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью текстовых миров в рамках детективного жанра, а также отсутствием единого определения термина *многомирие* и методики его анализа. Цель статьи – проанализировать пространственные и временные рамки детективного романа, а также рассмотреть не только внешние, но и внутренние миры главного героя исследуемого романа А. Кристи. Настоящее исследование основано на таких общенаучных и специальных методах и приемах, как дедукция, сравнение, описательный метод, а также метод текстовых интерпретаций. Текстовый мир, в отличие от мира дискурса, строится не только автором, но и читателем, который руководствуется своим опытом и видением окружающего мира. На данном уровне главными элементами являются не автор и читатель, а находящиеся внутри данного мира такие элементы, как события, происходящие в нем, места, в которых разворачиваются данные события, а также персонажи, создающие основу событий. Проведенный анализ позволил выделить строение и структуру текстовых миров в детективе, а также актуализировать многомирие и показать важность его влияния на повествование.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, детективный роман, пространство, мир, многомирие, текстовые миры, внешний мир, внутренний мир.

N.Y. Filistova, M.A. Svistunova

**TEXT WORLDS IN DETECTIVE GENRE
(ON THE BASIS OF THE DETECTIVE NOVEL BY A. CHRISTIE)**

«MURDER ON THE ORIENT EXPRESS»

This article is dedicated to the analysis of the text worlds in the detective genre. It is held on the basis of the detective novel by A. Christie «Murder on the Orient Express». The relevance of this work is explained by the lack of material on the study of text worlds within the detective genre, as well as the lack of a common definition of the term «text worlds» and methods of its analysis. The aim of the article is to distinguish the spatial extent and temporal frame of the detective novel, as well as to consider not only the external but also the internal worlds of the protagonist of the novel by A. Christie. The present study is based on such general scientific and special methods and techniques as deduction, comparison, descriptive method, and the method of text interpretation. The text worlds, unlike the worlds of discourse, are built not only by the author, but also by the reader, who is guided by his experience and vision of the world around him. At this level, the main elements are not the author and the reader, but the elements within the world, such as the events taking place in it, the places in which these events unfold, as well as the characters that create the basis of the events. The analysis of the structural specificity of the text worlds in a detective genre helps to actualize the multiverse within the detective novel and to show the importance of it for the narration.

Key words: cognitive linguistics, detective novel, space, world, multiverse, text worlds, outer world, inner world.

В сфере лингвистики отмечается достаточно предвзятое отношение к детективу как к второстепенному жанру. Однако читательский интерес к детективной литературе поражает своей стабильностью. По словам Н.Ю. Филистовой, «в силу сложившегося отношения литературоведов и лингвистов к этому жанру, детектив продолжает оставаться малоизученным, в основном в рамках литературоведческой проблематики, не систематизированы основные лингвистические параметры этого вида нарративного текста, до сих пор идут бесконечные споры вокруг определения жанра, его специфики и морфологии» [1].

Для того, чтобы понять, что такое многомирие, необходимо понять, что такое когнитивная лингвистика. Именно когнитивная лингвистика занимается изучением восприятия человеком мира и всего того, что его окружает. Такое понятие, как *пространство*, как раз входит в сферу изучения когнитивной лингвистики. Как отмечает Н.Ю. Филистова, «важнейшими текстовыми отношениями, которые передаются в любом литературном произведении, в том числе и в рассказе, являются время и пространство. Прежде чем начать повествование, автор должен определить местоположение персонажа и временной период, когда совершаются действия» [2].

Существуют различные определения понятия «пространство», одно из которых дает Г.М. Костюшкина, отмечая, что пространство лежит не только внутри окружающего мира, но и в мышлении человека: «Пространство являет собой одну из первых реалий бытия, воспринимаемых человеком. Оно организуется вокруг человека, который ставит себя в центр макро- и микрокосмоса, и дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, оказываясь основой для формирования многих типов номинаций, относящихся к другим непространственным сферам» [3, с. 89].

Пространство можно разделить на действительное, то есть окружающий мир, и воображаемое, то есть относящееся к мышлению человека. Именно выделение разновидностей пространства говорит о существовании некой системы миров, которая получила название *многомирие*. Понятие *пространство* тесно связано с понятием *мир*. Термин *многомирие* был введен в лингвокультурологию Н.С. Новиковой и Н.В. Черемисиной [4]. Теория многомирия, получившая название теории текстовых миров, разработана П. Вертом и расширена Д. Гэвинзом, выделившим в художественном мире три уровня:

- 1) мир дискурса;
- 2) текстовые миры;
- 3) подмиры.

Мир дискурса, первый уровень многомирия, включает в себя три главных элемента: автор, текст, читатель [5, с. 83]. Именно на этом уровне читатель, находясь в созданном окружающем пространстве автора, способен общаться с ним через текст написанного им произведения.

Текстовые миры – это миры, которые создаются автором или рассказчиком в мире дискурса или в самой авторской речи.

Подмиры – это миры, которые создаются не автором, не читателем, а персонажами данного произведения, некие внутренние миры. Этот мир проявляется через речевой акт, который совершается персонажами. К подмирами относятся, например, воспоминания персонажей, их разговоры о прошлом, их отношение к тем или иным событиям, а также размышления о будущем.

Главным фактором при сопоставлении текстовых миров и подмиров является параметр их доступности по отношению к читателю. В первые читатель может попасть сам, поскольку они находятся в мире дискурса, а во вторые – нет, так как они выдуманы персонажами произведения.

Мир можно разделить на *внешний мир*, представленный локусами, в которых происходят события художественного произведения, а также *внутренний мир*, который представлен мыслями и мнениями героев, то есть их внутренней речью. Все это составляет отдельные уровни текстовых миров.

В детективном романе А. Кристи «Murder on the Orient Express» внешний мир представлен, главным образом, двумя локусами: Европой (поездка домой) и Востоком с отправной точкой в Стамбуле. История начинается в Сирии, что обозначено в первом предложении романа: «*It was five o'clock on a winter's morning in Syria. Alongside the platform at Aleppo stood the train grandly designated in railway guides as the Taurus Express*» («Ранним морозным утром, в пять часов по местному времени, вдоль платформы сирийской станции Алеппо вытянулся состав, который железнодорожные справочники торжественно именовали экспресс «Тавры») [7, с. 7]. Повествование заканчивается в Югославии, на конечной остановке Восточного Экспресса (The Orient Express). Вся поездка длится 4 дня, за которые экспресс проезжает разные города, станции, регионы, страны и даже континенты, начиная путь от станции *Aleppo* и заканчивая на станции *Vincovci*.

Пространство мира данного романа многоуровневое, что усматривается из контекста, поэтому географические места, упоминаемые в тексте, не являются центром истории. В центре внимания романа – легендарный поезд Восточный Экспресс, который прокладывает свой путь от Стамбула к Европе. Восточный Экспресс представляет собой отдельный мир, состоящий из отдельных элементов, например, купе. Он заморожен во времени и пространстве, внутри этого ограниченного пространства прокладывается путь и совершается вендетта. Здесь также необходимо упомянуть о таком понятии как *somewhere* – место, где Восточный Экспресс делает остановку, когда железнодорожные пути накрывает снегом. Поскольку нам неизвестно, где именно поезд совершил экстренную остановку, мы назовем это место *somewhere* [6, с. 8].

История начинается с эпизода, когда детектив Эркюль Пуаро впервые заходит в вагон Восточного экспресса, часть маршрута которого *Константинополь - Триест - Кале*. С этого момента развитие сюжета происходит в ограниченном пространстве – в поезде, который, подобно паутине, заключает в ловушку героев, чье различие сразу примечается Мсье Буком: «*All around us are people, of all classes, of all nationalities, of all ages. For three days these people, these strangers to one another, are brought together. They sleep and eat under one roof, they cannot get away from each other*» («Посмотрите – вокруг нас люди всех классов, всех национальностей, всех возрастов. В течение трех дней эти совершенно чужие друг другу люди неразлучны – они спят, едят под одной

крышей») [7, с. 29]. Поезд является отдельным миром, в который попадают герои-пассажиры, изолированные от внешнего мира. Поезд состоит из отдельных пространств: вагонов, купе, ресторана, в которых находится обслуживающий персонал. Все в поезде подчинено особым правилам и условностям. Ввиду ограниченности данного мира пропадает уединенность, пассажиры находятся в стесненных условиях, что позволяет любому секрету и любой тайне раскрыться в считанные минуты.

Интересной особенностью данного сюжета является устройство купе в вагоне, поскольку от их положения и от того, какой персонаж его занимает, зависят показания свидетелей и исходное решение детектива, поэтому необходимо, прежде всего, составить схему вагона, в котором произошло убийство:

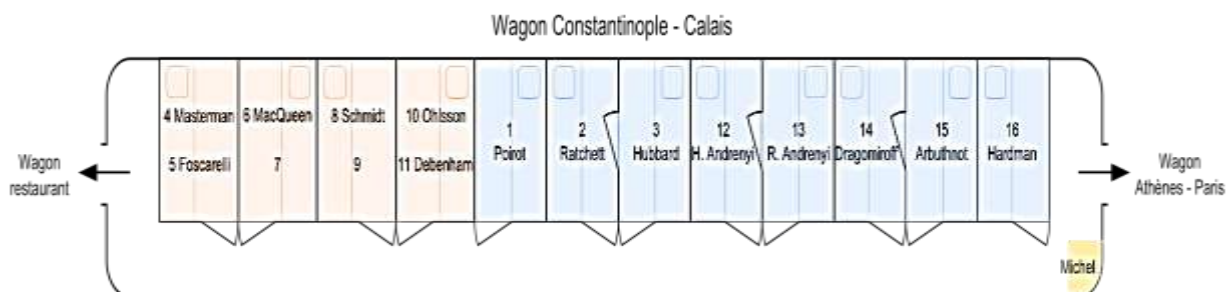

Схема 1. Строение вагона и расположение героев

Каждое купе является отдельным элементом внешнего мира, ограниченного стенами Восточного Экспресса. Из схемы вагона мы можем видеть расположение пассажиров первого и второго классов. Купе первого класса, в которых едут Пуаро, Рэтчетт, Хаббард, Андриени, Драгомирова, Арбуэтно, Хардман, обозначены голубым цветом. Купе второго класса, занятые Мастермэнном, Фоскарелли, Мак-Куинном, Шмидтом, Ольсоном, Дебенхэм, обозначены оранжевым цветом. Помимо купе, есть место проводника спального вагона Стамбул - Кале Пьера Мишеля, который обозначен желтым цветом. Для повествования важно положение не только купе, но и проводника, поскольку именно Мишель следит за всеми пассажирами и знает обо всех их передвижениях. Также в Восточном Экспрессе располагается вагон-ресторан, где на протяжении всего повествования пересекаются герои и общаются друг с другом. Расположение купе важно для раскрытия убийства, поскольку, исходя из того, где находятся герои, Пуаро может делать выводы об их перемещениях и возможной причастности к убийству. Именно это помогает детективу подготовить вопросы, которые он в будущем задаст пассажирам.

Станции, на которых поезд делает остановки, имеют важное значение, поскольку они являются ключевыми точками путешествия на Восточном Экспрессе. Однако станциям не дается подробное описание, они служат в качестве мест, разбивающих поездку на несколько частей. Так, станция *Aleppo* представлена следующим образом: «*Nothing to see, of course. Just a long, poor-lighted platform with loud furious altercations in Arabic going on somewhere.*» («Смотреть тут, конечно, не на что. Длинный, плохо освещенный перрон; где-то неподалеку яростно бранятся по-арабски») [7, с. 10]. Однако станции упоминаются тогда, когда Пуаро расследует убийство: «*Ah! I may mention without indiscretion, I hope, that I noticed the colour of your dressinggown on the way from Aleppo to Stamboul. A pale mauve, I believe.*» («А! Смею упомянуть и надеюсь, вы не сочтете меня нескромным, что по пути из Алеппо в Стамбул я обратил внимание на ваш халат - он лилового цвета, верно?») [7, с. 161]. Эти слова Пуаро адресует Дебенхэм, которую

встречает на станции Алеппо задолго до поездки на Восточном экспрессе. Вновь автор показывает важность прошлых событий, влияющих на допрос пассажиров.

В таком же стиле описана станция *Belgrade*: «*The Simplon Orient Express arrived at Belgrade at a quarter to nine that evening... The cold was bitter and though the platform itself was protected, heavy snow was falling outside. He returned to his compartment*» («Экспресс Симплон - Восток прибыл в Белград без четверти девять... Стоял сильный мороз, мела метель, навес над. Не перроном служил плохой защитой, и Пуаро вскоре вернулся к своему вагону») [7, с. 37]. Именно намек на сильный мороз и метель предвещает нам будущее событие: Восточный экспресс останавливается посреди своего пути из-за погодных условий, и происходит убийство. Станции служат неким реквизитом для перемещения во времени и пространстве, поэтому им не дается обширных и детальных описаний. Станция *Sirkeci* в Стамбуле даже не упоминается, хотя на ней начинается история. Она является точкой отправления, о чем мы узнаем из описания движения поезда: «*There was a sudden jerk. Both men swung round to the window, looking out at the long, lighted platform as it slid slowly past them*» («Вагон дернуло. Мужчины повернулись к окну - стали смотреть, как мимо них проплывает длинный, залитый огнями перрон.») [7, с. 28]. Здесь также происходит разговор между Пуаро и Лейтенантом, который рассказывает ему о неблагоприятных погодных условиях: «*Let us hope you will not be snowed up in the Taurus!... The weather reports from Europe, they are bad*» («Будем надеяться, что вас не застигнут заносы в Таврских горах... Сводки погоды из Европы плохие») [7, с. 10]. Это также предсказывает читателю негативный план развития дальнейших событий.

В течение всего романа называется только 9 мест: 6 станций (*Aleppo*, *Konya*, 2 станции в Стамбуле, 1 станция в Азии и 1 станция в Европе – *Belgrade* и *Vincovci*), Горный хребет (*the Taurus*), отель (*the Tokatlian* в Перу), и «*somewhere*» (между *Vincovci* и *Brod*). Станция *Vincovci* неоднократно упоминается при расследовании убийства, поскольку она является последней отправной точкой перед тем, как поезд попал в снежную бурю. При этом Пуаро спрашивает пассажиров, выходили ли они на этой станции или нет, и была ли возможность у посторонних сесть на поезд во время остановки, пока никто не видит. Именно перемещение пассажиров после остановки на станции *Vincovci* является эмблематичной: «*We must also pay a little attention to the time the intruder entered the compartment. When had he an opportunity of doing so? Unless we are to assume the complicity of the real conductor, there was only one time when he could have done so—during the time the train stopped at Vincovci. After the train left Vincovci the conductor was sitting facing the corridor, and whereas any one of the passengers would pay little attention to a Wagon Lit attendant, the one person who would notice an impostor is the real conductor. But during the halt at Vincovci the conductor is out on the platform. The coast is clear*» («Нам следует обратить внимание и на то, когда непрошенный гость вошел в купе? Когда ему представился случай туда проникнуть? У него была только одна возможность сделать это - во время стоянки поезда в Виньковцах, если только он не был заодно с настоящим проводником. После того как поезд отправился из Виньковцов, проводник безвыходно сидел в коридоре, и, тогда как ни один из пассажиров не обратил бы внимания на человека в форме проводника, настоящий проводник обязательно заметил бы самозванца») [7, с. 213].

В основном описания мест – отстраненные и расплывчатые, кроме описания станции *The Taurus* (Горный хребет), где дано ее восприятие глазами пассажиров: «*Later they passed through the magnificent scenery of the Taurus. As they looked down towards the Cilician Gates, standing in the corridor side by side, a sigh came suddenly from the girl...*» («Экспресс въехал в живописные Таврские горы. Когда в окне показались Киликийские ворота, послышалось, как девушка со вздохом прошептала...») [7, с. 15]. Именно здесь, на Таврском экспрессе (*the Taurus Express*) Пуаро впервые встречается с двумя людьми,

причастными к будущему убийству – Дебенхэм и Арбэтнот. Девушка, которая восхищается Таврскими горами («*It's so beautiful! I wish I could enjoy it*») («Как красиво! Жаль, что я не могу наслаждаться этим»), и есть Дебенхэм. На ее слова ее спутник Арбэтнот отвечает довольно двусмысленно: «*I wish to Heaven you were out of all this*» («Видит бог, я много дал бы, чтобы избавить вас от этого») [7, с. 15]. Затем Дебенхэм начинает заметно нервничать: «*Not now. Now now. When it's all over. When it's behind us... then...*» («Когда все будет кончено... Когда все будет позади... тогда...») [7, с. 16]. Данный диалог предвещает дальнейшие события, в нем присутствует намек на причастность двух персонажей к убийству. В последующих главах Пуаро неоднократно будет обращаться к словам Арбэтнота и Дебенхэм при раскрытии убийства: «*He retailed to them the curious interchange of phrases he had overheard on the journey from Aleppo*» («И он передал любопытный разговор, подслушанный им по пути из Алеппо») [7, с. 164].

Основываясь на описанных в детективном романе локусах, можно составить следующую схему внешнего мира:

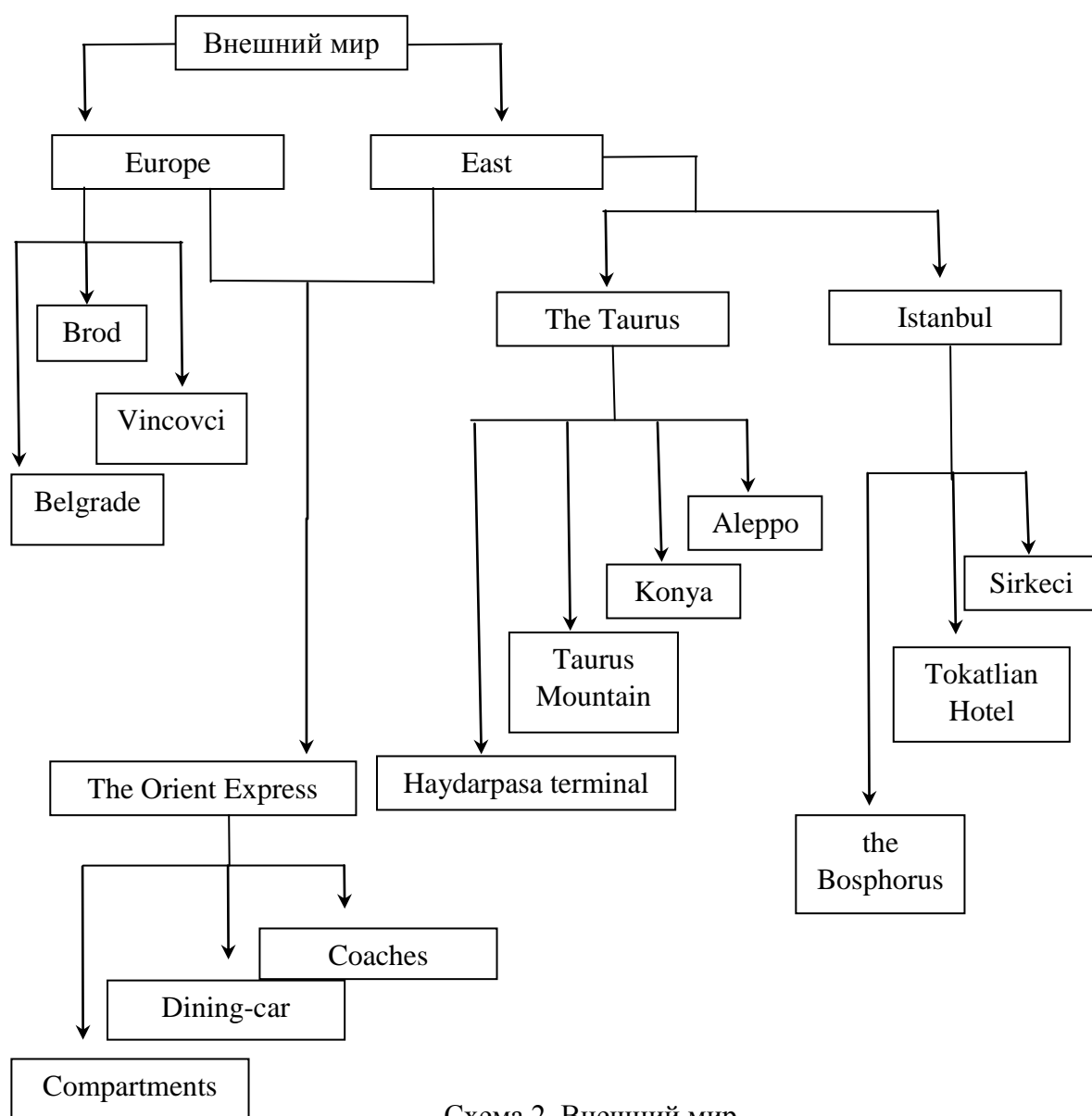

Схема 2. Внешний мир

К главным особенностям данного произведения А.Кристи относится повествование от третьего лица, а также отсутствие рассуждений автора. Благодаря этому мы наблюдаем точку зрения персонажей и их рассуждения относительно событий, происходящих в произведении. Таким образом, мы можем выделить внутренние миры произведения, представленные высказываниями персонажей. В отличие от внешних миров, где хорошо прослеживается связь пространства и времени, внутренние миры абстрактны, потому что они не привязаны к месту и пространству.

Для нас важными являются: 1) внутренний мир Эркюля Пуаро (поскольку он является главным героем, от решения которого зависит исход повествования), 2) внутренний мир Мсье Бука (он помогает Пуаро в расследовании дела) и 3) внутренние миры убийц (их показания и реальные причины совершенного убийства). Во внутренних мирах важным являются эмоции и мысли персонажей. В данном случае нас интересует точка зрения персонажей на совершенное преступление и их показания, а также попытки Пуаро найти истину.

Рассмотрим внутренний мир Пуаро. Они представлены внутренней речью и несобственно-прямой речью персонажа. Важными для нас являются два события: первое знакомство Пуаро с пассажирами, а именно встреча с Рэтчеттом, а также само убийство. Именно благодаря этим двум аспектам раскрываются внутренние миры детектива.

Во время встречи с Рэтчеттом, мы наблюдаем внутреннее состояние Пуаро. Здесь также показывается его отношение к этому человеку: *«The detective was conscious of those strange shrewd eyes summing him up before the other spoke again», «Poirot looked at him thoughtfully for some minutes. His face was completely expressionless»* («Сыщик чувствовал, как сверлят его злобные глазки собеседника, – тот, казалось, оценивает его, прежде чем снова заговорить», «Пуаро задумчиво смотрел на Рэтчетта. Прошло несколько минут. Его лицо было непроницаемо») [7, с. 35, 36]. В данном описании присутствуют отрицательные оттенки, что позволяет нам заранее предугадать характер убитого, а также предопределяет его криминальное прошлое. Встреча с остальными пассажирами происходит в течение всего романа. Детектив знакомится с каждым из них, и каждый герой имеет свои особенности, необходимые для раскрытия дела.

Вторым важным событием является убийство. Перед убийством Пуаро слышит крик, который будит его посреди ночи. В этот момент мы наблюдаем его внутреннее беспокойство: *«That cry had startled him»* («Крик взбудоражил его») [7, с. 42]. Затем мы видим его дальнейшее состояние: *«Hercule Poirot lay awake staring at the ceiling. Why was the station outside so silent? His throat felt dry. He had forgotten to ask for his usual bottle of mineral water»* («Пуаро лежал без сна, глядя в потолок. Почему на станции так тихо? В горле у него пересохло. Как нарочно, он забыл попросить, чтобы ему принесли минеральной воды») [7, с. 43]. Данное описание состояния героя способствует пониманию отношения Пуаро к случившемуся.

Важными также являются рассуждения детектива, когда тот расследует преступление и пытается найти разгадку. Роман, на наш взгляд, условно можно разделить на три части: расследование (*investigation*), обдумывания детективом найденных улик (*speculation*) и разгадка (*rede*). В романе описывается состояние Пуаро, который пытается прийти к разгадке: *«“I do not understand myself,” said Poirot. “I understand nothing at all. And, as you perceive, it worries me”»* («- Я и сам не вполне себя понимаю, – сказал Пуаро. – Я ничего вообще не понимаю, и, как вы могли заметить, это меня тревожит») [7, с. 73]. В итоге Пуаро приходит к двум вариантам решения, последующий выбор из которых позволяет нам проследить ход размышлений детектива. Первый вариант, заключающийся в том, что преступником является неизвестный человек, который успел скрыться с места преступления сразу после его совершения, является не верным, и детектив приходит к ней только ради того, чтобы спасти преступников от наказания. Вто-

рой вариант является истинным и содержит объяснения прошлого героев, события которого привели к совершению убийства. Читатель узнает о возможной причастности всех пассажиров к преступлению, об их мотивах и их отношениях с убитым, что, на наш взгляд и является содержанием внутренних миров преступников.

Исходя из этого, можно составить следующую схему внутреннего мира Эркюля Пуаро:

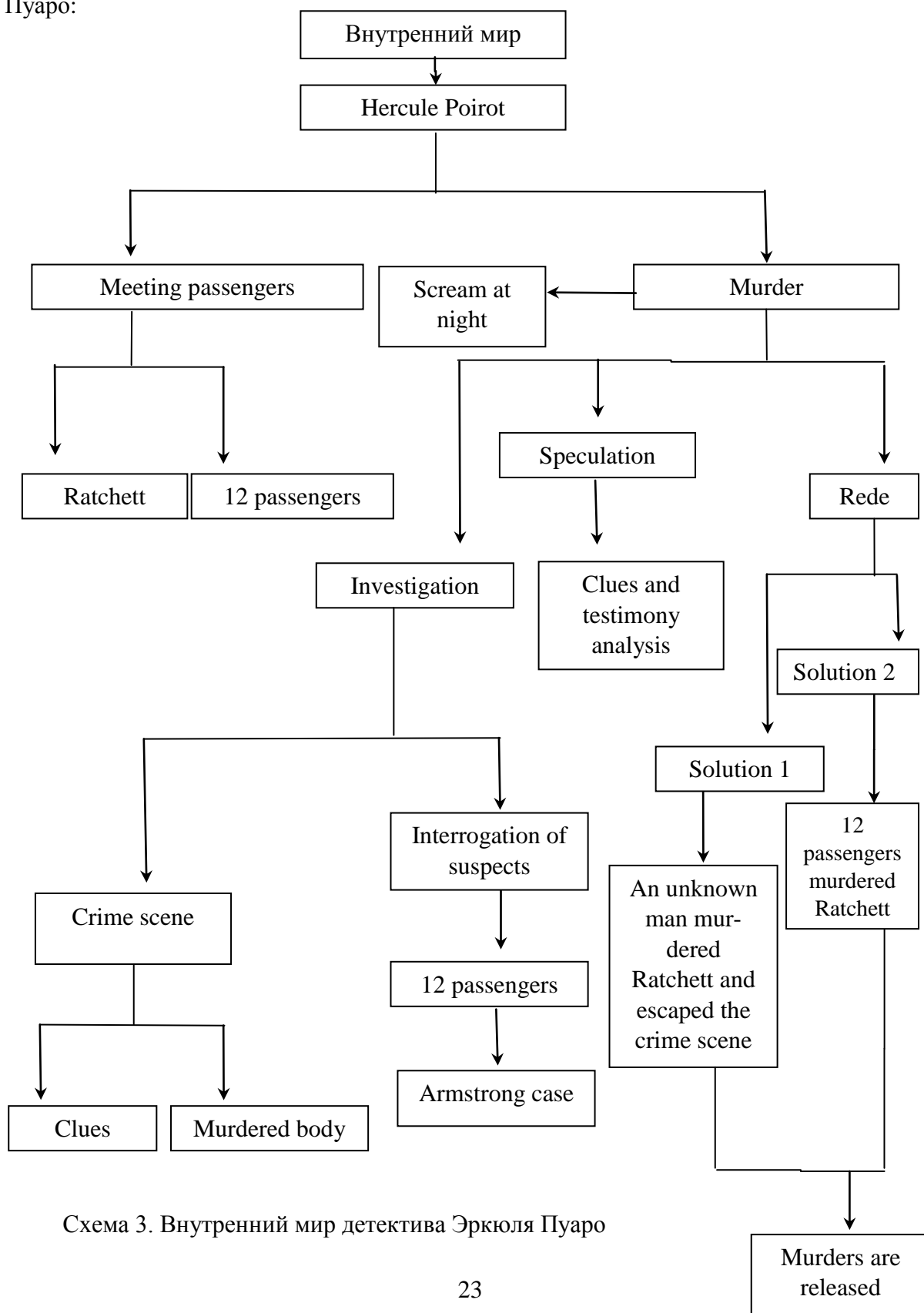

Схема 3. Внутренний мир детектива Эркюля Пуаро

Внутренний мир Эркюля Пуаро объемлен и глубок, он представлен большим количеством уровней, чем внешний мир данного детективного романа. Это является свидетельством того, что в произведении А. Кристи «Murder on the Orient Express» большую ценность представляют события внутреннего мира героев, их эмоции, мысли, мнения, а не внешние обстоятельства и обстановка, которая окружает их.

Рассмотрим внутренние миры двух персонажей, с которыми Пуаро встречается в самом начале романа до поездки на Восточном Экспрессе. Дебенхэм и Арбэтнот вызывают особый интерес, поскольку внутренние миры данных персонажей связаны друг с другом, а сами персонажи очень близки и практически не отходят друг от друга. Как нами было упомянуто ранее, Пуаро впервые видит Дебенхэм и Арбэтнота во время поездки, начинающейся на станции *Aleppo*. Здесь внутренние миры трех персонажей пересекаются с внешними, где происходит их встреча, а затем дальнейшее расследование убийства и раскрытие причастности Дебенхэм и Арбэтнота к нему. Пуаро видит Дебенхэм на Таврском Экспрессе, входящим во внешние миры: «*She was tall, slim and dark—perhaps twenty-eight years of age. There was a kind of cool efficiency in the way she was eating her breakfast and in the way she called to the attendant to bring her more coffee which bespoke a knowledge of the world and of travelling*» («Высокая, стройная брюнетка лет двадцати восьми. Держалась она непринужденно, и по тому, как она ела, как приказала официанту принести еще кофе, видно было, что она бывалая путешественница») [7, с. 13]. Затем в вагон-ресторан входит второй герой, Арбэтнот: «*This was a tall man of between forty and fifty, lean of figure, brown of skin, with hair slightly grizzled round the temples*» («Высокий мужчина не то за сорок, не то под пятьдесят. Худощавый, загорелый, с седеющими висками») [7, с. 13]. Именно здесь Пуаро впервые начинает подозревать неладное, поскольку герои ведут себя скрытно и странно.

Главным здесь является внутренний мир Пуаро, который раскрывает внутренние миры других персонажей, в данном случае Дебенхэм и Арбэтнота. Через глаза детектива мы наблюдаем состояние Дебенхэм, когда Восточный Экспресс неожиданно останавливается из-за снега: «*Her voice sounded impatient, but Poirot noted that there were no signs of that almost feverish anxiety which she had displayed during the check to the Taurus Express*» («Голос ее звучал нетерпеливо, однако Пуаро заметил, что в нем не слышалось той лихорадочной тревоги, как тогда, когда задерживался экспресс “Тавры”») [7, с. 46]. Когда Пуаро начинает допрашивать свидетелей, мы можем видеть, как Арбэтнот защищает Дебенхэм, утверждая, что она не может быть причастна к убийству, тем самым дает ложные показания: «*“Ah!” said Poirot with every appearance of being much gratified. “So you do not think that she is likely to be implicated in this crime?” “The idea is absurd,” said Arbuthnot. “The man was a perfect stranger – she had never seen him before.” “Did she tell you so?” “She did. She commented at once upon his somewhat unpleasant appearance. If a woman is concerned, as you seem to think (to my mind without any evidence but on a mere assumption), I can assure you that Miss Debenham could not possibly be implicated*» («“Благодарю вас,” – сказал Пуаро с таким видом, будто ему все стало ясно. – “Значит, вы считаете маловероятным, что она замешана в преступлении?” “Абсолютно нелепое предположение,” – ответил Арбэтнот, “мисс Дебенхэм не была знакома с убийцей. Впервые она увидела его здесь, в поезде. – “Она вам об этом говорила?” – “Да. Она сразу обратила внимание на его неприятную внешность и поделилась этим впечатлением со мной. Если в убийстве замешана женщина, как вы считаете – без всяких, на мой взгляд, на то оснований, руководствуясь одними домыслами, могу вас заверить, что мисс Дебенхэм тут совершенно ни при чем») [7, с. 136]. В ходе расследования, мы узнаем истинную причину совершения убийства и причастность Дебенхэм и Арбэтнота

к нему, а также их связь с убитым и теми, кого он сам убил в прошлом, и отношения с другими преступника.

Исходя из этого, можно составить следующую схему внутренних миров Дебенхэм и Арбэтнота:

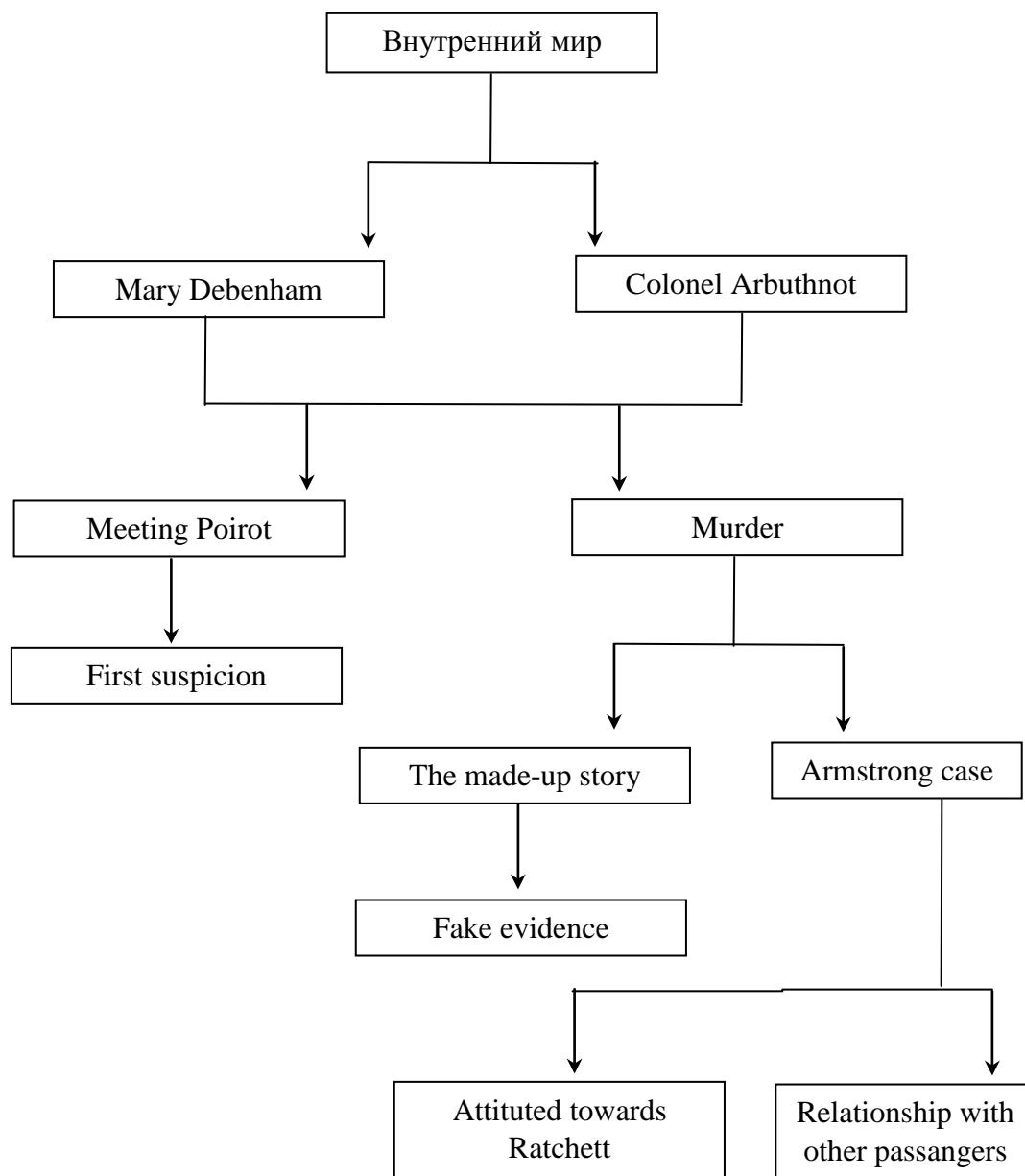

Схема 4. Внутренние миры Дебенхэм и Арбэтнота

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: внешние и внутренние миры делают роман интересным, позволяют нам рассмотреть детали, которые влияют на сюжет и на ход событий. Для нас также важно сопоставлять данные миры, поскольку они тесно взаимосвязаны друг с другом, и без одних миров не могут существовать другие. Нам удалось выяснить, что связаны не только внешние миры с внутренними, но и внутренние миры связаны друг с другом, один способен раскрыть другой и наоборот. Данное исследование затронуло актуальные аспекты текстового многомирия

в детективном жанре, изучение которого является относительно новым и перспективным направлением в современной лингвистике.

Библиографический список

1. Филистова Н.Ю. Структурная организация детективного нарратива (на материале английских и русских рассказов) // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № Т20. С. 3986-3990.
2. Филистова Н.Ю. Лингвистические особенности категории художественного времени (на примере психологических рассказов М. Спарк) // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 3 (15). С. 132-137.
3. Костюшкина Г.М., Бадмаева Е.С. Лингвистическая модель описания концептуальных пространств маскулинности и феминности в разноязычных культурах // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: материалы 4-й Всероссийской научной конференции. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2010. 448 с.
4. Новикова Н.С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. 2000. №1. С. 40-49.
5. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / под ред. M. Short. New York: Pearson Education Inc., 1999.
6. Madoeuf A. Murder on the Orient Express: a Literary and Train Journey from Istanbul to Europe. Emmanuelle Peraldo. Literature and Geography. The Writing of Space throughout History, Cambridge Scholars Publishing, p. 52-63, 2016.
7. Кристи А. Murder on the Orient Express. Убийство в «Восточном экспрессе». СПб.: Издательство «Антология», 2017. 288 с.

References

1. Filistova N.Y. Structural organization of detective narrative (on the basis of English and Russian stories) // Scientific-methodical electronic journal Concept. 2014. No. T20. Pp. 3986-3990.
2. Filistova N.Y. Linguistic peculiarities of the category of time (on the basis of psychological stories by M. Spark) // Philological sciences in MSIIR. 2018. Vol. 3 (15). P. 132-137.
3. Kostyushkina G.M., Badmaeva E.S. Linguistic model for describing conceptual spaces of masculinity and femininity in multilingual cultures // Problems of conceptual systematics of language, speech and speech activity. Irkutsk: ISTU Publishing House, 2010. 448 p.
4. Novikova N.S. Multiverse in reality and linguistic typology of linguistic pictures of the world // Philological sciences, 2000. Vol. 1. P. 40-49.
5. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. New York: Pearson Education Inc., 1999.
6. Madoeuf A. Murder on the Orient Express: a Literary and Train Journey from Istanbul to Europe. Emmanuelle Peraldo. Literature and Geography. The Writing of Space throughout History, Cambridge Scholars Publishing, 2016. Pp 52-63.
7. Christie A. Murder on the Orient Express. St.-Petersburg, 2017. 288 p.

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русско-
го языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
студент 3 курса группы 3831
строительного факультета
Верзилин А.П.
e-mail: mr.carambas@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The department of civil engineering
The 3d year student (group 3831)
Verzilin A.P.
e-mail: mr.carambas@mail.ru*

Л.В. Недоступова, А.П. Верзилин

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ОДНОГО ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ГОВОРА

В работе рассматриваются характерные черты, присущие современному говору села Прогорелое Петропавловского района Воронежской области. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к диалекту как уникальному культурному феномену и изучением специфики территориальных диалектов. Целью работы стало определение современных типичных морфологических особенностей речи респондента. Языковой материал получен от долгожительницы названного населённого пункта — Томашёвой М.П. (1929 г.р.) в полевых условиях в ходе неформальной беседы. Объектом наших наблюдений стала морфологическая система речи информантки. Предметом исследования является языковая картина мира респондента. Языковой материал позволил выявить существенные особенности морфологического уровня местного говора и увидеть его современное состояние. В ходе анализа рассмотрены существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, числительные, наречия, предлоги, союзы, частицы. Продемонстрированы черты самостоятельных и служебных частей речи. Обширный материал, подвергшийся анализу, взят из активного словаря диалектоносителя. Указаны те свойства народного говора, которые делают его оригинальным. Рассмотренные речевые произведения сохраняют ярко выраженные диалектные черты. Степень сохранности этих черт делает речь информанта уникальной в своём роде, потому что они функционируют в чистом виде. Языковая картина мира, отражённая в речевых произведениях, детализирует особенности морфологического уровня носителя говора. Сочетание выявленных южнорусских и украинских особенностей позволяет сделать вывод о принадлежности местного диалекта к переходному русско-украинскому говору. Современное состояние речи респондента отражает взаимопроникновение и взаимовлияние близкородственных языков, сосуществующих на южной границе территории Воронежской области.

Ключевые слова: местный говор, народная речь, типичные морфологические черты, самостоятельные и служебные части речи, языковая картина мира, переходный русско-украинский говор.

L.V. Nedostupova, A.P. Verzilin

MORPHOLOGICAL FEATURES OF ONE DIALECT OF PETROPAVLOVKA DISTRICT

The paper discusses the typical traits the modern dialect of the village of Progoreloe in the Petropavlovka

district of Voronezh region. The relevance of this study is explained by the increasing interest to the dialect as a unique cultural phenomenon and the study of the specificity of territorial dialects. The aim of the work is to identify the modern typical morphological features of the respondent's speech. The language material was received from the long-living woman of the named settlement, Tomasheva M.P. (born in 1929) in field conditions by spontaneous conversation. The object of our research is the morphological speech system of the informant. The subject of the research is the respondent's language picture of the world. The linguistic material made it possible to identify the essential features of the morphological level of the local dialect and see its current state. During the analysis, nouns, adjectives, verbs, pronouns, numerals, adverbs, prepositions, conjunctions, particles were considered. The features of independent and service parts of speech are demonstrated. Extensive material analyzed is taken from the active dialect carrier dictionary. Those properties of the national dialect that make it original are indicated. The considered speech works retain pronounced dialect features. The degree of preservation of these features makes the speech informant unique in its own way, because these features function in their pure form. The linguistic picture of the world reflected in the speech works details the features of the morphological level of the speaker. The combination of the identified South Russian and Ukrainian features allows us to conclude that the local dialect belongs to the Russian and Ukrainian transitional dialect. The current state of the respondent's speech reflects the interpenetration and interaction of closely related languages that co-exist on the southern border of Voronezh region.

Key words: local dialect, popular language, typical morphological features, independent and service parts of speech, linguistic picture of the world, transitional Russian and Ukrainian dialect.

До сих пор описание территориальных диалектов находилось на периферии исследований по русскому языку. Однако в настоящее время наблюдается возрастающий интерес к изучению говоров как уникальных культурных феноменов. Актуальность нашей работы обусловлена проводимыми исследованиями по определению специфики территориальных диалектов, в том числе по проекту РАН «Лексический атлас русских народных говоров».

Воронежские учёные занимаются системным описанием местных говоров. Уже накоплен большой материал в данном направлении, хотя по-прежнему огромный массив функционирующих на территории области диалектов ждут своих исследователей.

Наше внимание обращено к достаточно интересному говору, который мы обнаружили на юге Воронежской области.

Село Прогорелое (изначальное название - Прогорелая Поляна) Петропавловского района расположено в 290 км от Воронежа на реке Дон, при озерах Афанасьевское и Гаврик. Оно основано примерно в 1718-1720 годах. По сохранившейся легенде, до 1707 года здесь был казачий посёлок. По указу царя Петра I его разорили. Сожжению подверглись курени, горел и лес. Именно с этим связывают название села, которое позже стало называться Прогорелое [1, с. 254-255].

Число проживающих в данной местности менялось в разное время: 1 226 (1773), 3 146 (1859), 1 720 (1900), 1 056 (1926), 138 (2007), 134 (2011) [2]. Сейчас всего проживает около 130 человек.

На территории Воронежской области много подобных населённых пунктов с небольшим количеством жителей. К сожалению, статистические данные свидетельствуют о том, что именно с конца XX века Прогорелое «погибает».

В качестве языкового материала использована речь Томашёвой Марии Павловны, 1929 года рождения. На своём жизненном пути ей пришлось познать горечь войны, потерю близких людей и голод, увидеть смену эпох и много потрудиться. Спонтанная устная речь Марии Павловны хранит в себе яркие черты местного диалекта.

Объектом данной работы является морфологическая система речи долгожительницы Прогорелого. Предметом исследования является языковая картина мира респондента.

Целью работы стало определение современных типичных морфологических черт речи диалектоносителя, которые мы выявили в ходе непринуждённого общения с информанткой.

Обратимся к рассмотрению наиболее интересных диалектных особенностей говора Томашёвой М.П. [В статье используется упрощенная транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный. – Л.Н., А.В.].

Среди самостоятельных частей речи выделим *имена существительные* и продемонстрируем их черты.

Единственное число

1. Окончание **-я** в именительном падеже единственного числа: [*хоро́ша жи́знь бу́ла*]. У существительного женского рода *жизнь* наблюдается разрушение 3-го склонения с переходом его в состав 1 склонения.

2. Окончание **-у, -э** в форме родительного падежа характерно для украинского языка: [*с Польши прийшѐл до до́му. До дому нэ разрѣшаю́. Лишь бы до до́му. Я ужэ пўтляла до до́му. Так я часть томату закрѣла. Транспорту ни яко́у ни было́*], [*былы́ у водо́*].

3. Окончание **-и** в дательном падеже: [*приказа́лы чиб ба́тьки ны каза́ла*].

4. Украинское окончание **-ою** в творительном падеже: [*як вѣсно́ю са́ды цвѣлы́. Доробу́ю повѣла́. Плэміннык с хозяйко́ю. Сра́внывала с хоро́шею буханко́ю. Тут ба́рыте мо́ю руко́ю. Собыра́лыся брыга́дою*]. Здесь имеет место сохранение древнерусского окончания. Тенденция к сохранению древнерусского окончания, как в подобных случаях, отмечает А.Д. Черенкова, наблюдается и в русских говорах Воронежской области [3; с. 141].

5. Окончание **-и, -ы** в форме предложного падежа у существительных 1 и 2 склонения: [*на буру́ї упала мина. Збыва́лысь в ха́ти. Хло́пцы на ю́ри жили́. У коры́ти уже ю́рячая золá. У колхо́зи бу́ла кладо́ва. У кладо́ви́ бы́лы продуктэ. Жэ́луди́ бы́лы у ліси. Па́ра быкі́в у ярмі́. У Лыма́ни свий*], [*у сўмочкы́ ло́шка. Ни куска́ хлі́ба у сўмкы́*].

Следует отметить, что древнерусский **ѣ** в окончании в украинском языке совпал с [и], а в русском языке – с [е], в дательном и предложном падежах единственного числа существительных 1 склонения и в предложном падеже существительных 2 склонения русскому окончанию **-е** соответствует украинское **-и**. Кроме того, в говоре отсутствует чередование заднеязычных согласных со свистящими в этих падежах, что вызвано 2 палатализацией и сохранилось в украинском языке до настоящего времени: [*у сўмочкы́, у сўмкы́*]. Этот факт можно считать влиянием русского языка.

Множественное число

1. Окончание **-э(-е), -ы(-и)** у существительных в форме именительного падежа: [*по́ Дону ходы́лы парохо́дэ. Парохо́дэ тя́ялы ба́ржи. Було́ тры колхо́зэ. О́уоро́дэ усэ́удá былы́ у водо́. Помню́ тры стару́шкэ дожива́лы. Прийи́жжа́ли до мэ́нэ плэмінныке. И сара́е пострóелы*], [*які́е помидори́ вѣшлэ́. Тоді́ тракторі́ тя́ялы*], что является чертой украинского языка, и южнорусская флексия **-ы**: [*фонары́ свѣты́лы. В лозáх лю́ды жили́. Лю́ды нэ́ юло́дни. Спе́циально́ там до́мыкы́ сто́ялы. Двэ́ры зныма́лэ. Потолкы́ бы́лы. Оста́лось одны́ підросткы́ и старыкы́. Вот лю́ды построда́лэ. Тоды́ шинэ́лышы́кы и шапочкы́ одното́нни. Хозяины́ нэ́ пришлы́. Дви па́лочкы́ дава́лэ. Возы́лы коза́кы́. Сапо́жныкы́ ходы́лы. Колёсы́ трактора́*] и: [*Тры брыга́ди было́. Дай помидо́ри хоро́шї. Які́е помидори́ вѣшлэ́. Булы́ комба́йни*].

2. Окончание **-и** в винительном падеже: [*нэурожа́й был на помидо́ри*].
3. Окончание **-ив (-ев)** у существительных в родительном падеже: [*зэ́млю дава́л тика на мужикив. Колодизи́в нэ бу́ло. Солда́тив ужэ́ было́ уйма. Солдати́в провожа́лы. Прывизлы́ мынэ́ вздро́ помидо́рив. Па́ра быки́в. Дождида́й роди́тилев*].
4. Окончание **-амы** в творительном падеже: [*и проуо́нялэ́ рука́мы. Выпла́чивалы йим нэ́ динь́у́мы. Туды́ с ложка́мы. Рука́мы круты́лы*].
5. Имеет место разрушение категории рода: [*колёсы трактора́. Было́ ю́рэ, булы́ слэ́за*].

Имена прилагательные и их формы

1. В речи респондента достаточно частотны формы кратких прилагательных: [*тя́улова сы́ла бу́ла. Она́ дэ́ревя́нна бу́ла. Хоро́ша жи́знья бу́ла. Ма́тэрь стрóуа бу́ла. Шоб дубо́ва зола́ бу́ла. Посуда́ у́иняны́ было́. Ложкы́ булы́ дере́вянни. Ежли́ я бу́ла блау́полу́шна. Я и соси́дска диучи́на. Жэ́лэ́зни колёсы. То о́зеро до́лэ, кру́ла, у́лубо́ка. Ка́жеца́ чи́ста вода́. Полово́дые́ было́ страше́нно. А карто́ха я́ка. Бу́ла кладо́ва. Мо́кра туды́ склада́лэ. Трудо́способна́, работала́. Бо́льши бы́лы неу́рамотни. Молоди́ хло́пцы. Бы́лы такié холо́дни. Шинэ́лышкы́ одното́нни. Комбайне́ры бы́лы обу́чини, о́пытни. Як заво́дны́ машины. Оды́ноки́ як я. Жила́юуци́ вары́лы. Было́ усэ́ полотня́нэ. Уси́ бы́лы пла́нови. Лю́ды нэ́ уло́дни. Мэ́ньшу́ заста́вылы. Тэ́бэ́ у те́плу хату́*].
2. Отмечены и полные формы, оканчивающиеся на **-ою (-ею)**: [*она́ наз тэ́мною до́роуо́ю. Вы́нэслы ты́бэ́ нэ́ синэ́ю, че́рною. Сра́внывала́ с хоро́шею́ буха́нкою*] и **-ый**: [*нэ́ хотэ́ла на чу́жы́й сторо́нэ. Ра́нэный, но живы́ый*].
3. Разрушение категории рода присуще и прилагательным: [*посуда́ у́иняны́ было́. На чу́жы́й сторо́нэ. Ра́нэный, но живы́ый*].

Глагол

1. В большинстве глаголов 3 лица единственного числа в окончании отсутствует **т**: [*ка́жа бабу́шка. Ба́ржэ́ питхо́дэ. Наша́ нэ́ хо́дя. Нэ́миц пры́дя. Фронт тут бу́дя. Як ба́хня. Дохо́дя до мэ́нэ. Як ста́нэ, рэ́, жу́дэ, нэ́сэ́, тэ́чэ́. То зва́рэ. До наз нэ́ дохо́дя. Бох святы́ый зна́я. Прыхо́дя притсида́тэ́ль. Нам зава́душы́ый нэ́ дае́. Вин живэ́. Пидвизе́ до дво́ра. Боу́ато бу́дя. Ду́мая вы́копая́. Питходя́ роди́тэ́ль. Ски́ко захва́тя. Бума́уа прыхо́дя. Бу́дя от роди́тэ́лев*].
2. Иногда глаголы 3 лица единственного и множественного числа оканчиваются на **-ть**, что является свидетельством сохранения в говоре черты древнерусского языка. Эта черта присуща и южнорусским диалектам: [*вин сыды́ть и по сэлú́ йи́хал. Сыды́ть рулы́ть. Тры́ сто́ять. Сто́ять вы́соко. Як шумы́ть. Нача́лы ловы́ть. Вэ́ришкы́ иду́ть. Мини́ нэ́ прода́ть. Бу́дуть лека́рства. По́кы до́дуть. Оны́ иду́ть. Вы́везуть зэ́рнычко. Даю́ть на трудо́дэ́нь. Сыды́ть от там. Нэ́ дава́л и там вы́пыть. Зва́рять шо-то. Позо́вуть оби́даты́. Пэ́нсии даю́ть. Одны́ кру́тять*].
3. На месте суффикса **-л** в глаголах мужского рода прошедшего времени иногда функционирует суффикс **-в**: [*колхо́з нача́вся. Вин посады́в сво́у сы́на. Они́ бис конца́ стреля́в. Нача́в ю́рб росты́. Вин сказа́в нам, ю́д бы́в дома. Родите́ль бы́в це́товодом. Хо́ды́в по сэлú́. Помню́ крича́в. Ны́ ю́дын нэ́ прыши́в. Сим ю́ди́у отдуба́сив. Спросы́в ё́у. Кры́кнув куша́ть*].
4. Выявлены возвратные глаголы с постфиксом **-ся** на месте **-сь**: [*бы́стро усэ́ со-творы́лося. Вмэ́сти учи́лыся. Мы́ сюды́ пэ́рэбра́лыся. Раньше́ лю́дэ́ стрэ́мылыся. Так я па́слэся́ там. Власть́ как нача́лася́. Дывлю́ся́ шо оны́ там. Я докры́чала́ся. Шоб она́*

ломалося. Оно́ называлося. Раньше труды́лыся нэ лэны́лыся. У прázныкы собыра́лыся. Пыта́лыся в основно́м карто́шка. Здэсь розжива́лыся. Она пиднелáся]. Иногда используется постфикс **-си (-сы)**: [хто выбыра́вси. Сбыва́лисы в хáти].

5. Зафиксирован единичный случай увеличения основы за счёт **-о**: [вэ́чэром сиды́мó], что является украинской чертой.

6. На конце глаголов множественного числа используется **-э** вместо **-и**: [Люды по́спрода́лэ. Тракторá корм раздава́лэ].

7. Наблюдается разрушение категории рода: [Ма́тэ ла́елы. Наше подво́рье бы́лэ. Она ломалося].

Местоимение

1. Личное местоимение 3 лица мужского рода единственного числа «он» в именительном падеже имеет форму «вин»: [йíхал **вин** по сэлú]. Данная черта является украинской

2. . В качестве местоимения 1 лица «я» в родительном падеже выступает форма «у мэ́нэ» вместо литературной «у меня»: [у мэ́нэ́ нэурожáй был на помидо́ри], 3 лица «у ней» вместо «у неё»: [у нэй́ о ти воло́кна]. В дательном падеже у местоимения «я» отмечены разные формы: «минé, минí, мынэ́, мэ́нэ»: [минé́ двэ́на́цать лет бы́ло. Она ж минí́ тудí нэ прода́сть. Мынэ́́ надо робы́ть. Прийи́жжэ́ли до мэ́нэ́́ плэмíнныке. Пры́визлы́ мынэ́́ вэдрó. Она дохóды до мэ́нэ́]. Это свидетельствует о сосуществовании в речи респондента южнорусских и украинских черт.

3. Местоимение 2 лица единственного числа «ты» в винительном падеже зафиксировано в формах «тыбэ́, тэбэ́»: [вы́нэслы ты́бэ́. Тэбэ́́ у тэ́плу хату прыва́лы].

4. Указательное местоимение «вот» представлено лексемами «от» и «у»: [от то́ называ́лэ Зара́дь яр. Там у то́ стрэ́лэ].

5. . Определительные местоимения «все», «всё» в именительном падеже функционируют в формах «усэ́», «усё́»: [бу́лы усэ́́ слэ́дкóм. Надо усё́́ пэрэ́жива́ть], что также свойственно украинскому языку.

6. Окончание **-ею** наблюдается на месте **-ей**: [бэ́ры́те моéю́ руко́ю. Плэмíннык с своéю́ хозя́йкою].

7. В говоре [-ею́, -ёю́] произносится на месте [-ево]: [я че́ю́ нэ чу́ила. Нэ бу́ло нычэ́ю]. В местоимении «своего» наблюдается стяжение: [сво́у сы́на].

8. В возвратном местоимении «себя» на конце отмечено **-э**: [карто́шку для сэ́бэ́].

9. Отмечено разрушение категории рода: [до та́кíй стэ́пэни. Она ломалося. У́же в дру́гíй раз].

10. Для некоторых местоимений характерно увеличение основы: [уку́сно та́кэ́ бу́ло] и, наоборот, укорочение во множественном числе: [шлэ́мы бы́лы та́кí].

Числительное

Количественные числительные мужского рода «один» в предложном падеже и женского рода «две» в именительном падеже имеют украинские формы: [збыва́лисы в одний́ хáти], [у мэ́нэ́́ дви́ сэ́стры́ да я трэ́тья].

Вместо количественного числительного «три» используется собирательное: [вíдир трóя́ прода́ла].

Наречие

Отмечено укорочение основы в слове «тоже»: [тои́ надо робы́ть].

В других наречиях, наоборот, имеет место увеличение основы слова: [*лауеря́ вон та́мэчко*], [*ту́точка идэ колóнка*], [*лукúсно такэ було́*]. Данное явление южнорусским говорам не свойственно.

Кроме того, выявлены две интересные формы наречия: [*тудí упала*], [*возылы туды́*]. Первая из названных характерна для украинских говоров, вторая – для южнорусских, которые имеют значение «туда».

Среди наречий отмечено слово «тоди»: [*тодú стрэлялы*] в значении «тогда».

Следует назвать и сравнительную форму наречия, используемую в значении «выше»: [*вы́щи упала*].

Наречие места «сюда» функционирует в южнорусской форме «суды»: [*вин суды́ прышёл*].

Представим наиболее интересные служебные части речи.

Предлоги

В местном говоре зафиксированы некоторые украинские предлоги, которые заметно отличаются от предлогов русского языка и его говоров. Они сохранились в исконном виде, не утратив украинский облик. Назовём наиболее интересные:

- «у» в значении «в»: [*у двацать пятом году́, становы́лы у хати, у дэрэвяннóй цэ́рквы пип, повэзла́ у болныцу, у рыпс нельзя, у детском возрастi уиёл из жизни, тодú у вiдра и на óзэро*],

- «коло» в значении «около»: [*о́горóд был колó воды́*],

- «до» в значении «к»: [*везлы́ до Дóну*],

- «з» на месте «с»: [*родiтель з войны́ прышёл*].

Иногда в речи используются вместе два предлога, причём один из них оказывается лишним: [*по над бу́ром у сэбэ*] и др.

Союзы

Необходимо отметить, что сохранили диалектные черты некоторые союзы, находящиеся в активном словаре носителя говора: [*мы знáлы шо война*], [*шоб вода́ нэ залыла́сь*], [*шóбы крэпкый був*], [*мнэ прыказáлы чиб бáтьки*].

Однако в речи информанта отмечены и союзы русского литературного языка: [*то звáрэ, то напоiлэ*].

Частицы

Для придания некоторой выразительности речи в значении ограничительной частицы «только» активно используется частица «тико»: [*тико сказать, онó ийда*], [*дворы́ тiко блы́снулы*].

В значении «большого количества чего-либо» употребляется частица «аж (аи)»: [*тоди аж в Новотрóицкоэ*], [*крыны́цэ аи кóло óзэра*].

В значении «пусть» функционирует слово «хай»: [*хай она́ нэ верта́еца*], присущее говорам украинского языка.

Кроме этого, отмечены и частицы литературного языка: [*лишь бы до дóму*], [*тодi ж рóшей нэ було́*] и др.

Таким образом, рассмотренные особенности речи сельского человека заключаются в сочетании черт некогда родного украинского говора и типичных признаков южнорусского наречия. Формированию переходного русско-украинского говора, на наш

взгляд, способствовала особая языковая ситуация, в которой находилась М.П. Томашёва Степень проявления диалектных черт делает речь информанта уникальной в своём роде, потому что в ней они сохранены в чистом виде. В ходе наблюдения за морфологическими особенностями говора, выявленными из активного словаря респондента, мы получили богатый лингвистический материал. Следует согласиться с мнением авторитетного учёного о том, что диалект «представляет собой одновременно и памятник культуры, и живую основу национально-языкового развития» [4, с. 36]. Однако «с каждым годом всё меньше становится хранителей народного слова» [5, с. 33], потому и важна на сегодняшний день проблема его фиксации в первоизданном виде.

Полагаем, что особенности морфологического уровня говора респондента детализируют картину мира, отражённую в речевых произведениях. Сохранившиеся ярко выраженные диалектные черты являются свидетельством языковых контактов. Сочетание южнорусских и украинских особенностей в речи респондента позволяет сделать вывод о принадлежности местного диалекта к переходному русско-украинскому говору.

Локальность исследуемого говора обусловлена спецификой местного общения и языковыми личностями, представляющими его. Хранительница народной речи вкладывает в её содержание определённые смыслы, а её выражение раскрывается посредством разных признаков, в том числе морфологических.

Библиографический список

1. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1973. С. 254-255.
2. Петропавловский район Воронежской области // URL: [http:// vrnguide.ru>admin/petropavlovskij-district.html](http://vrnguide.ru>admin/petropavlovskij-district.html) (дата обращения: 10.12.2018).
3. Черенкова А.Д. К вопросу о склонении имён существительных в говорах Воронежской области // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, № 9-10 (113), 2016. С. 138-142.
4. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36-54.
5. Недоступова Л.В. Характерные признаки речи жительницы села Берёзово Воронежской области (словообразовательный аспект) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж. 2018. № 4 (31). С.28-33.

References

1. Prokhorov V.A. All Voronezh land. Voronezh, 1973. P. 254-255.
2. Petropavlovka district of Voronezh region // URL: <http://vrnguide.ru>admin/petropavlovskij-district.html> (date of application – 12.10.2018).
3. Cherenkova A.D. On the question of the declension of nouns in the dialects of the Voronezh region // News of Volgograd State Pedagogical University. Vol. 9-10 (113), 2016. P. 138-142.
4. Demeshkina T.A., Tubalova I.V. Dialect discourse as the sphere of national culture realization: constants and transformations // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2017. Vol. 50. P. 36-54.
5. Nedostupova L.V. Specific speech traits of a resident of Berezovo village of Voronezh region (derivational aspect) // Actual problems of modern philology and journalism. Voronezh. 2018. Vol. 4 (31). P. 28-33.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 82

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет
им. И.И. Мечникова
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
Белова А.В.
Россия, г. Санкт-Петербург,
тел. 79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

*St.Petersburg State Medical University
named after I.I. Mechnikov
The chair of Russian language
PhD, associate professor
Belova A.V.
Russia, Saint-Petersburg,
tel. +79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

А.В. Белова

БИБЛИОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

В статье описывается библиография Александра Чехова, писателя, публициста, автора мемуаров о А.П. Чехове. Работа над приводимым списком произведений в статье была начата в Российской национальной библиотеке – одной из первых публичных библиотек в Восточной Европе, расположенной в Санкт-Петербурге, в том числе в отделе газет Русского журнального фонда (издания 1755-1950 гг.), читального зала архива.

В библиографическом списке выделены разделы: отдельные издания произведений (в том числе брошюры); публикации в периодических изданиях и сборниках.

В статье сделан общий обзор перечисленных публикаций. Материал в разделах собран по хронологии публикаций.

Помимо газеты «Новое время», Александр Чехов, в разное время, сотрудничает в других изданиях: «Осколки», «Новости дня», «Кавказ», «Смоленский вестник», «Новороссийский телеграф», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Развлечение», «Москва», «Русский сатирический листок» и мн. др. Некоторое время он состоит редактором журналов «Слепец», «Пожарный», «Вестник Российского о-ва покровительства животных». Писателем Александром Чеховым было опубликовано большое количество рассказов и фельетонов (из сохранившихся - более 220) под своим именем и под псевдонимами: Агафопод Единицын, А.Чеховъ, Алоэ, Пан Халявский и др., с 1886 г. - А. Седой.

Список не претендует на исчерпывающий охват материала и в данный момент является неполным, работа над созданием библиографии Александра Павловича Чехова продолжается.

Ключевые слова: Александр Чехов, библиография, творчество, публикация.

A.V. Belova

BIBLIOGRAPHY OF ALEXANDER PAVLOVICH CHEKHOV

The article describes the bibliography of Alexander Chekhov, the writer, the publicist, the author of memoirs about A.P. Chekhov. The investigation of the list of works in the article was started in Russian national library, one of the first public libraries in Eastern Europe located in St.-Petersburg, including the department of

newspapers of the Russian magazine fund (editions of 1755-1950) and archive reading room. The bibliographic list divisions include separate editions of works (as well as brochures), publications in magazines and collections. The article proposes the general review of the enumerated publications. Material in divisions is collected according to the chronology of publications.

Besides the newspaper «The New Time», Alexander Chekhov at different time cooperates with other editions: «Fragments», «News of day», «Caucasus», «Smolensk announcer», «Novorossiisk telegraph», «Historical announcer», «Announcer of Europe», «Entertainment», «Moscow», «Russian satiric sheet» etc. For some time he worked as the editor of magazines «Blind», «Fireman», «Announcer of Russian society of animals protection». As a writer Alexander Chekhov published plenty of stories and satirical articles (from saved - more than 220) under his name and under pseudonyms: Agaфopod Edinicin, A. Chehov, Aloe, Pan Halyavsky etc., from 1886 - A. Sedoy. This list cannot be estimated as a complete review so our work on creation of bibliography of Alexander Pavlovich Chekhov will be continued.

Key words: Alexander Chekhov, bibliography, work, publication.

Библиография Александра Павловича Чехова, старшего брата Антона Павловича Чехова, писателя, публициста, автора мемуаров о А.П. Чехове, насчитывает немалое количество созданных им беллетристических произведений разной тематики.

Помимо газеты «Новое время», Александр Чехов, в разное время, сотрудничает в других изданиях: «Осколки», «Новости дня», «Кавказ», «Смоленский вестник», «Новороссийский телеграф», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Развлечение», «Москва», «Русский сатирический листок» и др. Некоторое время он состоит редактором журналов «Слепец», «Пожарный», «Вестник Российского о-ва покровительства животных». Писателем Александром Чеховым было опубликовано большое количество рассказов и фельетонов (из сохранившихся – более 220) под своим именем и под псевдонимами: Агафопод Единицын, А.Е., А.Чеховъ, Алоэ, Пан Халявский и др., с 1886 г. - А. Седой.

Свой литературный путь он начинает с юмористической печати. В течение ряда лет печатается в различных изданиях; с 1886 года становится штатным сотрудником газеты «Новое время», в которой он проработал почти 27 лет, до самой смерти.

Многие произведения Александра Чехова проникнуты преувеличенным оптимизмом и идеализацией действительности. Поначалу он пишет «сценки» развлекательного характера, следуя направлению юмористической прессы 80-90-х. Затем переходит к рассказу и повести.

Среди его рассказов можно выделить несколько таких, которые по своему уровню достойны принадлежать крупному беллетристу, например: «Бабье горе», «На маяке», «Старый Махмутка» и др. Основная проблематика рассказов Александра Чехова «Цепи», «Разлучница», «Средние люди» и др. сводится к рассказу о неурядицах семейной жизни. Но дальше изложения этих проблем автор не идет.

В начале 900 гг. в «Ведомостях Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции», в целях заработка и сознательно ориентируясь на вкусы читателей газеты, Ал.П. Чехов напечатал несколько исторических романов («За правого – бог», 1903; «На высотах Кавказа», 1904, и др. исторические очерки Ал.П. Чехова о казачьем генерале Бакланове («Богатырь-казак») и об одном из эпизодов крестьянского партизанского движения времен войны с Наполеоном («Партизаны 1812 года»), опубликованные в 1912 г. в «Читальне народной школы».

Также Ал.П. Чеховым написан ряд брошюр, призванных популяризировать фотодело, борьбу с алкоголизмом и пр.

Александр Павловичу Чехову принадлежат воспоминания о брате Антоне Чехове: «В гостях у дедушки и бабушки», «Из детства А.П. Чехова», «В Мелихове» и др., в которых присутствует субъективность, свойственная его художественным произведениям [1].

Отдельно изданные книги:

- А.П. Седой. В погоне за теплом и солнцем. – СПб., 1913;
А. Седой (Чехов). Из детства А. П. Чехова. – СПб., 1912;
А. Седой. В гостях у дедушки и бабушки. – СПб., 1912;
А. Седой (Ал. Чехов). Хорошо жить на свете! Повесть. – СПб., 1904;
А. Седой. Княжеские бриллианты [и др. рассказы]. – СПб., 1904;
А. Седой. Святочные рассказы. – СПб., 1895;
А. Седой. Птицы бездомные [и др. рассказы]. – СПб., 1895.

Брошюры:

- Чехов А. «Исторический очерк пожарного дела в России» - СПб., 1892.
Чехов А. «Химический словарь фотографа» - СПб., 1892.
Чехов А. «Призрение душевнобольных в Петербурге. Алкоголизм и возможная с ним борьба» - СПб., 1897.

Журналы:

«Исторический вестник»

1892

- №6 А.П. Чехов. Памятник Пленеры. С. 758-765.
№12 Ал.П. Чехов. Могила Д.И. Фонвизина. С. 781-784.
А. Седов. Памятник А.В. Кольцову в Воронеже. С. 785-796.

1894

- №3 А. Ч-в. А.Н. Чермный. «Черный капитан». Морская легенда. Спб.1894. С. 850-851.
№10 А.П. Чехов. Колония душевно больных в Бурашеве. С. 130-159.

1895

- №8 Ал.П. Чехов. Авраам Сергеевич Норов. С. 385-391.
№10 А.П. Чехов. Анна Петровна Бунина. С. 164-173.

1896

- №2 А.П. Чехов. Наводнение в Петербурге 2-го ноября 1895 года. I-IV. С.500-524.
№3 А.П. Чехов. Наводнение в Петербурге 2-го ноября 1895 года. V-X (окончание). С. 881-908.

1901

- №1 А.П. Чехов(А.Седой). Памяти Алексея Петровича Коломнаина. С. 206-212.
№2 А.П. Чехов(А.Седой). Памяти М.П. Федорова. С. 623-635.
А.П. Чехов. Исторический момент в области современной геологии. С. 665-678.
№8 А. Седой (Ал.П. Чехов). Пасхальная заутреня во дворце императора Александра I в Таганроге. С. 565-581.

1904

№10 А. Седой (Ал.П. Чехов). Недавнее прошлое Азовского побережья. I-II ч. С. 227-259.

№11 А. Седой (Ал.П. Чехов). Недавнее прошлое Азовского побережья. III ч. (окончание). С. 620-661.

1907

№7 Ал.Чехов (А. Седой). Записки репортера. С . 70-99.

№8 Ал.Чехов (А.Седой). Записки репортера. С. 366-397.

№9 Ал.Чехов (А.Седой). Записки репортера. С. 726-754.

№10 Ал.Чехов (А.Седой). Записки репортера. С. 42-70.

№11 Ал.Чехов (А.Седой). Записки репортера. С. 408-432.

№12 Ал.Чехов (А.Седой). Записки репортера. С. 789-821.

1909

№9 А.Чехов (Седой). Дед, проданный с аукциона (Из жизни финляндской деревни). С 882-914.

1910

№10 А.П. Чехов (Седой). Император Александр Благословенный на льдине (Пасхальное предание из жизни императора в Таганроге). С. 153-183.

1912

№9 А.П. Седой. Императрица-кума. С. 914-927.

«Вестник Европы»

1907

№4 А.С-ой. А.П. Чехов в греческой школе. С. 545-571.

№10 А.С-ой. А.П. Чехов-певчий. Материал для его биографа. С. 825-834.

1908

№11 А. С-ой. Антон Павлович Чехов-лавочник. I-IV. С. 192-224.

«Развлечение»

1884

№14 Аг.Ед. Пасхальная ночь. С. 261-263.

№15 Аг.Ед. Праздничная страничка. С. 285-286.

№16 Аг.Ед. Дешевка. С. 313-314.

№18 Аг.Ед. Злополучный подарок. С. 353-354.

№24 Аг.Ед. Поправил дело. С. 487-488.

№26 Аг.Ед. Всех на мель посадил. С. 525-527.

№29 Аг.Ед. Завтра – экзамен. С. 592-594.

- №32 Аг.Ед. Три отрывка из дневника доктора. С. 661.
№33 Аг.Ед. Ужасы инквизиции. С. 682.
№34 А.Ч. Прямой ответ. С. 696.
№38 Аг.Ед. Слезы у очага (Житейская история). С. 782-784.
А.Е. Вопросы по географии. С. 785.
№39 Аг.Ед. Четыре письма и дневник. С. 799-800.
А.Е. Затмение луны. С. 806-808.
№40 А.Ч. Превращение. С. 832.
А.Е. Физические инструменты. С. 833-834.
№41 Аг.Ед. Тема пропала. С. 851-852.
№42 Аг.Ед. Длинный дурак. С. 867-868.
№43. Юбил. Аг.Ед. Милые хозяйки. С. 17-18.
№44 Аг.Ед. Воскресное утро. С. 923-925.
№45 Аг.Ед. Старые друзья. С. 938.
№ 46 А.Ч. Непонятные речи. С. 966-967.
А.Е. Рекламы по-американски. С 967-971.
Аг.Ед. Услуга тещи. С. 971-972.
№48 А.Е. Толковый словарь Бурдона младшего (350000 русских слов). С. 1025-1026.
№49 Аг.Ед. Рождественская быль. С. 1052-1054.
А.Е. Кто как молится перед праздником. С. 1054.

«Москва»

1882

- №5 (прилож.) А-Ч-ъ. Дудочка. С. 33-34.
№32 Агаф.Ед. Тетушка-Маркиза. С. 264-266.
№33 Агаф.Ед. Тетушка-Маркиза. С. 273-274.

«Русский сатирический листок»

1888

- №2 Пан Халявский. Мышь и кот (басня). С. 2.

«Волна»

1884

- №14 Агаф.Ед. Пасхальная ночь. С. 2-3.
№15 Агаф.Ед. Недавние предания (Из жизни небольшого городка). С. 3-6.

«Отдых»

1900

- №1 А.Ч. Последние новости о сахарине. С. 34-36.
№2 А.Седой. Водевиль (святочный рассказ). С. 41-50.
А.Ч. Колония для алкоголиков на необитаемом острове. С. 73-74.

1901

- №4 Ч. Новые данные в области бактериологии. С. 149-152.
№5 А.Ч. Новые допотопные чудовища. С. 188-190.
№8 А.Ч. «Железные яйца». С. 317-318.
№9 Ал.Чехов. Записывающий телефон. С. 350-352.
А. С-в. Пережитое (Из воспоминаний старого театрала). С. 356-359.

«Слепец»

1892

- №11 А.Седой. Тиха украинская ночь. С. 91-94.

«Зритель»

1881

- № 19-20 Агаф.Единицын. Неразрешенные вопросы. С. 10-12.
№21-22 Агаф.Единицын. Неразрешенные вопросы (прод-е). С. 8-11.
№ 23-24 Агаф.Едицын. Неразрешенные вопросы (оконч-е) . С. 6-9.

«Мирской толк»

1882

- №34 Агаф.Ед. Редька (трагедия в 3-х действиях с прологом и эпилогом). С. 170-172.

«Будильник»

1880

- № 17 А. Ч-х-вь. Карл и Эмилия. С. 447-451.
№ 47 Агаф.Ед. Полотенце. С. 1240-1244.
№ 49 Агаф. Ед. Дилемма. С. 1307-1310.

1881

- № 1 Агаф.Ед. Сюртук и брюки. С. 6-9.
№7 А. Чеховъ. Сомнамбула. С. 103-104.
№8 Агаф.Ед. Блины. С. 118-119.
№ 9 А. Чеховъ. Сомнамбула (прод-е). С. 134-136.
№10 А.Чеховъ. Сомнамбула (прод-е). С. 149-151.
№11 А. Чеховъ. Сомнамбула (оконч-е). С. 166-168.
№15 Агаф.Ед. Поэзия и проза(Житейский эскиз).С. 231.
№16 Агаф.Ед. Во истину воскрес! (Пасхальная рапсодия). С. 246-248.
№18 Агаф. Ед. Карьера (набросок). С. 279-281.
№27 Агаф.Ед. Череп (Страничка из жизни неособенно храброго человека). С. 421-423.
№ 31 Агаф. Ед. Сачек и удочка (Дачный эскиз). С. 487.

№34 Агаф. Ед. Дело плохо! (С натуры). С. 534-535.

1882

№ 5 А.Ед. Омут (Из мемуаров счетчика). С. 58-61.

№6 А.Ед. Горькое утро. Великопостный эскиз. С. 70-74.

№ 9 Агаф.Ед. Как узнать!?! С. 111-113.

№13 Агаф.Ед. Светлая ночь. С. 156-157.

№22 Агаф. Ед. Не сплошаемь! (На мотив: «о, выставка,выставка!..»). С. 271-272.

1883

№ 41 Аг.Ед. Бедный жених. С. 391-392.

1884

№ 12 Агаф. Ед. О чем пела пташка ... (Из записок сумасшедшего). С. 145-147.

№13 Агаф. Ед. О чем пела пташка (оконч-е). С. 157-159.

№15 А.Е. Каторжный день (Дешевые товары). С. 186-187.

№17 Агаф. Ед. Женская уловка. С. 205-206.

№18 Агаф. Ед. Именник-отравитель (События девятого мая). С. 219-222.

№26 Агаф.Ед. Первая охота. С. 311-312.

№33 Агаф.Ед. Мечты, мечты! С. 400-401.

№ 39 Ал.Ч. Позавтракал. С. 472.

№41 Аг.Ед. О, дружба, это ты! С. 491-492.

№42 Ал.Ч. Благородный человек (Посвящается моей жене). С. 508-509.

№46 Аг.Ед. Химик. С. 560.

№48 Ал.Ч. Ошибка (Недавно случившаяся быль). С. 591.

1885

№2 Аг.Ед. Звонки. Анатомические эскизы. С. 20-21.

№3 Аг. Ед. У нового колодца. С. 32.

№10 Аг.Ед. Из дневника молодого папеньки. С. 116.

№20 Аг.Ед. Календарь доктора. С. 241.

№23 Едип.Аган. Голубая карта (Дачное событие).

№39 Ал.Ч. Пари. С. 464-465.

№44 Ал.Ч. Свинья (Захолустная сценка).С. 528.

№48 Аг.Ед. Мученики искусства. С. 582.

1886

№ 7 Аг.Ед. За обедом (Монолог папаши). С. 82.

№32 Аг.Ед. Безпечальное житие (Сценка с натуры). С. 386.

№34 Аг. Ед. Доброе дело. С. 401-402.

№44 Ал. Ч. По программе (Эскизы с натуры). С. 526.

№48 Аг.Ед. Неожиданный праздник. С. 580.

№49 Аг.Ед. День творчества. С. 591-592.

1887

№ 5 Аг.Ед. Издневника гимназиста старшего класса. С. 8.

№7 Аг.Ед. проводил! (Истинный факт). С. 3-4.

1888

№ 44 Аг.Ед. За кулисами. С. 6.

«Осколки»

1883

№ 34 Аг.Един. Аквариум. С. 5.

№36 Аг.Един. Восемь протоколов. С. 5.

№51 Аг.Един. Кружка. С. 4.

1884

№33 Аг.Ед. Законным порядком. С. 5.

№36 Аг.Ед. Странное совпадение (нечто провинциальное). С. 4-5.

1885

№3 Аг.Ед. В кабинете и в кухне. С. 5.

№4 Аг.Ед. Родственница умерла. С. 5.

№11 Аг.Ед. Как дают уроки двенадцатилетнему мальчику. С. 6.

А.Е. Из копилки курьезов. Подписка. С. 6.

№12 А.Е. Мысли великих людей. С. 6.

№13 Аг.Ед. Новый товарищ. С. 5.

Алоэ. У ворот таможни (Коротенький разговор). С. 6.

А.Е. Любезные обычаи. С. 6.

№14 Аг.Ед. По ступеням. С. 4-5.

№15 Аг.Ед. Завещание пакгаузного надзирателя. С. 5.

Алоэ. Канцелярское красноречие. С. 5.

Алоэ. Из копилки курьезов. Таможенный архив (старые дела 1865 г.). С. 6.

№16 Аг.Ед. Пакость. С. 4-5.

№18 Алоэ. Дело о битом стекле № 000 (Таможенные формальности). С. 5.

Алоэ. Прежде и теперь. С. 6.

№17 Аг.Ед. Осколочки. С. 5.

№19 Аг.Ед. Незаслуженный выговор. С. 5.

№20 Аг.Ед. Два недоразумения. С. 5.

№21 Аг.Ед. Защитник. С. 4

А.Е. О чувствах. С. 5.

№22 Аг.Ед. Весенняя ночь. С. 5.

Алоэ. Неоконченные рассказы с неожиданной развязкой. С. 6.

№23 Аг.Ед. Характер. С. 4-5.

Алоэ. Противоречия. С. 5.

№24 Аг.Ед. Психопат. С. 4-5.

№25 Аг.Ед. Спица и бревно. С. 4.

Алоэ. В фотографии. С. 5.

Аг.Ед. Отчет астрономического сторожа. С. 5.

№26 Аг.Ед. С удочкой. С. 5.

Алоэ. Праздные афоризмы. С.5.

Алоэ. Маленькое недоразумение. С. 6.

№27 Аг.Ед. Возгласы живых о покойнике. С. 5.

- №28 Аг.Ед. Деликатность. С. 5.
Алоэ. В провинциальном театре. С. 6.
№29 Аг.Ед. Утопленник. С. 5.
№31 Аг.Ед. Миротворец. С. 4.
№33 Аг.Ед. Письмо (Захолустная картинка). С. 4-5.
№36 Аг.Ед. На железной дороге. С. 5.
№37 Алоэ. В ссылке. С. 5.
№38 Алоэ. Без умысла. С. 4.
Аг.Ед. Ошибки метранпажа. С. 6.
№39 Аг.Ед. Промахнулись. С. 3-4.
Алоэ. Праздные вопросы. С. 6.
№40 Алоэ. Визиты (Из записок служащего человека). С. 4.
Алоэ. Осколочки. С. 6.
№41 Аг.Ед. Либерал. С.4.
№42 Аг.Ед. Карл XII (Разговор за рюмкой водки). С. 5.
№43 Аг.Ед. Под подозрением. С. 7.
№44 Алоэ. Из копилки курьезов. С. 6.
№45 Аг.Ед. В дождь. С. 4-5.
Алоэ. Из копилки курьезов. С. 6.
№46 Алоэ. Мечь. С. 5.
№47 Аг.Ед. Репутация. С. 5.
№48 Аг.Ед. Тарасик. С. 4-5.
№49 Аг.Ед. «Макс, не пей!» С. 4-5.
№51 Алоэ. С иглочки. С. 4-5.
Алоэ. Пять чувств (опыт физиологии). С. 6.
№52 Аг.Ед. Сплетники. С. 5-6.

1886

- №1 Аг.Ед. Прием казенного имущества. С. 6.
№2 Аг.Ед. Доктора и пациенты. С. 5-6.
№7 Аг.Ед. Согрешил. С. 4-5.
№12 Аг.Ед. Слезы крокодила. С. 5.
№16 Алоэ. Уйду! (Трагедия). С. 5.
№19 Алоэ. Карандашиком (Из старого архива). С. 5.
№22 Алоэ. Кто?? С. 4.
№28 Аг.Ед. Антиподы. С. 4.
№29 Алоэ. Колокол.(Историко-филологическое исследование). С. 5.
№30 Алоэ. Игра. С. 4.
№34 Алоэ. Быстрое животное (из охотничьих рассказов). С. 6.
№35 Алоэ. Трезвых – в участок (уличная сценка). С. 5.
Алоэ. Рациональные советы. С. 6.
№36 Алоэ. Рецепты молодым матерям. С. 6.
№37 Алоэ. Чорт (философски-умозрительное изыскание). С. 5-6.
Алоэ. Анекдотик. С. 6.
№38 Алоэ. Кобыла пала (провинциальная картинка). С. 4.
А-э. Из копилки курьезов. С. 6.
№39 Алоэ. Научные открытия в применении к общежитию. С. 5-6.
№40 Алоэ. Званный обед. С. 4-5.
№41 Аг.Ед. Смерть Тараса Ивановича. С. 5.

- Алоэ. Обмолвка. С. 5.
Алоэ. Из копилки курьезов. С. 6.
№42 Алоэ. На уроке. С. 6.
№43 А-э. Из копилки курьезов. С. 6.
№47. Алоэ. Навстречу (провинциальная картинка). С. 4.
№48 Алоэ. Мелочи. С. 5.
А-э. Из копилки курьезов. С. 6.
№49 Аг.Ед. Выборки из старых дел прошлого столетия. С. 4-5.
А-э. Из копилки курьезов. С. 6.
№50 А-э. Из записок профессора химии. С. 6.
Алоэ. В юридическом кабинете. С. 6.
Алоэ. Мелочи. С. 6.
А-э. Копилка курьезов. С. 7.
№51 А.Ед. Мысли и речи при елке. С. 5.
А-э. Из копилки курьезов. С. 7.
№52 А-э. Встреча и визит. С. 6.
А-э. Из копилки курьезов. С. 7.

1887

- №1 Аг.Ед. Дуэлисты. С. 5.

Возможно, перу Александра Павловича Чехова принадлежит и очерк «Полтора ста вёрст» (в дальнейшем *ПВ*), опубликованный в 1889 году в №№ 7-8 журнала «Родник», подписанный псевдонимом А. Богемский. Первоначально очерк был приписан М.П. Чехову, псевдоним которого был М. Богемский. Аргументами в его пользу стали схожесть имен (возможная опечатка), а также то, что он много писал для детей, в том числе публиковался и в журнале «Родник». Данная атрибуция отражена в 68 томе «Литературного наследия» [4, с. 174] и в комментариях к томам писем А.П. Чехова [ПЗ, 340].

Но исследуемый текст не является в буквальном смысле рассказом для детей. Кроме того, тональность и стиль *ПВ* мало напоминают манеру М.П. Чехова.

В 1998 году в издательстве «Скорпион» в серии «Неизвестный Чехов» вышла книга, в которой был перепечатан очерк *ПВ* и представлена атрибуция Г.Р. Азатова, где он предлагает считать автором исследуемого текста Антона Павловича Чехова. Основными доводами в пользу такого заключения послужили идейные и стилистические параллели в *ПВ* и произведениях А.П. Чехова. *ПВ*, по словам Г.Р. Азатова, является попыткой продолжения чеховской повести «Степь».

Маловероятно, что А.П. Чехов после создания блестящего произведения, «энциклопедии русской жизни», написал простой очерк, мелодраму с похожей тематикой. Неповторимые образы и сравнения повести «Степь» создают разительный контраст с шаблонными выражениями и повторами в *ПВ*. Несомненно, стиль очерка – это скорее подражание, повторение, а не развитие стиля повести.

Метод буквального истолкования, которым руководствуется Г.Р. Азатов в своей атрибуции *ПВ*, также малоубедителен, поскольку А.П. Чехову не было свойственно буквальное реальное отображение событий жизни в своих произведениях.

Ответом на данную публикацию послужила статья В.Б. Катаева, который в свою очередь предлагает рассматривать как возможного кандидата в авторы очерка Александра Павловича Чехова, писателя и журналиста, старшего брата Антона и Михаила Чеховых [3, с. 19].

Дополняя аргументы В.Б. Катаева, кажется вполне возможным подтвердить его атрибуцию повести.

Действительно, исследуя текст *ПВ* и произведения Ал.П. Чехова, можно обнаружить целый ряд аналогий: схожесть стилистических приемов, общность интонации, соответствие образов.

В первую очередь обращает на себя внимание изобилие штампов и повторов в тексте *ПВ*, чем часто грешил Ал.П. Чехов в своих произведениях. Обращает на себя внимание также поразительное совпадение отдельных деталей в текстах *ПВ* и воспоминаний Ал.П. Чехова «В гостях у дедушки и бабушки» [2, 1-2].

Но данный вопрос, подробно освященный в статье «Кто скрывался под псевдонимом А. Богемский? Еще раз об очерке «Полтора верста» [2], остается на сегодняшний момент открытым.

Библиографический список

1. Белова А.В. «Брат предыдущего». Творческий путь Александра Чехова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Воронежский ГАСУ. Вып. № 2(25), 2017. С. 2-6.
2. Белова А.В. Кто скрывался под псевдонимом А.Богемский? Еще раз об очерке «Полтора верста» // Молодые исследователи Чехова. 4: Материалы международной научной конференции (Москва, 14-18 мая 2001 г.). М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 393-398.
3. Катаев В.Б. Несостоявшаяся сенсация // Чеховский вестник. 1999, № 4. С. 19.
4. Литературное наследство. М., 1960. Т. 68. С. 174.

References

1. Belova A.V. «The brother of the previous one». The creative career of Alexander Chekhov // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and intercultural communication. Voronezh. Iss. 2 (25), 2017. P. 2-6.
2. Belova A.V. Who was hiding under the pseudonym A. Bogemsky? Once again about the essay «Poltorasta verst» // Young Chekhov researchers. Moscow State University, 2001. P. 393-398.
3. Kataev V.B. Failed sensation // Chekhovskiy Vestnik. 1999. Vol. 4. P. 19.
4. Literary heritage. Moscoe, 1960. Vol. 68. P. 174.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 811.161.1-28

Санкт-Петербургский государственный университет
канд. пед. наук, старший преподаватель
кафедры теории и методики преподавания
искусств и гуманитарных наук
Румянцева Е.В.
Россия, г. Санкт-Петербург,
тел. + 7(911)164 88 37
e-mail: e.rumyantseva@spbu.ru

St.-Petersburg State University
The chair of theory and methodology
of teaching arts and humanities
PhD, senior lecturer
Rumyantseva E.V.
Russia, St. Petersburg,
+ 7(911)164 88 37
e-mail: e.rumyantseva@spbu.ru

Е.В. Румянцева

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РУССКОЙ КОММУНИКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ, УСИЛИВАЮЩИХ И СМЯГЧАЮЩИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА АДРЕСАТА В СИТУАЦИИ ПРОСЬБЫ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена проблеме межкультурной интерференции, возникающей при продуцировании и восприятии просьб на русском языке американскими студентами, изучающими русский язык как иностранный. Просьба является одним из наиболее частотных и трудных для реализации речевых актов русской коммуникации. В ситуации просьбы у слушающего есть свобода выбора относительно того, совершать ли каузируемое действие, что придаёт особую важность выбору говорящим адекватных языковых средств. Это подразумевает знакомство говорящего с нормами русского коммуникативного поведения в ситуации просьбы в различных коммуникативных контекстах. Как утверждают исследователи, русское и американское коммуникативное поведение при продуцировании просьб сильно различается, а межкультурная интерференция в этой области может привести к коммуникативной неудаче и культурному шоку. Статья представляет результаты исследования языковых средств, используемых в русском языке при оформлении просьбы. В фокусе данной статьи находится связь между использованием говорящим языковых средств, усиливающих или смягчающих воздействие на адресата, и уровнем вежливости просьбы. Представляется, что именно это соотношение отличает нормы коммуникативного поведения в ситуации просьбы, существующие у двух культур. Основываясь на результатах исследования, автор намечает наиболее вероятные зоны межкультурной интерференции, которые требуют особой проработки на занятиях по РКИ.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, межкультурная интерференция, речевой акт, просьба, коммуникативное поведение, вежливость.

E.V. Rumyantseva

RAISING RFL-PRAGMATIC AWARENESS: LINGUISTIC RESOURCES AGGRAVATING AND MITIGATING ILLOCUTIONARY FORCE OF REQUESTS IN RUSSIAN AND THEIR INFLUENCE ON POLITENESS OF REQUESTS

The article is devoted to the problem of possible negative pragmatic transfer in situations when American students produce or comprehend requests in the Russian language. Requests are very frequent in Russian communication, but their successful production depends greatly on the precise choice of linguistic means and speaker's knowledge of norms of Russian linguistic behavior. As researchers note, Russian and American linguistic behavior in the situations of request differ greatly, and pragmatic transfer in this area may lead to pragmatic failure and culture shock. The article presents a data-based study of linguistic means used for conveying requests in the Russian language. The object of inquiry is the possibility of using certain linguistic resources in a certain communicative context for conveying requests with different level of politeness. Correlation between the usage by a speaker of linguistic means aggravating or mitigating imposition on a listener and the level of politeness of requests is under scrutiny. Basing on the analysis, the author tries to point out the areas which due to cultural and linguistic specifics of the Russian language might with great possibility suffer negative pragmatic transfer of American RFL-learners. Such areas require special training of American students in RFL-class.

Key words: Russian as a foreign language, cross-linguistic influence, pragmatic transfer, speech act, request, linguistic behavior, politeness.

Within Russian as a foreign language teaching, many studies have addressed the importance of developing pragmatic awareness and building knowledge of pragmatic aspects of language use. Research has shown that "in addition to the linguistic competence related to grammatical, phonological and morphological rules, language users must also possess pragmatic knowledge in order to communicate effectively in the target language" [11]. Pragmatic competence is a vital component of successful learner's communication in the Russian language. In order to communicate successfully, a speaker needs not only the knowledge of the particular resources, which Russian provides for conveying particular illocutions, but also the ability of using linguistic resources correctly in order to achieve the desired conversational outcomes. That implies the knowledge of cultural, social and discourse conventions used in linguistic behavior while communicating in the Russian language. However, cross-linguistic influence makes learners transfer their pragmatic and sociocultural knowledge from their native language into a target language, and to incorporate some linguistic behavior from their first language into the language studied. Pragmatic transfer is viewed by researchers as a major factor in shaping learners pragmatic competence [9, p. 205]. Thus, learners' performance in the Russian language would be influenced greatly by social and cultural conventions and norms of polite behavior that exist in their native language. From this perspective, the transfer of utterances, which are semantically and syntactically equivalent, but tend to convey different pragmatic force and level of politeness, is especially dangerous. This may lead to communicative failure and cultural shock since the concept of politeness and norms of linguistic behavior may differ greatly in different languages. From this point of view, request is one of the most difficult and face threatening speech act for Russian language learners, since its successful comprehension and production depend greatly on pragmatic competence, the knowledge of appropriate linguistic behavior in different communicative situations. It is essential that situation of request speech act implies the freedom of an interlocutor to fulfill or not the action, desired by a speaker. This makes the choice of appropriate linguistic material vital for communicative success, since requesting with the help of linguistic means that violate the norms of Russian linguistic behavior in a given situation, with great probability, would lead to a pragmatic and communicative failure.

Because of all the factors mentioned, studies of requests are very important for RFL (Russian as a foreign language) as a science. In different cultures, norms of linguistic behavior in the situation of requests differ greatly depending on such culture-specific concept as politeness. While in some cultures politeness is associated with keeping distance from a listener, respecting his/her privacy which implies the usage of indirect requests, linguistic means of mitigating imposition on a listener; in others, it is connected with demonstrating friendli-

ness or deference to a listener while imposition on him/her is not perceived as a violation of polite linguistic behavior [4]. From this point of view, the problem of the influence of Russian linguistic means aggravating or mitigating illocutionary force of a request on its level of politeness is of a special interest. This article presents a data-based study of linguistic means used for conveying requests in the Russian language. Form-functioning mapping of linguistic material, the ability of linguistic means to convey polite requests in a way that is appropriate in a certain communicative context and correlation between the requestive force of an utterance and its level of politeness are under scrutiny. Basing on the analysis, the author will try to point out the areas which due to cultural and linguistic specifics of the Russian language might with great possibility suffer negative pragmatic transfer of American RFL learners. Americans were selected as a target group of learners because of dramatic differences in Russian and American linguistic behavior in requesting. Before presenting results and analysis regarding this study, some notions about cultural specifics of Russian request speech acts will be addressed.

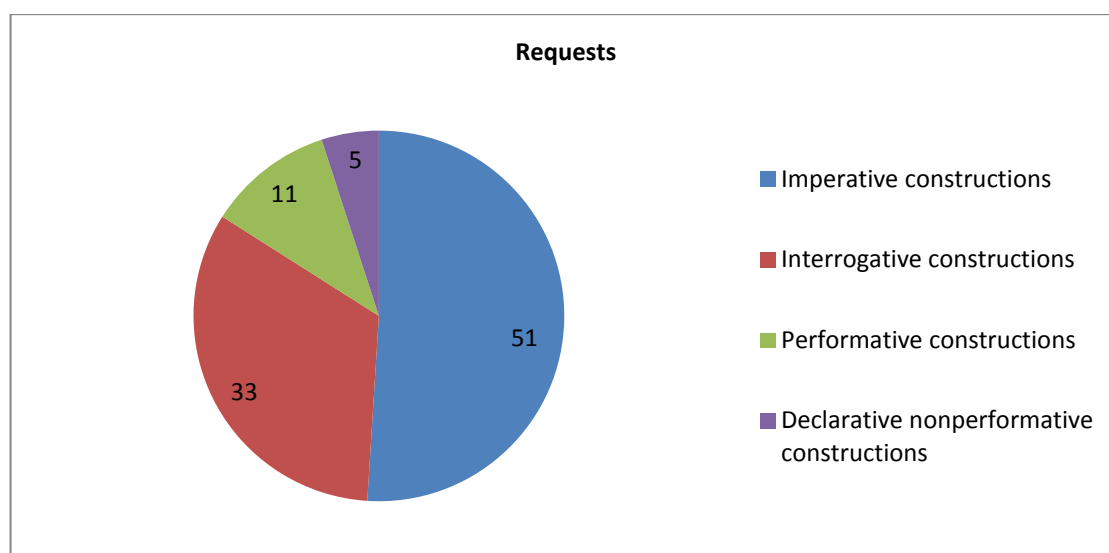
Various studies, devoted to the research of Russian linguistic behavior, state high frequency of request speech acts in the Russian language [2]. Russian possesses a lot of lexical and syntactic means capable of conveying requests. Performing a request, speakers choose from a variety of strategies and forms which differ in their pragmatic force and politeness. For example, producing requests, speakers may choose whether to use directness or indirectness, what amount of politeness they want to invest by varying degrees of deference or intimacy; what degree of imposition they can allow to themselves in their requests, basing on the assessment of relevant contextual factors, and thus, what linguistic means of mitigating or aggravating illocutionary force they would use. This choice normally would be based on norms of linguistic behavior typical for a certain communicative context. Making the choice, speakers would take into account relationships between interlocutors (i.e. social distance and status), register of communication, legitimacy of the requestive goal and "standardness" of request (the amount of effort required from the interlocutor to fulfill the request) and etc. Selection of the language-specific means for the implementation of request would depend on all these factors. In this respect, we can talk about distribution of all linguistic means that could be used for request production, among different communicative contexts. Researchers point out that speakers vary the selection of means for implementation of requests along various contextual parameters, namely: 1) whether social status of their interlocutors is equal or unequal (higher or lower); 2) depending on speaker-listener degree of intimacy in terms of ingroup - outgroup (their social distance); 3) taking into account register of their conversation (formal - informal) [3, 7, 10]. Basing on all these factors, speakers would not only choose a certain requesting strategy and particular linguistic means, but they may also choose the desired level of politeness (low, standard or high) and different shades of meaning for their requests (for example, begging, demand, reproach and so on) [4]. It is needless to say that all these strategies and linguistic resources are culturally and linguistically specific and are subject to negative pragmatic transfer. Therefore, the knowledge of means that are appropriate for requesting in different communicative contexts is a vital component of successful communication in the Russian language. This implies the necessity of classification of linguistic means, frequently used for requesting in Russian, in terms of their functioning in different communicative contexts and their ability to convey requests of various degree of politeness and shades of meaning.

In order to create the classification, described above, the author retrieved the corpora of utterances with requesting function, using the data of Russian National Corpus, texts of Russian classic literature of 19-20th centuries, Russian movies, TV shows. The corpora consisted of 1200 utterances. The material was analyzed using the following criteria: formal / informal register of communication, equal or unequal social status of interlocutors, short or remote so-

cial distance between interlocutors in terms of their familiarity. Special attention was paid to the "semantically marked" requests - requests the fulfillment of which is very important, urgent or requires a big effort from addressees, since such utterances require the usage of linguistic means and strategies indicating high level of politeness. It is important to note, that requests made in contexts where social status of a speaker was higher than status of a listener were excluded from the corpora, because in many situations they could be perceived not as requests, but as orders or demands.

The present article will discuss the results of the study concerning the influence of the strength of the requestive force of an utterance on the level of its politeness rather than complete classification created (more information about the outcomes of the study could be found in [5]).

The frequency of linguistic constructions, used for requesting in the data collected during the study, could be presented in the following drawing:

Drawing 1. Frequency of linguistic constructions used for requesting in the data collected

As drawing 1 shows, the vast majority of all requests were produced with the help of imperative constructions (51% of all collected utterances). Imperative was used in all contexts of communication (formal and informal register, status equal and unequal roles of interlocutors). It is important to emphasize that in many cases it was used to convey requests with high level of politeness. In this case, speakers used markers of intimacy between interlocutors (*золубчик, дорогой - dear*) or politeness markers to express deference towards their interlocutors (*будьте так добры, будьте так любезны - be so kind; сделайте одолжение - do me a favor* and etc.). As researchers point out, requests formed with the help of such markers are specially interesting from the point of view of crosscultural comparative studies. Such requests contain two imperatives (*be so kind, do something*) which aggravate their requestive force and their imposition on a listener. Thus, politeness markers in such requests do not mitigate the pressure on an interlocutor, but intensify it [4, p. 95].

The frequency of imperative constructions in all communicative contexts, their ability to be used for requests with high level of politeness characterizes Russian typical linguistic behavior in situation of request as imposing. Aggravating requesting force and imposition on a listener does not make requests impolite or make them look like demands. For example, in the data collected, imperative constructions with politeness marker *пожалуйста (please)* were the most frequent way, used to express requests with standard level of politeness in all

communicative contexts, except situations of informal communication between interlocutors with close social distance (relatives and friends). In the latter type of communicative context, imperatives with politeness marker *пожалуйста* were frequently used for highly polite "semantically marked" requests ("*Аня, одолжи мне, пожалуйста, денег. – Сколько? – Много. Двадцать тысяч*" (телесериал "Детективы") - *Ann, please, give me some money. - How much? - A lot. 20 thousand. (TV series "Detectives")*).

This feature of Russian linguistic behavior may become a reason for communicative failure and cultural shock for Russian language learners with contrary linguistic and cultural background, for example, Americans. Researches argue that in American communication a request is perceived as a face-threatening speech act both for a speaker and a listener. It violates privacy of a listener and could be dangerous for speaker's "face" in case of listener's refusal to fulfill the request. This makes request speech acts unwelcome in most communicative contexts of American communication [12]. In order to produce a polite request, speakers need to use a whole bunch of negative politeness strategies aimed at mitigating requestive force of their utterance, for example, they use hedges or questions, minimize the imposition, use obviating structures, like passives and so on [8]. Requesting in a non-imposing way is a key principle of American linguistic behavior. Thus, politeness of a request could be estimated by a listener, basing on the presence of means mitigating or aggravating the requestive force of the utterance: the more indicators aggravating the requestive force is used by a speaker the less polite a request is and vice versa. This makes the requests, conveyed with the help of imperative construction, be perceived as impolite as they put too much imposition on a listener. As researchers note, the usage of imperative constructions in American linguistic behavior is possible only for the requests expressed in communication between relatives and friends. In other communicative contexts, imperative constructions indicate low level of request politeness or add extra shades of meaning to utterances (for example, begging or demand) [4, 7]. Such discrepancy between Russian and American linguistic behavior could cause negative pragmatic transfer and pragmatic failure.

The analysis of data collected showed that interrogative constructions were used in 33 % of requests (*Вы не сделаете? Не могла бы я Вас попросить сделать? Не могли бы Вы сделать? Вас не затруднит сделать? и др. - Won't you do X? Could not I ask you to do X? Could not you do X? It wouldn't be hard for you to do X? and so on*). Questions were especially frequent in official register of communication and in communication between interlocutors with unequal social status and/or remote social distance. In most cases, interrogative constructions were used for conveying highly polite or formal requests (*Не можете ли Вы одолжить мне карандашика? - обратился Пугасов к Басистову (И.С. Тургенев "Рудин") [6]. - Could (not) you give me a pen? - said Pigasov to Basistov (I. Turgenev "Rudin"); Да вот приятель у меня захворал. Не можете ли Вы его освидетельствовать?(А. Аверченко "Шутка мецената") [1] - My friend fell ill. Could (not) you examine him? (A. Averchenko "Maecenas' Joke")*). The usage of questions for requesting generally involved the implementation of politeness markers, mitigating the requestive force of the utterance, and thus making requests less direct. For example, a lot of questions included negation in their structure, expressed by a negative particle *не* (*не могли бы Вы сделать X, не мог(ла) бы я сделать X, Вы не сделаете X - Could not you do X, Could not I do X, Won't you do X and etc.*). Such utterances clearly minimize the imposition on a listener in request situation, and follow several strategies of negative politeness ("be indirect", "ask questions", "be pessimistic", "minimize imposition" and so on). This can make American students perceive such utterances as the only polite way to convey requests in Russian. But, as it was mentioned before, the data of the study refute it. The fact, that a vast bunch of polite requests were expressed by imperative statements, indicates that unlike in American communication, in Russian the level of request politeness does not directly depend on the amount of imposi-

tion on a listener. Even highly imposing performative constructions may be used for conveying requests of standard level of politeness in a certain communicative contexts.

In the data collected, performative utterances (*Я прошу Вас + imperative; Я прошу Вас + infinitive*) were used for conveying 11% of requests. The level of politeness of such utterances depended on the communicative context in which they were used. For example, in official communication, performative construction *Я прошу Вас (I ask you) + infinitive* was used for requests with standard level of politeness: *Уважаемый Иван Васильевич! Я прошу засвидетельствовать: вот список украденных вещей* (кинофильм «Иван Васильевич меняет профессию») - *Dear Ivan Vassilyevich! I ask you to testify: that's the list of the stolen things* (movie "Ivan Vasilievich changes his profession "). The implementation of such construction in informal register of communication lowered the level of politeness and made a request look like a demand: *Вот лица попросу не касаться* (кинофильм «Иван Васильевич меняет профессию») - *I ask you not to talk about my face!* (movie "Ivan Vasilievich changes his profession"). In the examples presented, the level of request politeness depended not only on a linguistic structure and the level of imposition on a listener, but on a communicative context, in which certain linguistic resources were used. Thus, the results of the study show no direct correlation between the level of politeness of a request and its illocutionary force. American students could not rely on their cultural background assessing Russian requests. Rather in order to communicate successfully, they should familiarize themselves with set of linguistic structures that are normally used for requesting in different communicative contexts according to the norms of Russian linguistic behavior. Otherwise negative pragmatic transfer would make American learners perceive the majority of Russian requests as impolite. Thus, special training in requesting in different communicative contexts and form-functioning mapping of linguistic material should be provided for American students in RFL class. Descriptions of differences in communicative style of requesting may help to prepare American students to interact more appropriately within Russian communication.

Библиографический список

1. Аверченко А. Шутка мецената. М., 1990. 256 с.
2. Американское коммуникативное поведение / Под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. Воронеж: ВГУ, 2001. 224 с.
3. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1992. 168 с.
4. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2003. 315 с.
5. Румянцева Е.В. Лингвокультурологический аспект обучения американских учащихся русскому коммуникативному поведению в ситуации просьбы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 4(27). С. 65-70.
6. Тургенев И.С. Рудин. СПб.: ИГ Лениздат, 2014. 192 с.
7. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002. 160 с.
8. Brown P., Levinson D. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge University Press, 1987.
9. Kasper G. Pragmatic transfer // Second Language Research, 8 (3), 1992. P. 293-231.
10. Leech G.N. Explorations in semantics and pragmatics. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1980. 133 p.

11. Rosales V.P., Barragan J.A. Raising EFL Pragmatic Awareness in situations which require the speech act: requests. // Quintero Mextesol journal. URL: http://www.mextesol.net/journal/index.php?page=journal&id_article=1179/

12. Watts R. J. Politeness. Cambridge University Press, 2003. 318 p.

References

1. Averchenko A. Maecenas' joke. Moscow, 1990. 256 p.
2. American communicative behavior // Ed. by I.A. Sternin, M.A. Sternina. Voronezh, 2001. 224 p.
3. Belyaeva E.I. Grammatic and pragmatic aspects of English requests. Voronezh, 1992. 168 p.
4. Larina T.V. Politeness in English and Russian communication. Moscow, 2003. 315 p.
5. Rumyantseva E.V. Teaching Russian request strategies to American students: cultural aspect // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2017. Vol. 4(27). P. 65-70.
6. Turgenev I.S. Rudin. St.-Petersburg, 2014. 192 p.
7. Formanovskaja N.I. Russian speech etiquette: social and cultural aspect. Moscow, 2002. 160 p.
8. Brown P., Levinson D. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge University Press, 1987.
9. Kasper G. Pragmatic transfer // Second Language Research. 1992. Iss. 8 (3). P. 293-231.
10. Leech G. N. Explorations in semantics and pragmatics. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1980. 133 p.
11. Rosales V.P., Barragan J.A. Raising EFL Pragmatic Awareness in situations which require the speech act: requests. // Quintero Mextesol journal. URL: http://www.mextesol.net/journal/index.php?page=journal&id_article=1179/
12. Watts R. J. Politeness. Cambridge University Press, 2003. 318 p.

УДК 81'373.47

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

*студентка института
межкультурной коммуникации
и международных отношений
Малкова А.И.*

*Россия, г. Белгород
e-mail: 1123326@bsu.edu.ru*

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

*старший преподаватель кафедры
второго иностранного языка
Мирошниченко Л.Н.
Россия, г. Белгород, тел. +79606224592
e-mail: 1123326@bsu.edu.ru*

*Belgorod State National Research University
The student of the institute of intercultural
communication and international relations
Malkova A.I.*

*Russia, Belgorod
e-mail: 1123326@bsu.edu.ru*

*Belgorod State National Research University
The chair of the second foreign language
Senior lecturer*

*Miroshnichenko L.N.
Russia, Belgorod, +7 9606224592
e-mail: 1123326@bsu.edu.ru*

А.И. Малкова, Л.Н. Мирошниченко

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ФАМИЛЬЯРНО-РАЗГОВОРНОМ СТИЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются проблемы репрезентации языковых единиц в фамильярно-разговорном стиле. Дается общая характеристика фамильярно-разговорного стиля, указываются причины обращения к данному стилю при реализации коммуникативных намерений. В числе основных причин выделяется поведенческий коммуникативный барьер. Определяется место фамильярно-разговорного стиля в структурной классификации уровней вежливости. Особое внимание уделяется лексико-грамматическим и синтаксическим средствам выражения фамильярно-разговорного стиля в английском языке. Выделяются функционально-стилистические характеристики использования просторечий, усилительных частиц, сокращений, эллиптических конструкций, бессоюзных предложений. Устанавливается, что применение языковых единиц различного уровня в данном стиле в английском языке отражает повышенную экспрессивность и эмоциональность негативного характера. Дается анализ целесообразности использования фамильярно-разговорного стиля в условиях формального и неформального общения в англоязычной культуре. Отмечается, что фамильярность в целом несет негативный смысл и имеет негативную оценочность в коммуникативном пространстве различных лингвокультур. Делается вывод, что на практике в разговорной речи использование данного стиля возможно в неофициальной обстановке, в то время как его использование в официальной обстановке противоречит нормам коммуникативного поведения.

Ключевые слова: фамильярно-разговорный стиль, уровни вежливости, просторечие, устная коммуникация, неформальное общение.

A.I. Malkova, L.N. Miroshnichenko

PECULIARITIES OF LANGUAGE UNITS USED IN THE FAMILIAR AND CONVERSATIONAL STYLE OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

The article deals with problems of language units representation in familiar and conversational style of speech. The general characteristics of familiar and conversational style are given, the reasons for applying to this style in terms of communication are indicated. Among the main reasons the behavioral communicative barrier is the most significant. The place of the familiar-conversational style in the structural classification of levels of politeness is determined. Special attention is paid to lexical, grammatical and syntactic means of expressing the familiar and colloquial style in English language. Functional and stylistic characteristics of using colloquial, amplifying particles, abbreviations, elliptical constructions, conjunctionless sentences are highlighted. It is established that the use of language units at various levels in this style in English language reflects increased expressiveness and emotionality of negative nature of communicants. The analysis of feasibility of using familiar and conversational style in conditions of formal and informal communication in English-speaking culture is given. It is noted that familiarity as whole has negative meaning and has negative assessment in communicative space of various linguocultures. It is concluded that in practice in spoken language the use of this style is possible in informal setting while its use in a formal setting contradicts norms of communicative behavior.

Key words: familiar and conversational style, politeness levels, colloquial language, verbal communication, informal communication.

Важнейшим элементом культуры каждой нации является речевой этикет. Как правило, именно богатый народный опыт, который отражает обычаи и образ жизни людей, занимает особенное место в языке. Яркая национальная специфика как одна из уникальных особенностей каждого языка обуславливает значительную роль в практике общения и заслуживает тем самым детального рассмотрения.

Фамильярно-разговорный стиль является широко распространенным стилем общения в английском языке. Поэтому исследование языковых характеристик фамильярно-разговорного стиля на материале английского языка представляет интерес для решения широкого круга лингвистических проблем.

Общение между людьми в современном английском языке делится на три категории, которые именуются уровнями вежливости: официальный, нейтральный и разговорный. Каждому из перечисленных уровней соответствует определенный стиль речи [1, с. 204].

Официальный уровень вежливости подразумевает под собой вежливое общение в официальной обстановке. На данном уровне языковое взаимодействие происходит в деловых кругах, в различных организациях и учреждениях, а также в сфере обслуживания, образования, здравоохранения и т.д. в рамках установленных норм деловой коммуникации.

Нейтральный уровень вежливости используется в условиях коммуникации между незнакомыми или малознакомыми людьми. Такой уровень вежливости целесообразен также в среде, где коммуниканты хорошо знают друг друга, но соблюдают определенные правила общения вследствие возрастной разницы или прочих критериев.

Разговорный (неформальный) уровень, трактуемый лингвистами как низкий уровень вежливости, находит отражение при общении близких людей, характеризуется высоким уровнем интимности и солидарности [2]. Данный уровень вежливости реализуется в разговорно-фамильярном стиле речи, которому свойственно использование определенных лексических, грамматических и синтаксических средств.

В целом, понятие «фамильярность» несет в себе больше негативный смысл и характеризует бесцеремонность, развязность и излишнюю непринужденность в общении. Тем не менее, нельзя сказать, что фамильярный стиль совсем не уместен. Л.В. Фанакова отмечает, что данный стиль можно использовать в неофициальной обстановке, когда позволяет ситуация, в то время как его использование в официальной обстановке противоречит нормам коммуникативного поведения [3].

Под нормативным коммуникативным поведением понимается «принятое в данной лингвокультурной общности и: соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью языкового коллектива» [4, с. 7]. Коммуникативная норма осуществляется в соответствии со сложившимися стандартами общения.

Обращение к разговорно-фамильярному стилю происходит в силу различных факторов. Наиболее частой причиной является наличие поведенческих коммуникативных барьеров, под которыми понимаются формы поведения коммуниканта, реализующиеся вследствие незнания норм речевого этикета, неумения слушать собеседника и др. Коммуникативные барьеры возникают в результате низкого уровня общей культуры, недостаточного уровня языковой и речевой компетенции, низкого социального статуса участников коммуникации. Однако проявление коммуникативных барьеров может иметь намеренный характер, когда сниженный стиль общения используется не случайно, а в качестве сознательно выбранной стратегии коммуникативного поведения, предназначенной для сближения, сокращения дистанции между коммуникантами в виде скрытой манипуляции или демонстрации своего превосходства. Из этого следует, что прибегать к речевому взаимодействию с использованием фамильярного стиля коммуниканты могут как намеренно, так и непреднамеренно.

Фамильярный стиль общения отличается постоянными или непостоянными прагматически релевантными факторами или характеристиками коммуникантов. К их числу относятся социальные, имущественные, семейно-родственные отношения, профессиональные, служебные отношения и т.д. [5, с. 75].

Фамильярный стиль может проявляться как на вербальном, так и на невербальном уровне. На невербальном уровне в качестве наиболее характерных маркеров фамильярного стиля выделяются такие жесты, как похлопывание по плечу или спине, объятия или поцелуи, подмигивания, жесты-подражания, ухмылки. Следует отметить, что «несмотря на универсальный характер категории вежливости, конкретная ее реализация имеет национальную специфику, которая и проявляется в особенностях коммуникативного поведения представителей различных лингвокультур» [2]. Так, приведенные выше виды невербального общения в американской коммуникативной культуре воспринимаются особенно остро и негативно, так как сохранение личного пространства и невмешательство в его границы является традиционной поведенческой чертой в данной культуре.

На вербальном уровне фамильярный характер общения реализуется в речи употреблением сниженной лексики: разговорной, грубой, просторечной, а так же использованием различных форм собственных имен при обращении к адресатам, отсутствием титульных приставок при обращении к незнакомым или малознакомым людям, небрежностью в произношении, частым включением в речь слов-паразитов и др.

Очевидным является тот факт, что разговорная речь обладает высокой эмоциональностью и импульсивностью, в ней активно используются вербальные и невербальные средства коммуникации. В связи с этим в контексте разговорной речи активно употребляются слова, обладающие высокой эмоциональной насыщенностью: сленгизмы, варваризмы, просторечия, бранные слова и другие языковые единицы, которые соответствуют языковому стандарту. Так, например, российский лингвист И.В. Арнольд выделяет в разговорном лексиконе такие виды, как литературно-разговорный, фамильярно-разговорный, профессиональный пласт, просторечие и сленг [6].

Сленгизмы представляют собой «генетически весьма неоднородный слой лексики и фразеологии, имеющий ярко выраженный эмоциональный, оценочный и экспрессивный характер, бытующий в разговорной речи и находящийся вне пределов литературной нормы» [7, с. 39]. Отличительными чертами сленга являются такие его свойства,

как подвижность, стилистическая маркированность. Сленг обладает ярко выраженной эмоционально-оценочной окраской, имеющей как положительный характер (шутливая образность, юмор), так и отрицательный (грубость, хамство, дерзость). Сленг не выделяется как особый стиль или подстиль, так как его особенности ограничиваются одним только лексическим уровнем. В качестве примеров можно привести некоторые сленгизмы, характеризующие фамильярный стиль общения: «I'm wised-up» (Я в курсе), «That's cold» (Этот точно).

В фамильярно-разговорном стиле широко применяются бранные слова, которые также выражают повышенную эмоциональность и эмфатичность: *damn* (чёрт), *beastly* (чудовищный/ скотский), *lousy* (паршивый). Данные лексемы могут выражать как отрицательные, так и положительные эмоции или оценки: *beastly business* (скотский бизнес), *damned pretty* (чертовски красивый), *damn cool* (чертовски крутой).

Типичным признаком разговорной речи, обладающей повышенной эмоциональной окрашенностью по сравнению с литературной речью, является наиболее частое использование различных усилительных слов. В этих случаях эмоциональность обычно имеет отрицательный характер и несет в себе раздражение, упрек или нетерпение. Так, наречие *so* постепенно вытесняется наречием *that*, например: «not *that* fast» вместо «not *so* fast» (не так быстро), «not *that* easy» вместо «not *so* easy» (не так просто), «don't smoke *that* much» вместо «don't smoke *so* much» (не курите так много) и др. Исходя из этих примеров, можно сказать, что *that* чаще всего употребляется при отрицаниях.

Помимо использования просторечных слов, разговорному стилю присуща лексика, содержащая в себе определенную эмоциональность и экспрессивность. Определяющим фактором разговорного языка является его реализация в диалоге или полилоге. Однако встречается и разговорный монолог. В этом стиле допустимо использование повторов, неполных предложений и вводных слов [8, с. 205].

Наиболее частотный случай применения просторечий английского языка в разговорной речи представляет использование сокращений *wanna*, *gonna*, *gotta*, *yer*, *nore* и др. Следует отметить, что наличие просторечий в коммуникативном общении в официальной обстановке не соответствуют нормам делового этикета. Тем не менее в силу своего удобства и краткости просторечные слова и выражения активно используются на практике.

Просторечие *gotta* в разговорной речи является эквивалентом модального глагола *have to*, имеющего значение «долженствовать». Например, «You know what they say, you've *gotta* spend money to make money!» (Знаешь, как говорится, чтобы заработать, нужно потратить деньги).

Что касается просторечия *dunno*, то оно может использоваться вместо словосочетания *don't know* (не знать). Поэтому, вместо фразы *I don't know* (Я не знаю) в просторечном варианте применяется эквивалент *I dunno*.

Слово *wanna* эквивалентно выражению *want to* (хотеть), например: «“But I *wanna* go!” Clares houted; I *wanna* go home; I *wanna* be with them”» («Но я хочу поехать!» - крикнула Клэр; я хочу домой; я хочу быть с ними).

Просторечное слово *gonna* используется при сообщениях о событиях, которые должны произойти в будущем времени. Оно является заместителем конструкции *to be going to do smth* (намереваться что-либо сделать). Например, выражение «I am going to call you tomorrow» в просторечном варианте звучит «I'm *gonna* call you tomorrow» (Я позвоню тебе завтра).

Просторечия *yer* и *nore* по смыслу близки к *yes* (да) и *no* (нет). В общем случае, *yer* используется для выражения подтверждения сказанному, а *nore* – для опровержения высказывания.

Следует подчеркнуть, что важную роль в разговорном стиле играет языковая компрессия, предполагающая «уменьшение объема сообщения без нанесения существенного ущерба выполнению задачи, которую ставит перед собой говорящий» [9]. Ярким примером речевой компрессии в английском разговорном языке является фонетическая редукция вспомогательных глаголов: *it's, it isn't, I don't, I didn't, we'll, he's, she's* и т.д. В тех случаях, когда усеченные формы глагола «have» *I've* и *he's* оказываются недостаточными для передачи значения «иметь, обладать», используется конструкция с глаголом *get*: *I've got, he's got*. Эта же конструкция выполняет и модальную функцию, свойственную *have + Infinitiv*: например, «*She's got to complete this test right away*» (Она должна пройти этот тест прямо сейчас). Использование редуцированных элементов в разговорной речи объясняется возможностью использования в устной коммуникации невербальных средств, дополняющих информативность высказывания и выражающих, например, радость, угрозу, страх, упрек, отрицание, указание, усталость и др. К перечисленным выше конструкциям можно также добавить следующие: *lots a (lot of)* (много), *Ama (I'm)* (я), *dis (this)* (этот), *u (you)* (ты), *'cause (because)* (потому что), *'bout (about)* (вокруг, около) и др.

Стоит отметить, что еще одной важной функцией разговорного стиля речи является эмотивная функция, реализуемая с помощью лексических единиц в различных сочетаниях. Так, в фамильярно-разговорном стиле вопросительные слова *what, where, when, how, why, who* сочетаются со словом (в некоторых случаях его еще называют суффиксом) *ever*, а также с такими лексемами, как: *the devil* (дьявол), *the hell* (ад), *on earth* (черт возьми) и т.д. В качестве примера можно привести следующие предложения: «*Who ever's that?*» (Кто это?), «*Who the devil do you think you are?*» (Черт возьми, за кого ты себя принимаешь?), «*How on earth can that be?*» (Как такое может быть, черт возьми?), «*What the hell?*» (Какого черта?) и др.

Данный тип эмфатического усиления имеет место только в вопросительных или восклицательных предложениях. Выражаемая экспрессия имеет при этом негативный характер (грубость, невежливость) и выражает нетерпение, раздражение или упрек.

В фамильярно-разговорном стиле активно используются синтаксические средства выразительности, в числе которых эллиптические конструкции, предполагающие намеренный пропуск слов, не влияющий на смысл высказывания. Например, можно сказать «*See you tomorow*» вместо «*I will see you tomorow*» (Увидимся завтра), «*Happy to meet you*», вместо «*I am happy to meet you*» (Рад познакомиться), или «*Ready?*» вместо «*Are you ready?*» (Вы готовы?). Опускание некоторых частей предложения представляет собой норму диалогической речи, т.к. сама ситуация общения не подразумевает упоминания опущенного.

В устной коммуникации полные предложения могут также иногда рассматриваться как своего рода нарушения нормы и могут использоваться в особых целях, например, для выражения недовольства в подчеркнуто-официальном тоне, вежливом, но в то же время настойчивом приказании, для предъявления претензии и т.д. В разговорной речи опущение подлежащего, зачастую вместе с глаголом-связкой, именной части сказуемого или вспомогательного глагола является наиболее употребительной формой эллипсиса, который используется для усиления эмоциональности высказывания и в целом типичен для разговорной речи [10, с. 156].

Рассмотрим случаи употребления эллипсиса на примере следующих диалогов:

1. - *You can look at the patient file if you want.*
 - *You trust me?*
 - *Any reason I shouldn't?*

В примере присутствуют две конструкции неполных предложений: «You trust me?» вместо «Do you trust me?» (Вы мне доверяете?) и «Any reason I shouldn't?» вместо «Is there any reason why I shouldn't trust you?» (Есть какая-то причина, почему я не должен доверять тебе?)

2. - How about tomorrow night?
- *Sounds good.*
- *Looking forward.*

В данном случае употребляется вариант «Sounds good» вместо «That sounds good» (Звучит неплохо) и «Looking forward» вместо «I'm looking forward to it» (Я с нетерпением жду).

3. - *Dinner later? I'll pick something up.*
- I heard about a good new vegetarian place.
- Screw that. I want a steak.
- I'll meet you at your place at 8.

В данном диалоге вариантов полных предложений для «*Dinner later?*» (Поедим позже?) может быть сразу несколько: «Would you like to have dinner later?», «How about dinner later?», «Do you want to have dinner later?» и т.д.

В рассмотренных примерах можно отметить, что наиболее частотным случаем опущения является исключение служебных слов (вспомогательные глаголы, местоимения и т.п.): «Do you trust me?», «That sounds good». Также часто опускаются смысловые слова или выражения в тех случаях, когда их легко восстановить из контекста: «Is there any reason why I shouldn't trust you?»

Следует подчеркнуть, что диалогическая речь характеризуется еще и другим свойством: процесс формирования мысли протекает почти одновременно с процессом непосредственной коммуникации, которая происходит «на ходу». Вследствие данной непродуманности синтаксис получает характер непоследовательности, нередко с нарушением синтаксических норм.

Одной из характерных синтаксических особенностей разговорного стиля является отсутствие союзной связи, бессоюзие, при котором связь между частями высказываний обеспечивается смыслом. Связующую функцию в данном случае могут выполнять как фонетические (интонационное оформление высказывания), так и грамматические средства (формы сказуемого). По сравнению с письменной формой коммуникации, где сочинительная и подчинительная связь в предложении является нормой, бессоюзие выступает обязательным условием и формируется как следствие типических ситуаций, в которых протекает общение. Во многих стилях письменной речи бессоюзие выступает в качестве стилистического приема, как, например, в стилях художественной речи, в особенности – в поэтической речи.

Таким образом, фамильярно-разговорный стиль реализуется в английском языке с помощью различных лексических, грамматических и синтаксических средств. На лексическом уровне для данного стиля характерно использование сленгизмов, варваризмов, просторечия, бранных слов, усилительных частиц и других языковых единиц. В числе грамматических средств применяются сокращения грамматических форм, языковая компрессия. В качестве синтаксических средств задействованы эллиптические конструкции, бессоюзная связь. Используемые языковые средства выполняют определенные стилистические функции: эмотивная и оценочная функции, реализация экспрессивности.

Рассмотренные аспекты фамильярно-разговорного стиля в большинстве случаев оцениваются как неэффективный и дискомфортный способ коммуникации. Однако специфика разговорного стиля общения неоднородна, поэтому фамильярный стиль общения можно использовать лишь в определенных ситуациях общения с учетом тради-

ций, норм, принятых в определенной культуре, в противном случае собеседники могут потерпеть коммуникативную неудачу. Следование правилам речевого этикета, наоборот, может сделать коммуникацию эффективной, комфортной и направленной на достижение коммуникативных намерений бесконфликтным способом.

Библиографический список

1. Ресенчук А.А., Рябова М.Ю. Этикетные формулы приветствия в английском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2011. № 1 (45). С. 204-207.
2. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с. (Язык. Семиотика. Культура). URL: http://www.k2x2.info/jazykoznanie/kategorija_vezhlivosti_i_stil_kommunikacii/index.php (дата обращения: 24.02.2019).
3. Фанакова Л.В. Прагматические особенности фамильярного стиля коммуникации в русской и американской коммуникативных культурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тобольск, 2013. 193 с.
4. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2000. 27с. Изд. 2. испр. 2015. 52 с.
5. Темиргазина З. К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике: Учебное пособие. Павлодар, 2015. 108 с.
6. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. URL: <https://studfiles.net/preview/4200604/> (дата обращения: 23.02.2019).
7. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
8. Плещенко Т. П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Стилистика и культура речи. Минск: НТООО «ТетраСистемс», 2001. 544 с.
9. Речевая компрессия // Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука, 2003. URL: https://perevodovedcheskiy.academic.ru/1414/речевая_компрессия (дата обращения: 25.02.2019).
10. Орлов Г.А. Современная английская речь: Учебное пособие для вузов по специальности «Английский язык и литература». М.: Высшая школа, 1991. 240 с.

References

1. Resenchuk A.A., Ryabova M.Yu. Etiquette formulas of greeting in English // Bulletin of Kemerovo State University. Kemerovo, 2011. Vol. 1 (45). P. 204-207.
2. Larina T.V. Category of politeness and style of communication. Moscow, 2009. 512 p. (Language. Semiotics. Culture.) URL: http://www.k2x2.info/jazykoznanie/kategorija_vezhlivosti_i_stil_kommunikacii/index.php (date of application - 24.02.2019).
3. Fanakova L.V. Pragmatic features of the familiar style of communication in Russian and American communicative cultures: dis. ... PhD in philology: 10.02.20.Tobolsk, 2013. 193 p.
4. Sternin I.A. Models of description of communicative behavior. Voronezh, 2000. 27 p. Ed. 2. 2015. 52 p.
5. Temirgazina Z.K. Modern theories in Russian and foreign linguistics: textbook. Pavlodar, 2015. 108 p.

6. Arnold I.V. Lexicology of the modern English language. M.: Publishing house of literature in foreign languages, 1959. URL: <https://studfiles.net/preview/4200604/> (date of application -23.02.2019).

7. Arnold I.V. Stylistics of modern English. Leningrad, 1981. 295 p.

8. Pleshenko T.P., Fedotova N.V., Chechet R.G. Stylistics and culture of speech. Minsk, 2001. 544 p.

9. Speech compression // Sensible translational dictionary. 3d edition, revised. Moscow, 2003. URL: https://perevodovedcheskiy.academic.ru/1414/речевая_компрессия (date of application - 25.02.2019).

10. Orlov G.A. Modern English speech: textbook for universities in the specialty «English language and literature». Moscow, 1991, 240 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.16`37 ББК 81.41-324

*Ивановский государственный университет
студентка 2 курса
филологического факультета
Лобанова Е.И.
Россия, г. Иваново, тел. +79631514179
e-mail: elena.lobanova.99@mail.ru*

*Ивановский государственный университет
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и методики преподавания
Суворова Н.В.
Россия, г. Иваново, тел. +79038790365
e-mail: suvorova-n@mail.ru*

*Ivanovo State University
The second-year student
of philology department
Lobanova E.I.
Russia, Ivanovo, +79631514179
e-mail: elena.lobanova.99@mail.ru*

*Ivanovo State University
The chair of Russian language
and teaching methodology
PhD, associate professor
Suvorova N.V.
Russia, Ivanovo, +79038790365
e-mail: suvorova-n@mail.ru*

Е.И. Лобанова, Н.В. Суворова

НАИМЕНОВАНИЯ РАСТЕНИЯ *MELAMPYRUM NEMOROSUM L.* В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Растения всегда имели большое значение для человека, поэтому пласт фитонимической лексики достаточно обширен в современных языках. Изучение названий растений позволяет выявить специфику мировоззрения народа, определить психологию и культурно-исторические особенности этноса. Статья посвящена сопоставительному изучению названий растения *Melampyrum nemorosum L.* в русском и польском языках. Цель нашей работы – выявить общее и различное в механизме образования наименований данного растения на материале двух языков: русского, относящегося к восточнославянской группе, и польского, входящего в состав западнославянской группы. В качестве объекта исследования были взяты фитотермины и народные названия растения *Melampyrum nemorosum L.* в указанных славянских языках. Предметом исследования являются семантические и структурные особенности выявленных наименований. В процессе работы нами использовались следующие научные методы: описательный метод, сопоставительный метод. Выбранный подход способствовал выявлению структурно-семантических особенностей различных по сфере функционирования названий *Melampyrum nemorosum L.* Результатом анализа является обнаружение универсального и специфического в семантике русских и польских наименований растения. Предпринятое исследование вносит определенный вклад в развитие сопоставительного языкознания: данные, полученные в ходе анализа, могут использоваться в преподавании современных славянских языков в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: фитотермин, фитоним, семантика, структура, славянские языки, сходства, различия, номинация, мотивировочный признак.

Е.И. Lobanova, N.V. Suvorova

NAMES OF THE PLANT *MELAMPYRUM NEMOROSUM L.* IN RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES

Plants have always been of great importance for people, so phytonic vocabulary is quite extensive in modern languages. Studying the names of plants allows us to reveal the specificity of the people's world outlook, to define psychological, cultural and historical peculiarities of the ethnos. The article is devoted to the comparative study of the names of plant *Melampyrum nemorosum* L. in Russian and Polish languages. The authors make an attempt to identify similar and different characteristics of this plant name formation in two languages: Russian, belonging to the East Slavonic group, and Polish, which is a part of the West Slavonic group. The object of this research is phytotermina and folk names of the plant *Melampyrum nemorosum* L. in the above mentioned Slavonic languages. The subject of this research is semantic and structural features of the names under study. The authors use such scientific methods as description and correlation. The chosen approach contributes to the identification of structural and semantic features of different names of *Melampyrum nemorosum* L. in the sphere of their functioning in the language. As a result of the analysis, universal and specific features in the semantics of Russian and Polish plant names have been found. The study makes a certain contribution to the development of comparative linguistics: the data obtained in the course of the analysis can be used in teaching modern Slavic languages at higher education institutions.

Key words: phytotermin, phytonym, semantics, structure, Slavic languages, similarities, differences, nomination, motivational attribute.

Названия растений в языке представляют собой достаточно обширный и специфический пласт лексики, что объясняется немаловажной ролью растительного мира в жизни человека. В наименованиях трав отразились особенности народного мышления. Именно растения с древних времен благодаря своей доступности используются в качестве лекарственных средств, пищи, материала для производства красителей и ядов. Одно и то же растение, произрастающее на разных территориях, могло получить общеизвестное название или же уникальное, зачастую употребляемое исключительно носителями конкретного территориального диалекта. Универсальное и специфическое в номинации растений можно увидеть не только в рамках одного языка с его диалектами, но и на уровне сопоставления родственных языков славянской группы. Так, русский язык (восточнославянская ветвь) и польский язык (западнославянская ветвь) находятся в близком родстве, но при этом являются знаковыми системами, отражающими разные культуры, следовательно, и разное миропонимание. Исследование наименований растений в данных языках поможет определить особенности мировосприятия их носителей.

Изучение вопроса номинации в целом (в том числе и растений) входит в сферу интересов ономазиологии. Понятие *номинация* является центральным в рамках ономазиологии как раздела семантики. В.Г. Гак в работе «К типологии лингвистических исследований» дает следующее толкование термина *номинация*: «процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами» [1, с. 237]. В основе номинации лежат мотивировочные признаки. Мотивировочный признак – это «один из объективных признаков самой реалии, выделяемый как «представитель» всей совокупности ее признаков, способный наиболее ярко охарактеризовать данный предмет в ряду ему однородных» [2, с. 96]. Лексико-семантическая группа «наименования растений» обладает разнообразными и многочисленными мотивировочными признаками, но к ним применимо деление, предложенное В.Г. Гаком, на «собственные признаки предмета (качества, свойства, количества) и относительные признаки предмета, отражающие их связи с иными объектами (функция, пространственные и временные отношения и т.п.)» [3, с. 17]. Стоит сказать, что мотивировочный признак может реализовываться по-разному: прямо или опосредованно, то есть метафорично, реже метонимично.

Все наименования растений условно можно разделить на две группы: фитотермины («научно-терминологические единицы») и фитонимы («единицы когнитивной / народной ботанической номенклатуры») [4, с. 34-35]. Фитотермины, в свою очередь,

представлены международным (латинским названием) и частными (официальными названиями в каждом конкретном языке) вариантами. У растения может быть только один фитотермин в национальном языке, число же фитонимов не имеет ограничения. Кроме того, некоторые фитонимы носят фольклорный характер.

Международное наименование рассматриваемого растения восходит к латинскому названию *Melampyrum nemorosum* L. Этимологию латинского родового названия *Melampyrum* находим в «Ботаническом словаре» Н.И. Анненкова: «Melas, черный, rugos, пшеница, зерно» [5, с. 210]. Прилагательное *nemorosum*, характеризующее ареал обитания растения, в переводе с латинского означает «лесной, дубравный». Таким образом, *Melampyrum nemorosum* L. дословно на русский язык переводится как «черная лесная пшеница».

В русском языке международному названию *Melampyrum nemorosum* L. соответствует частный вариант *марьянник дубравный*. Данный фитотермин имеет сходство с латинским наименованием только в использовании прилагательного *дубравный* по месту произрастания растения, компонент *марьянник* же мотивирован фитонимом *Иванда-Марья*, под этим названием данная трава наиболее известна на территории России. В польском языке растение *Melampyrum nemorosum* L. имеет наименование *pszaniec gajowy* (пшеница лесная). Фитотермин фактически является калькой с латинского языка. В русских народных говорах употребляется фитоним *черная пшеница*. Семена *марьянника* тяжело отделяются от семян обычной пшеницы и портят, чернят муку, поэтому наименование *черная пшеница* для обозначения *Melampyrum nemorosum* L. преимущественно используют хлеборобы.

Среди польских и русских фитонимов есть названия, в основе которых лежат сходные признаки. Так, ряд названий, связанных с легендой, отражает особенности мифологического воззрения славян. В восточнославянской традиции с легендой о запретной любви связаны фитонимы *брат-сестра*, *брат с сестрой*, *брат и сестра*. В западнославянской традиции встречаются аналогичные по своей семантике и структуре фитонимы *brat-siostra* (брат-сестра), *brat z siostra* (брат с сестрой). Польские наименования, как и русские, отражают бинарную оппозицию *мужское/женское* и мотивируются легендой о любви кровных родственников. Легенда бытует в нескольких вариантах, но «во всех этих текстах и других, им подобных, предполагается наличие запрета на брачные отношения между братом и сестрой, и в то же время происходит невольное нарушение этого запрета» [6, с. 226]. Существование похожих фитонимов характерно также для белорусского языка (*брат з сястрой*) и для украинского (*брат-і-сестра*). Этот факт указывает на архаичную природу легенд с инцестным сюжетом и позволяет относить данные фитонимы к общеславянским. Фольклор всех восточных славян содержит баллады и песни, где говорится о том, что брат и сестра едва не поженились или уже повенчались, но перед брачной ночью узнали о своем родстве:

А в скресенье венчали,
В понедельник спать клали.
Стал пытати детина,
Якого роду девчина.
«Я с Киева войтовна,
По батюшке Карповна!»
Стала пытати девчина,
Якого роду детина:
«Я с Киева войтович,
По батюшке Карпович!»
«Ах, и где ж тому было,

Чтоб сестра за брата шла?
Сестра за брата не идет,
А брат сестру не берет!
Мы пойдем у поле,
Мы скинемся травую
А что братец с сестрою! [7, с. 239]

Существовал и другой песенный вариант, в котором «сестра хотела соблазнить братца, а он за это ее убил. В качестве предсмертной воли девушка попросила посадить на могиле этот цветок» [8]. Сюжет, подтверждающий роль сестры как инициатора инцеста, реализуется в песне:

Ходит коник
Вороненький.
На том коне <...>
Иван сидит,
За ним Марья <...>
Вдогон бежит:
«Постой, Иван <...>
Скажу нечто! <...>
Тебя люблю <...>
С тобой пойду!
Загадаю <...>
Три загадки.
А что растет <...>
Без кореня?
А что горит <...>
Без польмя?
А что бежит <...>
Без повода?

Мотив отгадывания загадок, встречающийся в мифопоэтических текстах, связан с испытаниями на знания, «свидетельствующие о готовности к браку» [7, с. 240].

В польской традиции встречается следующий сюжет об инцесте: «брат и сестра, разлученные в детстве, долго ходили по свету, а встретившись, не узнали друг друга, поженились и лишь позже узнали, что они брат и сестра. От стыда и горя они превратились в траву, цветы которой – синего и желтого цветов» [7, с. 239].

Предание о запретной любви повлияло и на наименования растения *Melampyrum nemorosum* L., встречающиеся исключительно в русском языке. Фитонимы *братики*, *браток*, *братовка*, *братки* не содержат бинарной оппозиции, но сохраняют семантику кровного родства. Связь фитонимов *Иван-да-Марья*, *Адриан и Мария*, *ваня-да-маня* с легендой о брате и сестре, не имеющих аналогов в польском языке, не является столь прозрачной, но существует. В ее основе лежит «архаичный миф о близнецах, один из которых – Иван – связан с жизнью и огнем, а другой – Марья – со смертью и водой» [7, с. 241]. В работе Д.А. Гаврилова и А.Е. Наговицына «Боги славян. Язычество. Традиция» имена Иван и Марья связываются не с абстрактными близнецами, а конкретными персонажами языческой мифологии – Иваном Купалой и его сестрой Марой (Марьей Моревной): «Брак ее с братом Купалой есть брак одухотворения и орошения земли. Купала - небесный бог, он луч и архетип всего» [9, с. 112]. Цветок Иван (Купала)-да-Марья (Моревна) становится символом плодородия.

В русской традиции бытует несколько легенд, объясняющих происхождение фитонима Иван-да-Марья, не затрагивающих мотив инцеста: «В сухую, солнечную погоду пошли в лес по грибы Иван да Марья. Но не успели они дойти до леса, как налетел ве-

тер, набежали тучи, засверкала молния, началась гроза. Негде было спрятаться, и храбрый Иван заслонил красавицу Марью. Как только стихла непогода, Иван и Марья вернулись домой, а на том месте, где он спасал девушку, поднялась трава с красивыми фиолетовыми листочками, которые, как Иван Марью, защищали от непогоды желтые цветы» [8].

Интересен и тот факт, что только у русских есть народное название *Melampyrum nemorosum* L. – *Иоаким и Анна*. Оно восходит к другому преданию, изложенному в Протоевангелии Иакова [10], о жизни святых Иоакима и Анны, олицетворяющих благочестивую любовь между мужчиной и женщиной и хранение святости брака.

Еще одним общим мотивировочным признаком для наименований растения *Melampyrum nemorosum* L. в русском и польском языках служит внешний вид.

Отражающиеся в названиях растения *Melampyrum nemorosum* L. особенности внешнего вида связаны с формой денотата. Так, в восточнославянской и западнославянской традициях существуют фитонимы *луговой звонец*, *дзвонец*, польский вариант – *dzwoniec gajowy* (колокольчик лесной), мотивированные формой коробочки с семенами, похожей на колокольчик: «продолговатая или эллиптически-ланцетная, <...> заострённая, голая, вскрывается с двух сторон, края створок утолщённые, гладкие» [11; т. 22, с. 544].

Среди слов, в основе которых лежит форма, только в русском языке есть диалектные наименования *зубровая*, *зябрий* указывающие на наличие у растения зубцов («прицветники <...> наверху ланцетно заострённые, сине-фиолетовые, по краю гребенчато-зубчатые, с ланцетно-шиловидными, длинно и тонко заострёнными, 1—3 мм длиной зубцами» [11; т. 22, с. 544]). Фитоним *зябрий* происходит от глагола *зять*: «ст.-слав. зѣбж катаξαίνω (Супр.), первонач. знач.: “раздирать”» [12; т. 2, с. 110–111].

Специфика внешнего вида растения *Melampyrum nemorosum* L. проявляется в его необычном окрасе. Данный признак выражается опосредованно и в русских, и в польских наименованиях. В славянской традиции фитоним *день-и-ночь* строится на бинарной оппозиции день/ночь, где ночь связана с темным окрасом (фиолетовым), а день – со светлым окрасом (желтым). Тот же мотивировочный признак метафорично выражен в польских фитонимах *dzień i noc*, *nocydzień*.

Среди польских фитонимов нет названий *Melampyrum nemorosum* L., в которых значение окраса выражалось бы напрямую. В русском же языке народное название *двухцветник* прямо указывает на наличие двух цветов (фиолетового и желтого) в окрасе денотата («у марьянника прицветники фиолетового цвета <...> воспринимаются как цветы наряду с настоящими, желтыми, цветами» [13; с. 162]).

Кроме универсальных признаков, лежащих в основе наименований растения *Melampyrum nemorosum* L. в анализируемых славянских языках, обнаруживают себя и признаки специфические, то есть характерные только для одного языка. Например, в русской традиции в фитонимах могут отражаться физиологические свойства растения. Так, наименования *медунка* и *медянка* указывают на медоносность *Melampyrum nemorosum* L. Этот факт подтверждается и наличием фитонима *чмельник* (от диалектного слова *чмель* – «шмель»). Обильное выделение нектара растением могло послужить мотивировочным признаком и для названия *сачновка*, предположительно образованного от глагола *сочиться*.

В восточнославянской традиции встречаются фитонимы, в которых значение окраса растения выражено опосредованно. Диалектные наименования *желтяница*, *желтушка* и *золотушная трава*, судя по словарным данным, могут быть связаны не только с окрасом растения, но и с симптомом заболевания (изменением цвета кожи), для лечения которого используется данная трава: желтухой («болезнь, при которой страдает пе-

чень, и желчь окрашивает кожу» [14; т. 1, с. 531]) и золотухой («прирожденная болезнь худосочия, в которой особенно болеют железы» [14; т.1, с. 692]).

Некоторые названия растения *Melampyrum nemorosum* L. в русском языке отражают способность травы вырабатывать ядовитые вещества и паразитировать. Так, фитоним *казюля* родственен диалектному названию гадюки – «казулька, казюлька ж. тмб. сиб. змея, гад, гадюка» [14; т. 2, с. 75]. Народный вариант *липняк* образован от глагола *липнуть*, так как растение *Melampyrum nemorosum* L. имеет свойство прилипать к корням других растений и поглощать питательные вещества.

В восточнославянской традиции существует фитоним *меткая трава*. Можно предположить, что данное народное название образовано от глагола *метать* «бросать, кидать, швырять, лукать» [14; т. 2, с. 322]. Мотивировочным признаком для номинации становится способность растения распространяться: семена, высыпавшиеся из коробочек, растаскиваются муравьями, привлеченными запахом.

Только в русском языке представлены фитонимы *быковник*, *скотский корм*, отражающие связь растения *Melampyrum nemorosum* L. с животным миром. Домашний скот, пасущийся на лугах, питается этой травой («весьма любима коровами» [5, с. 211]).

Наряду с христианским мировоззрением у славян сильными оставались отголоски языческого мышления. Языческий культ требовал непосредственного символического выражения чувств и переживаний человека через проведение обрядов. Некоторые обряды осуществлялись в праздничные дни и включали в себя взаимодействие с травами. Праздник Ивана Купалы в восточнославянской традиции имел еще одно народное название – Иван Травный, так как множество обрядов были связаны именно с травами. У восточных славян выделяется группа, так называемых, Ивановских трав («травы <...> сбор и применение которых входят в ритуальный комплекс празднования Ивана Купалы» [15]). В их число помещается и растение *Melampyrum nemorosum* L. Оно использовалось в некоторых ритуальных действиях: считалось, что если разложить траву по углам избы, то «брат с сестрой будут говорить, а вору будет казаться, будто разговаривают хозяин с хозяйкой» [16, с. 247]. Кроме того, растение применяли в обряде с плетением венков. Девушки бросали их в воду, тем самым гадая о своей судьбе: «Если венок прибьется обратно к берегу, значит, в этом году остаться в девушках; уплывет к другому берегу – к замужеству; ну, а если венок потонет – гадающую ждет смерть» [7, с. 241]. Использование *Melampyrum nemorosum* L. во время праздника Ивана Купалы при совершении различных обрядов отразилось в таких фитонимах, как *иванец* и *Иванова трава*.

В русских народных говорах растение *Melampyrum nemorosum* L. имеет общие названия с растением *Viola tricolor* L. (фиалка трехцветная): *анютины глазки* и *трехцветная трава*. В.Б. Колосова объясняет общность названий следующим образом: «Оба растения отличаются необычной окраской органов: лепестки фиалки окрашены в разные цвета, а у марьянника прицветники фиолетового цвета, в отличие от нижних зеленых листьев, и поэтому воспринимаются как цветы наряду с настоящими, желтыми, цветами. Этот признак позволяет рассматривать оба названных растения под одним названием» [13, с. 162].

Структура названий растения *Melampyrum nemorosum* L. в русском и польском языке в целом оказывается сходной. Так, фитотермины в обоих славянских языках являются словосочетаниями, построенными по модели «существительное в именительном падеже + прилагательное» (*марьянник дубравный*, *pszeniec gajowy*). Рассматривая особенности структуры русских и польских фитонимов, можно заметить, что основная часть народных наименований представляет собой следующие словосочетания: «существительное в именительном падеже + прилагательное» (*черная пшеница*, *dzwoniec gajowy*), и «существительное в именительном падеже + существительное в творитель-

ном падеже» (*brat s sestroj, brat z siostra*). Среди выявленных номинаций есть дефисно-оформленные (*brat-sestra, brat-siostra*) и слитно-оформленные (*двуцветник, nocudzień*) композиты. Следует отметить и тот факт, что, в польском и русском языках выделяется небольшая группа фитонимов, построенных по структурно-номинативной модели «существительное в именительном падеже + существительное в именительном падеже», где существительные являются однородными (*brat u sestra, dzień i noc*). Только в русском языке есть однословные народные наименования растения *Melampyrum nemorosum L.*, образованные суффиксальным образом и представляющие собой существительные (*братики, желтушка*) или субстантивированные прилагательные (*зубровая*).

Таким образом, сопоставление русских и польских названий растения *Melampyrum nemorosum L.* позволило выявить как сходное, так и различное в семантике этих образований. Общим является наличие только одного фитотермина в каждом из языков. Кроме того, в названиях русских и польских фитонимов есть универсальные признаки, лежащие в основе их мотивации: легенда (*brat-sestra, brat-siostra*), окрас денотата (*день-и-ночь, dzień i noc*), форма денотата (*луговой звонец, dzwonec gajowy*). Наряду со сходством в механизмах образования есть черты специфические, присущие только одному языку. Данные наименования ограничены в употреблении (используются в диалектах). Тем не менее, несмотря на некоторые различия в семантике и структуре русских и польских названий растения *Melampyrum nemorosum L.*, следует констатировать, что сходного между ними гораздо больше, и это связано не только с родством языков, но и с общностью народных традиций, в основе которых лежит славянская мифология.

Библиографический список

1. Гак В.Г. К типологии лингвистических исследований // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 230–294.
2. Голев Н.Д. О принципах номинации и методе их исследования // Материалы науч. конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5: Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. С. 94–99.
3. Гак В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1972. № 5. С. 12–22.
4. Алешина Е.К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. 2009. Т. 8, № 2. С. 34–37.
5. Анненков Н.И. Ботанический словарь. СПб.: Имп. Академия наук, 1878. 647 с.
6. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 372 с.
7. Мадлевская Е.Л. Русская мифология. Энциклопедия. СПб.: Мидгард, 2005. 778 с.
8. Иван-да-Марья. Легенды и мифы о растениях. Легенды Древнего Востока, языческие мифы, античные предания, библейские истории. [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.wikireading.ru/4333> (дата обращения: 26.02.2019).
9. Гаврилов Д.А., Наговицын А.Е. Боги славян. Язычество. Традиция. М.: Рефл-Бук, 2002. 464 с.
10. Зачатие Богородицы. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зачатие_Богородицы (дата обращения: 10.02.2019).

11. Флора СССР. В 30 т. Т. 22. / Ред. Б.К. Шишкин, Е.Г. Бобров. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. 752 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986-1987.
13. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981.
15. Ивановские травы. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ивановские_травы (дата обращения: 10.02.2019).
16. Некрылова А.Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь. М.: Правда, 1989. 496 с.

References

1. Gak V.G. To the typology of linguistic research // Language nomination. General issues. Moscow, 1977. P. 230–294.
2. Golev N.D. About the principles of nomination and the method of their research // Materials of scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the USSR. Issue 5: Linguistics. Theoretical questions of Russian language and its dialects. Tomsk: TSU, 1972. P. 94–99.
3. Gak V.G. To the problem of the relationship between language and reality // Linguistic's issues. M.: 1972. N 5. 12–22 p.
4. Aleshina E.K. Studies of plant names and ethnic world image: defining the problem // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2009. Vol. 8, iss. 2. P. 34–37.
5. Annenkov N.I. Botanical Dictionary. St.-Perersburg: Emp. Academy of Sciences, 1878. 647 p.
6. Ivanov V.V., Toporov V.N. Researches in the field of Slavonic antiquities. Moscow, 1974. 372 p.
7. Madlevskaya E.L. Russian mythology. Encyclopedia. St.-Perersburg, 2005. 778 p.
8. Ivan-da-Marya. The legends and myths about plants. The legends of the ancient East, pagan myths, ancient legends, Bible stories. [Electronic resource] URL: <https://culture.wikireading.ru/4333> (date of application: 26.02.2019)
9. Gavrilov D.A., Nagovitsyn A.E. The gods of Slavs. Paganism. Tradition. Moscow, 2002. 464 p.
10. Conception of the Virgin. [Electronic resource.] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зачатие_Богородицы (date of application: 10.02.2019).
11. Flora of the USSR. In 30 vol. Vol. 22. / Ed. B.K. Shishkin, E.G. Vpbrov. Moscow - Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1953. 752 p.
12. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian language: in 4 vol. Moscow, 1986–1987.
13. Kolosova V.B. Vocabulary and symbolism of Slavonic folk botany. Ethical and linguistic aspects. Moscow, 2009. 352 p.
14. Dal V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language: in 4 vol. Moscow, 1981.
15. Ivanovo herbs [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ивановские_травы (date of application: 10.02.2019).
16. Nekrylova A.F. All the year round. Russian agricultural calendar. Moscow, 1989. 496 p.

УДК 811.111'42

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
канд. филол. наук,
доцент кафедры
теории и практики перевода
Санченко Е.Н.
ЛНР, г. Луганск,
тел. +380500576549
e-mail: ghostofangel25@mail.ru*

*Luhansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of theory and practice of translation
PhD, associate professor
Sanchenko E. N.
Lugansk People's Republic, Lugansk,
tel. +380500576549
e-mail: ghostofangel25@mail.ru*

Е.Н. Санченко

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются способы языковой репрезентации культурно-специфической информации в англоязычных сказочных произведениях английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга. Основная задача исследования заключается в изучении особенностей и закономерностей специфических культурных лексических единиц, что является важным для адекватного восприятия специфического текста целевой аудиторией, а также незавершённой разработкой аспектов их появления. Наличие культурно-специфической информации в значении лексических единиц является вопросом дискуссионным. Культурно-специфические элементы вызывают большие трудности в понимании и усвоении человеком – не носителем языка. Культурно-специфические компоненты лексических единиц, функционирующих в литературно-сказочном пространстве английского писателя, анализируются с целью установления и объяснения их культурной коннотации. Статья содержит примеры из англоязычных сказочных произведений английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга. Предметом работы выступают особенности функционирования культурно-специфической информации в лексических единицах. В результате исследования было выявлено, что в произведениях активно функционируют топонимы, культурно-специфическая лексика, отражающая природно-географическую среду, природно-климатическая лексика, названия животных и растений, антропонимы и другие подгруппы культурно-специфической лексики. Результаты данного исследования могут быть применены при дальнейшей работе с культурно-маркированной лексикой в переводческом аспекте. Перспективным видится изучение способов передачи культурно-специфической информации с английского на русский язык в литературно-сказочном пространстве.

Ключевые слова: языковая репрезентация, культурно-специфическая информация, национально-культурная специфика, художественный текст, культурно-специфическая лексика.

E.N. Sanchenko

PECULIARITIES OF LANGUAGE REPRESENTATION OF CULTURALLY SPECIFIC INFORMATION IN ENGLISH TEXTS

In the article methods of linguistic representation of cultural-specific information in English fairy-tale works by English writer Joseph Rudyard Kipling are considered. The main purpose of the article is to study the features and patterns of specific cultural lexical units, which is important for an adequate perception of a specific text by the target audience, as well as the unfinished development of aspects of their using. The presence of culturally specific information in the meaning of lexical units is a disputable question. Culturally specific elements

cause great difficulties in understanding and assimilation by a person who is not a native speaker. The cultural-specific components of lexical units functioning in the literary and fairy-tale space of the English writer are analyzed for the purpose of finding and explaining their cultural connotations. The article contains examples from the English-language fairy-tale works by the English writer Joseph Rudyard Kipling. The subject of the work is the features of the functioning of cultural-specific information in lexical units. As a result of the research it was revealed that toponyms, culturally specific vocabulary of the natural and geographical environment, natural and climactic lexicon, names of animals and plants, anthroponyms and other subgroups of culturally specific vocabulary are actively functioning in the works. The results of this study can be applied in further work with culturally labeled vocabulary in the translation aspect. The nearest perspective is the study of ways of translation of culturally specific information from English into Russian in the literary and fairy-tale space.

Key words: language representation, cultural-specific information, national-cultural specificity, literary text, cultural-specific vocabulary.

В современном обществе, характеризующемся «многокультурьем», различные языки, культуры и нации активно взаимодействуют и успешно сосуществуют. Одной из производных такого взаимопроникновения и взаимодействия является художественный текст. Современный подход к тексту сделал необходимым анализ культурно-специфического влияния на художественные тексты.

Сегодня особенности языковой репрезентации культурно-специфической информации в художественном произведении еще недостаточно изучены, особенно в литературной (авторской) сказке. Целью нашего исследования является изучение способов языковой репрезентации культурно-специфической информации в англоязычных сказочных произведениях английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга.

Наличие культурно-специфической информации в значении лексических единиц является вопросом дискуссионным. Согласно одной точке зрения (В.А. Маслова, В.В. Воробьев, В.В. Красных, Д.Б. Гудков и др.), слова-реалии, фразеологизмы, пословицы, имена собственные, прецедентные высказывания и т.п. несут в тексте дополнительную культурно-специфическую нагрузку семантического плана. Но ряд исследователей (С. Влахов, С. Флорин, Н.А. Фененко, Г.Д. Томахин) настаивают на наличии культурно-специфической информации только в словах-реалиях, характеризующихся безэквивалентностью или частичной эквивалентностью.

Дополнительная культурно-специфическая нагрузка семантического характера может проявляться в различных формах. Например, вслед за Е.П. Семёновой мы выделяем следующие формы проявления подобной семантической нагрузки: отсутствие аналога (безэквивалентность), фрагментарная тождественность содержательной стороны слова, коннотативная семантика национальной специфики, функциональное несоответствие языковых единиц [1, с. 8].

Анализ языковых единиц с национально-культурной спецификой значения в текстах Р. Киплинга показал, что в произведениях писателя активно функционируют топонимы, культурно-специфическая лексика, отражающая природно-географическую среду, природно-климатическая лексика, названия животных и растений, антропонимы и другие подгруппы культурно-специфической лексики.

Посредством включения в текст культурно-маркированной лексики передается местный колорит, дается речевая характеристика персонажей, осуществляется стилизация. Литературная сказка, являясь уникальным сплавом фольклора и авторского произведения, представляет собой часть культуры и достаточно полно отражает эстетику и мировоззрение своей эпохи.

Культурно-маркированная лексика в тексте не только помогает передавать культурные особенности нации, имитировать художественный стиль, свойственный культуре определенной среды или народности, но и создает характерные штрихи к портретам персонажей - как в языковом плане, так и в содержательном.

Рассмотрим некоторые категории языковых единиц с национально-культурной спецификой значения в текстах сказок Р. Кипплинга.

Топонимика данных произведений характеризуется, в первую очередь, реальными географическими объектами, которые визуализируют английскую эпоху: *Roberts bridge, Oxford, Chichester, New Shoreham, Washington, Charleston, Ostia Antica, Aquae Sulis* и др. Анализ также выявил наличие мифических географических объектов в произведениях (*the People of the Hills, Country of the Naked Chalk*) и культурно-специфических оронимов, связанных с объектами рельефа земной поверхности (*of Beacon Hill, Romney Marsh, Old Forge, Rabbit Shaw, Mill-Stream, Great Shoal, Forest in the Sea, Blue Mountains, Nantego country*).

Для полноценного семантического восприятия культурно-маркированных слов географических знаний недостаточно. Проиллюстрируем примерами из произведения:

«*Aquae Solis, he repeated. The best baths in Britain. Just as good, I'm told, as Rome.*» («Аква Сулис, – повторил он. – Это лучший источник целебных вод в Британии. Мне говорили, что он ничуть не хуже римских курортов») [4].

«*Oh, Aquae Solis. That's Bath, where the buns come from*» («Аква Сулис! Так назывался раньше город Бат – тот самый, откуда пошло батское печенье») [4].

Исторические знания о существовании английского города *Aquae Sulis* («*Aquae Sulis was a small town in the Roman province of Britannia. Today it is the English city of Bath, Somerset*» («Аква Сулис был небольшим городком в римской провинции Британия. Сегодня это английский город Бат, Сомерсет») [3]) неполно раскрывают культурно-специфическую информацию данной лексической единицы. Для полноценного осмысления семантики необходимы обязательные знания о возникновении города, о его развитии, о мощнейшем потенциале лечебного курорта (термальные источники, из которых ежедневно вытекает около 1,2 миллиона литров богатой минералами горячей воды температурой 46°C), о гастрономической культуре (городок является родиной вкуснейших и известных на всю страну батских булочек (*Bath bun*)) и т.д. [2].

Многочисленной также является группа имен, фамилий и прозвищ в анализируемых англоязычных произведениях: *Sir Dawe, Sir Pelham, Mr. Harmsworth, Master Collins, Yellow Man, Wise Iron, Gloriana-Belphoebe-Elizabeth of England, Bob Brygandyne, Pilgrim with the Singing Sword, Tom Shoesmith, Jack Scholar, Hal o' the Draft, Sailor's nose, Two Tongues* и др.

Рассмотрим один из примеров более детально.

«*Gloriana – Belphebe – Elizabeth of England. Her voice changed at each word*» («Глорiana-Бельфеба-Елизавета Английская. – Она произнесла с особым выражением каждое из этих имен») [5].

Этот пример иллюстрирует период царствования королевы Елизаветы I, который называют «золотым веком Англии», поскольку он связан с культурным процветанием Британии (расцвет «елизаветинской» культуры, и литературы в частности) и усилением страны на международной арене (поражение испанской «Непобедимой армады» – крупного военного флота; активная деятельность английского мореплавателя и вице-адмирала Сэра Фрэнсиса Дрейка (*Francis Drake*) и государственного деятеля Уолтера Рэли (*Sir Walter Raleigh*); создание Елизаветой I Ост-Индской компании в интересах нации с правом монопольной торговли на всем восточном пространстве).

В текстах Р. Кипплинга фигурируют имена главных действующих лиц, героев, значимых для содержания сказок; имена эти имеют несколько разнообразных вариаций, например: *Wilfrid – Saint of Sussex – Archbishop of York, Puck – Faun – Robin – Nick from Lincolnshire* и др.

Одной из составляющей ономастики английской сказки являются мифологические имена, которые в лингвистическом аспекте персонифицируют образы вымышленных существ. Мифонимы и в настоящее время активно функционируют в современном англий-

ском и русском языках. Употребление мифонимов в различных текстах свидетельствует об их влиянии на культуру народа в целом. Данные понятия приобретают некую символичность и универсальность: *Flesh an' Blood; Long Slip, Evil Spirit, Devil-in-the-Dusk, Neptune, Arion, Lady the Moon, Titania, Goddess Belisama, Thor of the Scandinavians, Magic as Merlin* и др.

Например, *Evil Spirit* (Злой Дух) – «нечистая сила», демон, бес – одно из духовных существ, которые служат сатане, исполняют его волю и находятся в его власти. Данный мифоним представлен в англоязычной сказке Р. Киплинга «The Knights of the Joyous Venture» («Рыцари славного дерзания»):

«In this iron, said Witta, abode an Evil Spirit which Kitai, the Yellow Man, had brought by Art Magic out of his own country that lay three years' journey southward. The Evil Spirit strove day and night to return to his country, and therefore, look you, the iron needle pointed continually to the South» («В этом кусочке железа обитал Злой Дух, привезенный Желтым Человеком из своей страны, лежащей в трех годах пути к югу от наших мест. Этот Злой Дух днем и ночью стремился вернуться обратно, и потому железная стрелка постоянно указывала одним концом на юг») [4].

Мифоним *Titania* (Титания), взятое из романтической комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» (имя царицы фей и эльфов, в свою очередь заимствованное драматургом у его любимого поэта Овидия), функционирует в англоязычном тексте сказки Р. Киплинга «Weland's Sword»:

«They began where Nick Bottom the weaver comes out of the bushes with a donkey's head on his shoulders, and finds Titania, Queen of the Fairies, asleep» («Они начали с того места, когда ткач Основа выходит из кустов с ослиной головой на плечах и застаёт королеву фей Титанию спящей») [4].

В сказках английского писателя Р. Киплинга значимыми единицами с культурно-специфической информацией являются культурно-маркированные зоонимы (*Black Goat, Cattiwow, Golden Hind, Long Serpent, Seal's Eye, Talking Bird, Rabbit-Lewnor* и др.), например:

«Her painted name was the Daisy, but for exploring expeditions she was the Golden Hind or the Long Serpent, or some such suitable name» («На борту этого славного судна масляной краской было выведено название – «Маргаритка», но в серьезных экспедициях оно обычно называлось «Золотой Ланью», «Длинным Змеем» или каким-либо другим подходящим именем») [4].

Этнонимы в литературно-сказочном пространстве Р. Киплинга не так многочисленны, но они эффективно стереотипизируют национальные проявления. Они представлены небольшой группой, но это не уменьшает их значимости в культурологическом аспекте, поскольку они являются номенами для обозначения не отдельного человека, а целого этноса, этнической общности со всеми присущими ей чертами. Эти лексические единицы воспроизводят этнические стереотипы как составляющие языкового сознания, которые несут в себе мощный эмоциональный заряд, влияющий на степень адекватности восприятия того или иного элемента концептуальной картины мира, например:

«The Senecas are a seemly, quiet people, and they'd had trouble enough from white men – American and English – during the wars, to keep 'em in that walk. They lived on a Reservation by themselves away off by their lake» («Индейцы сенека – народ смирный и благопристойный. Они достаточно натерпелись от американцев и англичан – когда те воевали друг с другом, – чтобы предпочитать мир войне. Они жили тихо и замкнуто в резервации на берегу озера») [6].

В данном примере культурно-маркированный этноним *Senecas* является номинацией одного из племен ирокезов, так называемых «горных людей».

Часто в этнонимах отражаются стереотипы по таким признакам, как внешность, одежда, поведение, черты национального характера, национально-культурные традиции, например:

«*Yet when I walked by them they cried out that I was one Ahasuerus, a Jew, condemned, as they believe, to live for ever, and they fled from me everyways*» («*Но я без боязни проходил мимо сражающихся толп, и люди кричали, что это идет Ахашверои, Вечный Жид, обреченный жить и скитаться до конца веков, и бросались от меня врассыпную*»)» [4].

Как видно из приведенных выше примеров, в англоязычных произведениях Р. Киплинга языковые единицы с национально-культурной спецификой значения являются частью культурного пространства Англии определенной эпохи и достаточно полно отражают её эстетику и мировоззрение. Трудность их восприятия обоснована тем, что они выступают продуктом компрессии фоновой информации лингвострановедческого характера.

Библиографический список

1. Семёнова Е.П. Языковая репрезентация культурно-специфической информации в художественном тексте: на материале современной русской прозы и ее переводов на английский язык: дисс. ... канд. филол. наук. Калининград, 2012. 205 с.
2. *Aquae Sulis* (Bath) Avon, England // The Princeton Encyclopedia of Classical Sites. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0006%3Aalphabetic+letter%3DA%3Aentry+group%3D8%3Aentry%3DAquae-sulis> (дата обращения – 18.11.2018).
3. *Aquae Sulis* // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Aquae_Sulis (дата обращения – 18.11.2018).
4. Kipling R.J. Puck of Pook's hill. URL: <http://www.freeclassicebooks.com/Rudyard%20Kipling/Puck%20of%20Pook's%20Hill.pdf> (дата обращения – 18.11.2018).
5. Kipling R.J. Rewards and fairies. URL: https://fictionbook.ru/author/rudyard_kipling/rewards_and_fairies/read_online.html (дата обращения – 18.11.2018).
6. Kipling R.J. Rewards and fairies. URL: <http://kipling.brazilianjiujitsubum.com/book/rewards-and-fairies-556/pages/87/> (дата обращения – 18.11.2018).

References

1. Semenova E.P. Language representation of culturally specific information in the artistic text: based on the material of modern Russian prose and its translations into English: Thesis... PhD in philology. Kaliningrad, 2012. 205 p.
2. *Aquae Sulis* (Bath) Avon, England // The Princeton Encyclopedia of Classical Sites. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0006%3Aalphabetic+letter%3DA%3Aentry+group%3D8%3Aentry%3DAquae-sulis> (date of application – 18.11.2018).
3. *Aquae Sulis* // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Aquae_Sulis (date of application – 18.11.2018).
4. Kipling R.J. Puck of Pook's hill. URL: <http://www.freeclassicebooks.com/Rudyard%20Kipling/Puck%20of%20Pook's%20Hill.pdf> (дата обращения – 18.11.2018).
5. Kipling R.J. Rewards and fairies. URL: https://fictionbook.ru/author/rudyard_kipling/rewards_and_fairies/read_online.html (дата обращения – 18.11.2018).
6. Kipling R.J. Rewards and fairies. URL: <http://kipling.brazilianjiujitsubum.com/book/rewards-and-fairies-556/pages/87/> (дата обращения – 18.11.2018).

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 811.111

*Институт гуманитарного образования и
спорта Сургутского*

государственного университета

*канд. филол. наук, доцент кафедры лин-
гвистики и переводоведения*

Филистова Н.Ю.

Россия, г. Сургут, тел. +7(922)269-96-15

e-mail: nataliafilistova@yandex.ru

*Студент кафедры лингвистики
и переводоведения*

Сакова А.С.

Россия, г. Сургут, тел. +7(922)426-28-38

e-mail: anyanyan97@mail.ru

*Institute of humanities and sports
of Surgut State University*

The chair of linguistics

and translation studies

PhD, associate professor

Filistova N.Y.

Russia, Surgut, +7(922)269-96-15

e-mail: nataliafilistova@yandex.ru

*The student of the chair of linguistics
and translation studies*

Sakova A.S.

Russia, Surgut, +7(922)426-28-38

e-mail: anyanyan97@mail.ru

Н.Ю. Филистова, А.С. Сакова

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «FEAR» И «MADNESS» В ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА УЖАСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА СТИВЕНА КИНГА «THE SHINING»)

Данная статья посвящена выявлению и рассмотрению лексических средств вербальной репрезентации концептов FEAR и MADNESS в литературе жанра ужасов. Актуальность данной работы обусловлена высокой степенью значимости изучения концептов в области лингвистических исследований, а также популярностью жанра ужасов среди различных слоев населения. Материалом исследования послужил текст знаменитого романа американского писателя Стивена Кинга «The Shining». Цель статьи – изучение особенностей литературы ужасов и анализ средств вербальной реализации ее базовых концептов. Поставленная цель достигается с использованием таких общенаучных и специальных методов исследования, как описательный метод, метод сплошной выборки, метод концептуального анализа, а также метод статистического анализа. В статье рассматриваются история становления и специфика литературы ужасов, а также теоретические основы лингвистического концепта. Литература жанра ужасов, которая является крайне популярной в наши дни, ставит своей целью воздействовать на эмоциональное состояние читателя, а именно – вызвать у него чувство страха, внутренние переживания. Для достижения этой цели авторы используют различные средства на всех уровнях языка, что и явилось предметом нашего анализа в рамках данной работы. Изучение концептов в художественных текстах остается актуальным и востребованным. Исследуя данное явление, ученые отмечают тесную связь его с опытом, культурной и духовной жизнью не только отдельной языковой личности, но и целого народа. Проведенный анализ позволил выделить фреймовую структуру рассматриваемых концептов на материале жанра ужасов.

Ключевые слова: литература жанра ужасов, концепт, fear, madness, структура концепта, фрейм.

N.Y. Filistova, A.S. Sakova

VERBAL REPRESENTATION OF CONCEPTS «FEAR» AND «MADNESS» IN HORROR FICTION

(ON THE MATERIAL OF STEPHEN KING'S NOVEL «THE SHINING»)

The article is dedicated to identification and consideration of means of the verbal representation of the concepts of "FEAR" and "MADNESS" in horror fiction. The relevance of present work is due to high significance of the study of concepts in linguistics, and the popularity of the horror fiction genre among various segments of the population. The research is based on the novel "The Shining" written by Stephen King. The aim of the article is to study the peculiarities of the horror fiction and to analyze the means of verbal realization of its basic concepts. This aim is achieved by using such general scientific and special methods as the descriptive method, the continuous sampling method, the conceptual analysis method, and the method of statistical analysis. The article discusses the history of formation and the specifics of the horror fiction, and the theoretical foundations of the linguistic concept. The horror fiction is still popular today and is aimed at influencing the emotional state of the reader, namely, to arouse in him a feeling of fear. To achieve this goal the authors use various linguistic means of all levels of the language. The investigation of concepts in literary texts is still a relevant problem. Studying this phenomenon, scholars note its close connection with the experience and cultural life of not only a separate language personality, but also with an entire nation. The analysis made it possible to distinguish the frame structure of the concepts under consideration on the basis of horror fiction.

Key words: horror fiction, concept, fear; madness, structure of the concept, frame.

Жанр «ужасов» представляет собой сложную и многогранную систему, корни которой уходят в раннее средневековье и которая имеет большую значимость в культуре современности. Подобно любому полностью сформированному литературному жанру, «ужасы» обладают особенной структурой, свойственной только им. Необходимо также отметить специфику литературы данного жанра, которую можно проследить на всех уровнях языка: лексическом, грамматическом, а также семантическом.

Как жанр литература ужасов возникла довольно давно, еще в середине XIII века. Первыми произведениями, относящимися к данному жанру, считаются «готические» рыцарские романы и французские «трагические истории», написанные в XVI–XVII вв. В них освещается до того времени практически не находившая отражения в литературе тема одержимости дьяволом. Также в этой связи нельзя не упомянуть английские готические романы, романтические немецкие сказки и психологические новеллы Амброза Бирса и Эдгара Аллана По. Еще одним источником данного жанра литературоведы считают истории французских и английских писателей, в которых особое место занимают описания людей, страдающих от галлюцинаций, и так называемые «кошмары визионеров».

Характерной чертой ранней литературы ужасов является смешение юмора и сверхъестественного. Ярким примером служат «Рассказы антиквара о привидениях» Джеймса Родса. Среди американских читателей популярность к данному жанру пришла после опубликования произведений Г.Ф. Лавкрафта журналом «Weird Tales». Труды писателя впоследствии дали начало новому поджанру, так называемым «лавкрафтовским ужасам».

В XIX веке французские «ужасы» были представлены «жестокими рассказами», которые в противовес классическим произведениям данного жанра не имели мистического подтекста, но отличались подробными описаниями человеческих страданий и социального неравенства [1, с. 187].

И. Огнева в своем исследовании установила, что столкновение морального и аморального начал является основным конфликтом литературы жанра ужасов. Выразиться это столкновение может не только в виде антагонизма между героями, воплощающими в себе эти начала, но и внутри одной личности. Для данного жанра чрезвычайно важно на протяжении всего произведения сохранять у читателя напряженное ощущение, что все происходящее – реально. Ключевая роль в этом отводится атмосфере произведения. Ее создание и поддержание является самой главной и самой сложной задачей автора.

Акцент делается на стимуляцию работы воображения читателя, чтобы вызвать у него необходимые эмоции [2].

Слово «концепт», образованное от латинского «conceptus», означает «понятие». Некоторые исследователи считают концепт явлением того же порядка, что и понятие. Однако в современной науке это слово означает не простое, а некое обобщенное, усредненное понятие, соединяющее в себе совокупность всех представлений о том или ином предмете или явлении.

Несмотря на пристальное внимание, уделяемое изучению концепта, дать четкое и однозначное определение данному термину пока еще не удается в виду различных причин: одни ученые считают, что дело в неделимости структуры концепта и абстрактности его природы [3]; другие видят причину в том, что композиционная структура концептов неоднородна, а изучение характера «вызываемых» ими образов, принципов сочетаемости и комбинирования между собой представляет некоторые трудности [4].

По данным исследователей, каждый человек обладает индивидуальным культурным опытом и запасом знаний и навыков, которые определяют богатство значений слова и многообразие концептов этих значений, а в некоторых случаях и их бедность, однозначность. Концепт представляет собой сумму опыта языковой личности и лексического значения слова. Он тесно связан с ментальным миром человека, за счет чего концепт сближается с культурой и историей, поэтому его характер весьма специфичен. Концепты являют собой отражение духовной культуры и жизни народа в его коллективном сознании.

А. Вежбицка и ряд других исследователей связывают ментальный план с понятиями «смысловое пространство», «ментальное пространство», «понятие», «идея», «фрейм», «гештальт», «сценарий», «архетип», «стереотип», «прототип», «символ», «культурогема», «мифологема» и пр., делая вывод о том, что ментальный план находится в тесной связи со сферой человеческого сознания, мышления и психики [5, с. 237].

Ю.С. Степанов использует целый ряд терминов для обозначения перехода концепта в предметный план: «вербализация», «репрезентация», «овнешнение», «опредмечивание», «овеществление» и т.д. [6, с. 142].

Как отмечает Н.Ю. Филистова, «поворот лингвистики к целостному тексту как объекту исследования поставил ученых перед необходимостью исследования концептуального смысла текста. Концептуальная информация семантически выводится из всего текста, поэтому нацеленное на ее выявление исследование может заключаться в обнаружении и интерпретации базовых концептов того или иного литературного произведения» [7].

Концепт имеет определенную структуру, которая включает все понятия, ассоциации, входящие в его состав, а также все то, что делает его культурным фактом [6, с. 184]. М. Минский в своем исследовании дает составной части концепта название «фрейм» и определяет его как структурную единицу данных, участвующих в представлении стереотипной ситуации, с каждой из которых связана информация определенного вида об этой ситуации [8, с. 67].

Стивен Эдвин Кинг, также известный как «король ужасов» - американский писатель, автор многочисленных произведений в различных жанрах, включая ужасы, фантастику, триллер, фэнтези, драму, мистику. «The Shining» – один из известнейших романов Стивена Кинга, написанный в жанре готической литературы и психологического ужаса, впервые был опубликован в 1977 году. Данное произведение Кинга – третий по счету опубликованный роман автора и его первый бестселлер, изданный в твердой обложке.

В ходе анализа произведения было выявлено, что в его основе лежат два базовых концепта – «FEAR» (страх) и «MADNESS» (безумие).

Так как одной из особенностей литературы жанра ужасов является направленность на вызов страха у читателя, то концепт «FEAR» прослеживается в произведениях данного жанра наиболее четко. Перед началом анализа мы обратились к словарям «Cambridge Dictionary» и «Merriam-Webster Dictionary» и выявили следующие определения лексемы «fear»:

- a strong unpleasant emotion caused by feeling of imminent danger;
- an instance of this emotion;
- anxiety;
- a state marked by this emotion;
- reason for alarm [9];
- a disagreeable emotion or thought that you have when you are terrified or worried by something dangerous, painful, or something bad or unpleasant that is occurring or might occur [10].

Основываясь на словарных статьях и содержании романа, мы определили фреймовую структуру концепта «FEAR», которую схематически можно представить следующим образом:

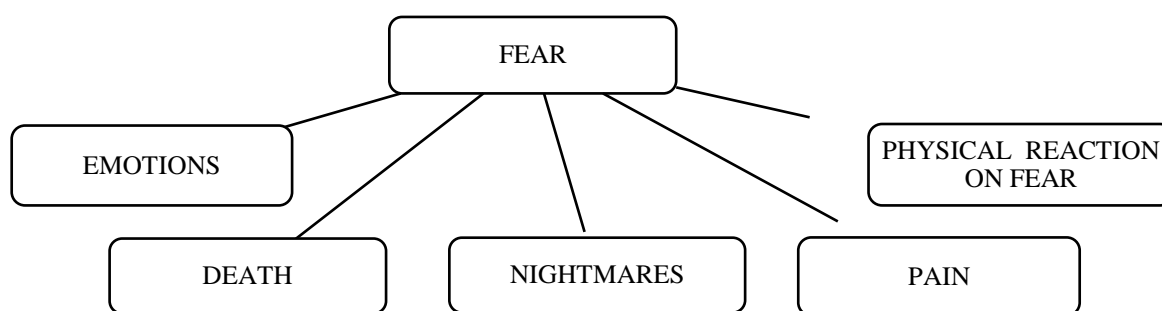

Схема 1. Структура концепта «FEAR»

Так как исследуемое нами произведение написано в жанре романа ужасов, особое место в нем занимают описания различных физических проявлений страха, которые мы относим к фрейму «PHYSICAL REACTION ON FEAR».

Описывая состояние мальчика, встретившегося с явлением, находящимся на границе реальности, автор отмечает внутренние изменения в его организме: «*His internal temperature plummeted to ten below zero*» («Внутри у Дэнни все заледенело») [11, с. 138].

Фрейм «PAIN» также играет немаловажную роль в вербализации концепта «FEAR» в литературе жанра ужасов. Для достижения необходимого уровня влияния на читателя авторы, создающие произведения в данном жанре, подробно и красочно описывают процесс причинения боли героям и их реакцию на нее.

В эпизоде нападения на жену героя автор подробно описывает то, какой силы боль при этом испытывает женщина: «*She was an excruciating throb of pain from one end to the other. Every time she inhaled, something stabbed viciously at her, and her neck was wet with blood from her grazed ear*» («Боль буквально распяла все ее тело, на котором, казалось, не осталось живого места. При каждом вдохе ей словно вонзали в бок что-то острое, а по шее струилась кровь из разорванного уха») [11, с. 283].

Фрейм «EMOTIONS» включает в себя эмоции и переживания человека, появляющиеся и развивающиеся по мере испытания героем чувства страха.

Спеша в отель (место, пользующееся дурной славой), чтобы спасти мальчика, бывший его работник за много миль до цели начинает чувствовать страх, переплетающийся с чувством одиночества: «*In the black again with no light but the thin spear of the snowmobile's headlamp, terror closed in on him again, a childlike fear, dismal and disheartening. He had never felt so alone*» («И в непроглядном мраке, нарушаемом только тонким лучом фары снегохода, на него снова навалился страх – почти детский ужас, безотчетный и безысходный. Никогда в жизни ему не было так одиноко») [11, с. 372].

Фрейм «DEATH» также очень важен для репрезентации концепта «FEAR» именно в таком литературном жанре, как роман ужасов. Автор воздействует на читателя, рассказывая об уже ранее случившихся смертях, а также детально описывает те, что случаются по ходу развития сюжета произведения.

Проходя собеседование насчет работы зимним смотрителем отеля, Джек Торранс узнает от директора, что человек, занимавший этот пост до него, жестоко расправился со всеми членами своей семьи и совершил самоубийство: «*He killed them, Mr. Torrance, and then committed suicide. He murdered the little girls with a hatchet, his wife with a shotgun, and himself the same way*» («Он их убил, мистер Торранс, а потом покончил с собой. Своих маленьких дочек он зарубил топором, жену застрелил из ружья и сам застрелился из него же») [11, с. 13].

В романе Стивена Кинга «The Shining» фрейм «NIGHTMARES» в основном представлен снами мальчика, нередко вещими, в которых его воображаемый друг в метафорической форме показывает ему страшные события будущего, картины того, как сложится его судьба и судьба его родителей.

«*The whistle the head of the mallet made cutting through the air (roque... stroke... roque... stroke... REDRUM) before it crashed into the wall. The soft whisper of feet on the jungle carpet. Danny awoke with the booming still loud in his ears...*» («Головка молотка со свистом разрезала воздух, (роке... удар... роке... удар... РОМ) прежде чем обрушиться на стену. Дэнни проснулся с отдававшимся в ушах гулким грохотом...») [11, с. 107].

Для выявления определения понятия «madness» мы обратились к словарям и выявили следующие значения данного слова:

- the quality or state of being mad;
- a state of severe mental illness;
- behavior or thinking that is very foolish or dangerous;
- towering anger;
- any of several ailments of animals marked by rabid behavior [10].

Схематически фреймовую структуру концепта «MADNESS», учитывая сюжет романа Стивена Кинга «The Shining» и дефиниции из словаря, можно представить следующим образом:

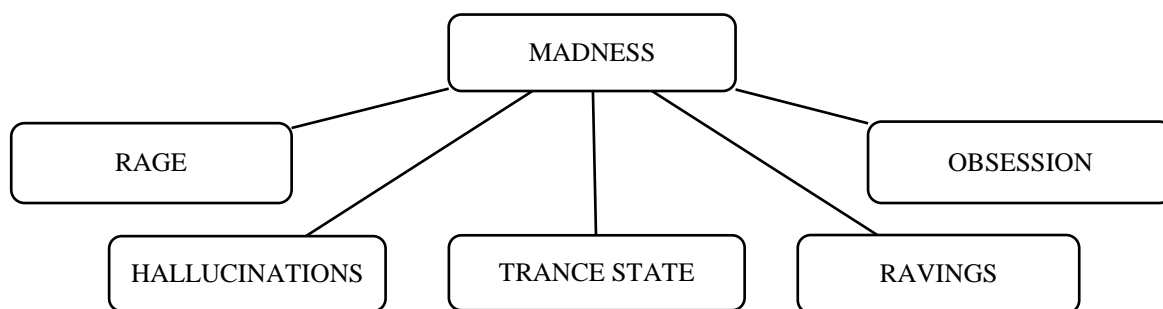

Схема 2. Структура концепта «MADNESS»

Фрейм «HALLUCINATIONS» включает в себя описания различных видов галлюцинаций. Толковый словарь Д.Н. Ушакова дает следующее определение лексемы «галлюцинация»: «кажущееся восприятие вещей, не существующих в природе, которое возникает вследствие расстройства деятельности мозга» [12, с. 307]. Галлюцинации классифицируются по органам чувств, их воспринимающих – слуховые, зрительные, обонятельные, вкусовые, тактильные. В рассматриваемом нами произведении были обнаружены описания по большей части зрительных галлюцинаций.

Одной из ярких иллюстраций этого фрейма в романе «The Shining» является «оживающая» живая изгородь, выполненная в виде фигур животных. Новый зимний смотритель отеля, Джек Торранс, подстригая эту изгородь, отвлекся и на несколько минут отошел на детскую площадку, а когда вернулся, заметил, что в конфигурации изгороди что-то изменилось, и каждый раз, когда он открывал глаза, животные приближались к нему все ближе, а их облик становился все ужаснее и ужаснее: «*Staring at the hedge animals, he realized something had changed while he had his hand over his eyes. The dog had moved closer. No longer crouching, it seemed to be in a running posture, haunches flexed, one front leg forward, the other back*» («Всматриваясь в животных, Джек понял, что изменения происходили даже в то краткое мгновение, когда он закрывал глаза рукой. Собака приблизилась к нему. И она уже не стояла на месте, а, казалось, бросилась бежать – мышцы напряглись, одна из передних лап взметнулась вверх») [11, с. 202].

Одним из проявлений безумия считаются приступы ярости, гнева, вспышки неконтролируемой агрессии. Все это является составляющими фрейма «RAGE», который выступает важным компонентом концепта «MADNESS». Стивен Кинг подробно описывает в своем романе причины, проявления и последствия агрессии героя.

Герой книги – писатель, ранее имевший проблемы с алкоголем, обладает вспыльчивым характером. Его часто мучают воспоминания о том, как однажды, будучи в нетрезвом состоянии, он писал книгу, отвлекся и вышел из комнаты, а когда вернулся, то увидел, что его трехлетний сын случайно пролил оставленное им на столе пиво на рукописи, и тогда он потерял контроль над собой: «*He stepped deliberately toward his three-year-old son, who was looking up at him with that pleased grin, his pleasure at the job of work so successfully and recently completed in Daddy's study; Danny began to say something and that was when he had grabbed Danny's hand and bent it to make him drop the typewriter eraser and the mechanical pencil he was clenching in it. Danny had cried out a little... no... no... tell the truth... he screamed*» («Он решительно шагнул к своему трехлетнему тогда сыну, смотревшему на него снизу вверх с широкой улыбкой, явно получившему удовольствие от успешно проделанной в отцовском кабинете «работы». Дэнни пытался что-то ему сказать, но именно в тот момент он схватил его за руку и выгнул ее, чтобы заставить выронить «штрих» для пишущей машинки и автоматический карандаш, которые сын все еще сжимал в кулачке. Дэнни чуть слышно вскрикнул... Нет... Нет... Говори правду. Он громко закричал») [11, с. 16].

Фрейм «TRANCE STATE» включает в себя описание состояния человека, находящегося в трансе, и того, что происходит вокруг него в этот момент, в том числе реакции других героев.

Когда к пятилетнему Дэнни, обладающему сверхъестественными возможностями, приходят видения, он впадает в состояние транса, что каждый раз пугает его родителей: «*He was staring, trancelike, into the mirror on the front of the medicine cabinet above the washbasin. The expression on his face was one of drugged horror*» («При этом он, словно в трансе, не сводил глаз с зеркальной дверцы шкафчика над раковиной, где хранились

туалетные принадлежности и лекарства. На его лице запечатлелось выражение немого ужаса») [11, с. 103].

К фрейму «OBSESSION» относятся описания навязчивых мыслей и состояний, которые полностью овладевают состоянием человека и от которых довольно трудно избавиться.

В голове у Джека часто непроизвольно проносится одна и та же фраза - о том, что он потерял самоконтроль: *«Lost your temper. The iron radiated a stuporous heat at them, and for some reason Jack thought of a large, dozing cat. Watson jingled his keys and whistled... Lost your... You lost your temper...»* («Потерял контроль над собой. Металл дышал одуряющим жаром, и почему-то Джеку это зрелище напомнило огромную спящую кошку. Уотсон звенел ключами и насвистывал. Потерял контроль...») [11, с. 15].

Фрейм «RAVINGS» представлен речью и описанием действий героев, находящихся в состоянии помутненного рассудка. В психологии термин «бред» означает «болезненное состояние психики человека, характеризующееся галлюцинациями, рассуждениями и выводами, представлениями, захватывающими сознание больного, отражающих действительность в искаженном виде» [13, с. 653].

Лишившись рассудка, блуждая по отелю с целью убить членов своей семьи, Джек встретил в коридоре своего сына и начал с криком упрекать его в том, что Дэнни и его мать всегда были против него, врали ему и не любили его, что Дэнни сжульничал на экзамене (хотя ему только пять лет и никаких экзаменов он не сдавал) и что кто-то обещал ему показать все остальные записи из истории отеля: *«You lied about me! You connived with her! You plotted against me! And you cheated! You copied that final exam!»* *The eyes glared out at him from beneath the furred brows. There was an expression of lunatic cunning in them* («Ты лгал мне! Вы с ней сговорились против меня! Строили козни. И ты смошенничал! Ты списал на выпускном экзамене!» Глаза под сдвинутыми бровями горели сумасшедшим огнем. В них читалось лукавое безумие») [11, с. 462].

Таким образом, при анализе средств вербальной реализации концепта «FEAR» было выявлено, что наиболее часто в произведении в его вербализации представлен фрейм «PHYSICAL REACTION ON FEAR», реже всех встречались средства репрезентации фрейма «NIGHTMARES». Это объясняется основной задачей литературного произведения в жанре ужасов, которая заключается в порождении чувства страха у читателя.

При детальном рассмотрении концепта «MADNESS», было обнаружено, что чаще всего в произведении он вербально реализуется через фрейм «HALLUCINATIONS», так как галлюцинации считаются одним из наиболее серьезных симптомов, указывающих на наличие у человека некоторых проблем с психическим здоровьем. Фрейм «RAVINGS» участвует в его реализации с наименьшей частотой.

Подводя итоги, необходимо отметить, что фреймы, входящие в состав концепта, вербализуются в произведениях не в равной мере, а с разной частотностью, тем самым развивая сюжет и делая произведение более захватывающим, разносторонним и интересным, а также помогая автору, работающему в жанре ужасов, достичь основной цели данного жанра – вызвать чувство страха у читателя, а также сохранить напряжение до последней страницы.

Библиографический список

1. Хапаева Д. Кошмар: литература и жизнь. М: Текст, 2010. 286 с.
2. Огнева И. Что такое хоррор? URL: <http://shkolazhizni.ru/culture/articles/42519/> (дата обращения: 22.02.2019).

3. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998. №1. С. 53-70.
4. Приходько А.Н. Новое в когнитивной лингвистике: Мат-лы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (29-31 августа 2006 г.). Кемерово: КемГУ, 2006. Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 8. С. 114-125.
5. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
6. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
7. Филистова Н.Ю. Концептуально-структурное пространство детективного нарратива (на материале текстов английских и русских рассказов) // Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты: материалы Международной научной конференции. Тюмень, 2009. С. 112-114.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
9. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения - 20.02.2019).
10. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 20.02.2019).
11. King S. The Shining. Hodder, Stoughton, 2011. 498 с.
12. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-принт, 2009. 1239 с.
13. Немов Р.С. Общие основы психологии. М.: ВЛАДОС, 1997. 688 с.

References

1. Khapaeva D. Nightmare: literature and life. Moscow, 2010. 286 p.
2. Ogneva I. What is horror? URL: <http://shkolazhizni.ru/culture/articles/42519/> (date: 22.02.2019).
3. Krasnykh V.V. From concept to text and back // The Moscow University Herald. Series 9. Philology. 1998. №1. Pp. 53-70.
4. Prikhodko A.N. New in cognitive linguistics: Materials of the 1st International Scientific Conference 'Changing Russia: new paradigms and new solutions in linguistics' (August 29-31, 2006). Kemerovo: KemSU, 2006. Series «Conceptual Studies». Iss. 8. Pp. 114-125.
5. Wezbitska A. Language. Culture. Cognition Moscow, 1997. 416 p.
6. Stepanov Y.S. Concepts. Thin film of civilization. Moscow, 2007. 248 p.
7. Filistova N.Y. Conceptual and structural space of the detective narrative (on the basis of English and Russian stories) // Natural and virtual discourse: cognitive, categorical and semiolinguistic aspects: proceedings of the International scientific conference. Tyumen, 2009. Pp. 112-114.
8. Minsky M. Frameworks for representing of knowledge. Moscow, 1979. 152 p.
9. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (date of application - 20.02.2019).
10. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (date of application - 20.02.2019).
11. King S. The Shining. Hodder, Stoughton, 2011. 498 p.
12. Ushakov D.N. Great explanatory dictionary of modern Russian language. Moscow, 2009. 1239 p.
13. Nemov R.S. General principles of psychology. Moscow, 1997. 688 p.

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Воронежский государственный
технический университет
студентка 4 курса
направления «Журналистика»
Пузанова А.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(930)403-90-91
e-mail: puzanova.aleona2016@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The 4th-year student
of the journalism faculty
Puzanova A.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(930)403-90-91
e-mail: puzanova.aleona2016@yandex.ru*

Т.А. Воронова, А.А. Пузанова

**РАЙОННАЯ ГАЗЕТА «КАНТЕМИРОВСКИЙ ВЕСТНИК»:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Данная статья представляет собой обзорное исследование, посвященное такому аспекту журналистики, как развитие районной печатной периодики в советский и постсоветский период. Актуальность представленной статьи не вызывает сомнений, так как научных публикаций, касающихся именно районной прессы, в настоящее время издается крайне мало. Материалом для данного исследования послужила издаваемая в Кантемировском районе Воронежской области газета «Кантемировский вестник», возраст которой насчитывает почти 90 лет. Авторами исследования достаточно подробно рассматривается путь развития данной районной газеты, четырежды сменившей название на протяжении своего существования. Возникновение и формирование районной периодики тесно связано со становлением советского государства, равно как и советской идеологии, поэтому в тематике публикаций «Кантемировского вестника» нередко отражаются особенности того или иного периода советской истории (сюда входят эпоха первых пятилеток, годы Великой Отечественной войны, период 1960-1970-х годов, а также время перестройки и первого постсоветского десятилетия). Районная пресса одновременно являлась «рупором» органов власти (в частности, на страницах районной периодики публиковались основные постановления советского правительства) и стремилась отвечать требованиям и запросам местного населения, стать понятной рядовым читателям и даже сделать их своими соавторами. По мнению авторов, именно последним объясняется жизнеспособность районного издания в современную цифровую эпоху.

Ключевые слова: районная пресса, районная газета, Кантемировский район, советские газеты, советское правительство, сельское хозяйство, экономика, рубрика.

T.A. Voronova, A.A. Puzanova

LOCAL NEWSPAPER «KANTEMIROVKA HERALD»: HISTORICAL ASPECT

The present article is written in the form of a review devoted to such an aspect of journalism as the development of local press in Soviet and post-Soviet periods. The relevance of the article is beyond doubts because nowadays we have very few scientific researches on this very subject. The given research considers the local newspaper 'Kantemirovka Herald' published in Kantemirovka district, Voronezh region, and aged nearly 90. The authors describe in details the historical development of the newspaper, which has already changed its name for four times. The establishment and development of local press is deeply connected with the establishment of the Soviet Union and its ideology what is reflected by the journalists working for 'Kantemirovka Herald' in different historical periods (including the period of the first five-year plans, the Great Patriotic war, the period of 1960-1970s, the perestroika and the first post-Soviet decade). 'Kantemirovka Herald' was a real 'herald' of the government (e.g., the chief documents of the Soviet government were published on its pages) but at the same time tried to meet the needs and interests of the local population, to be understandable to ordinary readers and even to make them co-authors. It can be supposed that it was the last factor that helps the local newspaper to 'survive' in the time of digital technologies.

Key words: local press, local newspaper, Kantemirovka district, Soviet newspapers, Soviet government, agriculture, economy, rubric.

Районная общественно-политическая газета «Кантемировский вестник» выходит с 7 ноября 1930 года и в настоящее время является особым типом периодического издания с богатой историей и традициями. В 2020 году районной газете исполнится 90 лет.

За время своего существования газета «Кантемировский вестник» сменила несколько названий, что связано с историческим прошлым Кантемировского района Воронежской области. Изменения претерпевали тематические полосы, язык публикаций и дизайн, но неизменным остается одно: в своих публикациях она «рассказывает» о людях, злободневных проблемах, и о каждом прожитом районом дне.

Первым редактором районной газеты был Д.И. Агарков. В последующие годы редакцией руководили: И.И. Нигровский, Д.Ф. Растроса, И.И. Субботин, Г.Г. Разумный, М.М. Голиков, И.И. Киросиров, Л.В. Выборнов, А.Т. Богодухов, Д.И. Батищев. В настоящее время газета Кантемировского района носит следующее название: Кантемировский филиал АУ ВО «РИА Воронеж» - районная газета Кантемировский вестник, и её директором и главным редактором является В.Н. Милешенко.

На страницах районной газеты «Кантемировский вестник» оставили яркий след многие талантливые журналисты: звание «Отличник советской печати» был удостоен самый активный автор газеты А. Головахин. Авторами публикаций нередко становились личности, которые внесли огромный и неоценимый вклад в историю Кантемировского района. Например, командир гвардейского Кантемировского танкового корпуса, впоследствии маршал бронетанковых войск П.П. Полубояров, прославленный Герой Советского Союза генерал А.Е. Голубов, А.Н. Ефимов - дважды Герой Советского Союза, лётчик-штурмовик. Газета «Кантемировский вестник» публиковала восторженные отзывы о Кантемировском районе молодёжного кубинского лидера Ренальдо и философскую лирику русского поэта Алексея Прасолова. Также особым профессионализмом отличались корреспонденты, заслужившие звание ветеранов Великой Отечественной войны: А.Т. Богодухов, Г.С. Тоцкий, А.В. Гужва, Е.В. Соколенко, Л.А. Шаповалов, Е.П. Челомбицкий, Д.И. Батищев и др.

О рождении первого номера районной газеты «Кантемировский вестник» известно из воспоминаний очевидца. Первый редактор газеты Д.И. Агарков рассказывал о том, что на создание первого номера было потрачено много сил и энергии: процесс затруднялся из-за нехватки кадров, неопытности журналистов и недостатки полиграфи-

ческой базы. Но первый номер вышел в свет 7 ноября 1930 года, в 13-ю годовщину Октября.

Известно, что районная газета «Кантемировский вестник» возникла спустя два года после образования Кантемировского района как административно-территориальной единицы.

Первый номер «Кантемировского вестника» был выпущен под названием «Прапор комуни». Изначально районная газета издавалась на украинском языке (что объясняется географическим расположением Кантемировского района и значительным числом украиноязычного населения, проживающего на его территории). Материалы первого номера издания были утрачены, и редакции удалось сохранить фотокопию лишь второго номера газеты от 28 ноября 1930 года. Газета начала выходить под известным коммунистическим лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Стоит отметить, что получивший широкое распространение лозунг о солидарности пролетариата использовался в качестве девиза множеством изданий, что «роднило» кантемировскую газету с периодикой других регионов страны. Приведем пример из публикации Виктора Трушкова «Газета «Правда». Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в которой упоминается следующее: *«В сентябрьском выпуске «Рабочего фронта» наш читатель из Костромской области Павел Бедов поставил серьёзный вопрос: «Раскрывая свежий номер «Правды», каждый раз замечаешь на самом видном месте - над названием газеты - призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»»*[1].

Печать черно-белых номеров районной газеты начали в Россоши, так как собственной типографии в Кантемировском районе не было. В первые годы своего существования кантемировскому периодическому изданию было важно «зарекомендовать себя», то есть наладить тесную связь с читателем, завоевать доверие и интерес районного населения. Журналисты много времени проводили с жителями района, наблюдая за процессами производства, постоянно находились рядом с тружениками полей и ферм. В 1930-е годы в газете нередко публиковались материалы внештатных авторов, которые писали о том, что дорого для местных жителей, что их волнует и заслуживает всеобщего внимания. Для жителя района была большой честью попасть на страницу районной газеты, и, если человек получал такое почётное право, он заслуживал всеобщее уважение и известность. Таким образом, районная газета продолжила развиваться и очень быстро стала незаменимым «другом» практически в каждой семье Кантемировского района.

Один из сохранившийся экземпляров газеты (выпуск № 28 от 1 марта 1940 года) свидетельствует о следующем: «районка» продолжает издаваться на украинском языке, материал первой полосы оформлен, как и ранее, в виде четырех колонок, ниже названия газеты дается несколько заголовков крупным шрифтом. Газета продолжила выходить под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», расположенным также над названием газеты и продолжавшим сохранять политическую направленность. Интересен тот факт, что данный девиз газета «Правда» использует на первой полосе и в настоящее время, так же, как и в советский период - в то время как газета «Кантемировский вестник» отказалась от этого лозунга после распада Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны газета Кантемировского района «Прапор комуни» просуществовала до оккупации 10 июля 1942 года.

«В этот день немецко-фашистские войска оккупировали Кантемировку, которая стала важнейшей базой снабжения немецко-итальянских войск. За шесть месяцев оккупации экономика Кантемировского района сильно пострадала – остановилось существующее производство, сельхозпредприятия; важнейшие общественно – административные здания района и склады были заняты немцами в боевых целях. Как следствие, во время захвата немцами территории Кантемировки, деятельность районной газеты

была расформирована, как и все структурные органы Кантемировки» [2]. Таким образом, деятельность газеты была приостановлена.

9 мая 1945 года выходит в свет 30-й выпуск газеты «Знамя коммуны». В данный период издание является одновременно газетой Кантемировского райкома ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся Воронежской области. Стоит отметить, что за первые 16 лет своего существования (до 9 мая 1945 года) газета Кантемировского района выпустила 1821 номер.

В день победы советского государства над немецко-фашистскими захватчиками «Знамя коммуны» сообщает на первой полосе: «Слава героической Красной Армии, одержавшей полную победу над гитлеровской Германией!» и размещает публикацию «Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Акт о военной капитуляции» [3].

Послевоенная Кантемировка и район в целом быстрыми темпами отстраивались практически заново. Продолжила развиваться в мирное время и газета «Знамя коммуны».

С 1954 по 1957 годы территория Кантемировского района была частью Каменской области (впоследствии упраздненной). С 11 ноября 1957 года Кантемировский район вновь вошел состав Воронежской области. В это же время, а именно в 1958 году, районная газета меняет название и продолжает издаваться уже как «Знамя коммунизма».

Ссылаясь на Интернет-публикацию о названии советских газет, можно справедливо утверждать, что городские и районные газеты в советский период (в отличие от сегодняшней ситуации, обусловленной современным законодательством) вполне могли носить одинаковые названия, отражавшие идеологическое устройство советского государства. Приведем пример: название «Знамя коммунизма» носила как газета Кантемировского района, так и с 1961 по 1991 годы газета Молчановского района Томской области [4].

Свою историю знакомства с районной газетой «Кантемировский вестник» будучи под названием «Знамя коммуны» рассказал председатель Общественной палаты Кантемировского муниципального района П.П. Качалкин: «Я помню газету, когда мои родители получали зарплату не в финансовом выражении. Сдавали молоко, чтобы подписаться на районку. Я вырос в большой семье, нас было 11 детей. И все равно в нашей семье газета была. В 1958 году она стала самой родной. В майском номере опубликовали статью в полный разворот «Трудовая семья Прохора Николаевича Качалкина». На странице напечатали фотографии каждого ребенка, отца и матери. С тех пор прошло много лет, но мы не перестаем читать газету и радоваться» [5].

В 1968 году правительством было выпущено постановление «О повышении роли районных газет в коммунистическом воспитании трудящихся». Таким образом, кантемировская районная газета существовала в рамках данного постановления. Практически все публикации (безоговорочно на первых полосах газеты) были направлены на воспитание трудящихся в духе высокой идейности, коммунистического отношения к труду и всестороннего, гармоничного развития личности. Материалы о подготовке к урожайному сезону и непосредственно об уборке урожая журналисты «районки» писали в духе отзывчивости и поддержки населения в его «трудовых силах». Об этом свидетельствует подшивка выпусков газеты за 1969 год, выходившей под несколько изменённым названием «Знамя коммунизма», но продолжавшей оставаться органом Кантемировского райкома КПСС и районного совета депутатов трудящихся Воронежской области.

Главным тематическим направлением газеты в послевоенное время остается экономическая и политическая сфера Кантемировского района в частности и советского государства в целом. Газета «Знамя коммуны» была ориентирована на промышленных работников всех уровней - простых рабочих и директоров заводов, сельхозпредприятий, так как затрагивала все уровни хозяйственно-экономической сферы района. Так, главный агроном районного управления сельского хозяйства А. Бойко в публикации «Весеннему севу – высокую агротехнику» (выпуск № 46 от 17 апреля 1969 года) дает рекомендации следующего характера: как работникам сельскохозяйственной сферы подготовиться к весеннему посеву агрокультур, каким образом правильно осуществлять эту деятельность и за какие действия можно понести наказание [7].

На страницах районной газеты в советскую эпоху регулярно публиковались принятые уполномоченными органами постановления и другие законодательные акты, касающиеся сельскохозяйственной деятельности и обязательные для исполнения работниками агропромышленной сферы. К примеру, в выпуске от 2 августа 1990 года было опубликовано постановление Совета министров РСФСР «О неотложных мерах по увеличению закупок сельскохозяйственной продукции урожая 1990 года и обеспечению её сохранности», включающее ряд пунктов, которые необходимо соблюдать в целях расширения самостоятельности совхозов и колхозов при реализации урожая.

Публикации на тему сельского хозяйства оставались преобладающими для районной газеты на протяжении всех десятилетий ее существования, так как данная сфера занимала и занимает важнейшее место в жизни района. Газета публиковала материалы об успешной хозяйственной деятельности – эффективной работе агротехнических служб, руководителей сельскохозяйственных предприятий, работников животноводческой отрасли, простых тружеников села. Изобилуют цифрами публикации, в которых представители хозяйственно-производственной сферы отчитывались в том, как идут полевые работы, на каком этапе находится заготовка или производство той или иной продукции, сообщали о выполнении сдачи мяса и молока.

Изучая номера газеты 1960-1970-х годов, можно выделить из ряда других несколько публикаций. Так, в выпуске № 14 от 1 февраля 1969 года на первой полосе была размещена статья «В поход за большое молоко», посвященная масштабным задачам, возлагавшимся на советский народ государственной властью, а именно пятилетним планам, предполагавшим быстрое развитие экономики Советского Союза. В данной публикации говорится об обращении волоконовских животноводов ко всем работникам молочнотоварных ферм: «Что называется, рукой подать до пятилетки дружному коллективу молочнотоварной фермы, которую возглавляет коммунист Григорий Иванович Алексенко. Всего несколько месяцев понадобится ему, чтобы заявить, что пятилетка по молоку завершена, что в копилку Ильича доставлены последние 4880 центнеров ценной продукции, что он начинает работать по программе 1971 года. В феврале текущего года будет закрыт пятилетний план по мясу» [8]. Подобные публикации неоднократно появлялись на страницах газеты в 1969-1970 годах.

Пятилетние планы развития народного хозяйства охватывали все регионы страны без исключения. Как следствие, в каждой районной газете освещалось данное направление экономики. В районной газете «Знамя коммунизма» широко пропагандировались не только общие цели пятилетки, но и конкретные задачи года, а также не оставались без внимания успехи трудовых коллективов Кантемировского района. Так, газета «Знамя коммунизма» публиковала многочисленные оперативные заметки, телеграммы и письма, которые объединялись в рубрики: «Пятилетку – досрочно!», «Твой вклад в пятилетку, животновод», «Твои герои, пятилетка», «Вахта пятилетки».

Эпизодические рубрики районной газеты были напрямую связаны с ходом развития внешней и внутренней политики СССР и поэтому существовали на протяжении оп-

ределённого времени. Среди материалов, характеризующих газету как проводника официальной политики местной и государственной власти, следует выделить: зачитываемые на партийных собраниях доклады; общие указания и постановления руководства, касающиеся социально-экономических и политических преобразований жизни района; информация об официальных мероприятиях, проводимых властными структурами и трудовыми коллективами и подкреплённых соответствующими документами. В качестве примеров подобных официальных публикаций того периода назовем следующие: «Об утверждении районной избирательной комиссии по выборам в Кантемировский районный Совет депутатов трудящихся», «За честь коллектива в ответе каждый» (А. Чубов, руководитель парткома колхоза «Рассвет»), «Одобрям и поддерживаем» (обращение, принятое на районном совещании передовиков автотранспорта в феврале 1969 года), «Областное собрание партийного актива».

Районная газета 1987 года имела такие постоянные тематические страницы, как «Юность», «Селькор», «Субботний спутник читателя». Названия рубрик продолжают отражать веяния советской эпохи: «Животноводство – ударный фронт», «70-летию Октября – достойную встречу!», «Знакомим с правофланговыми», «Обязательства приняты. Как они выполнены?», «Хорошие люди – земли украшень».

С 1990-х годов газета Кантемировского района претерпела как содержательные, так и технологические изменения. В этот период районные газеты уже переходят на цифровую печать, модернизруется компьютерная верстка.

До 1990 года с языка сотрудников редакции не сходили такие термины, как «логотип», «касса-реал», «цицера», «боргес» и «петит». Сотрудник газеты, изготавливавший на агрегате ЭГА металлические клише, имел шутовское прозвище «эгоист». Впоследствии вышеописанные термины исчезли - набор и верстка газетных страниц начали осуществляться по новейшей электронной технологии, и полиграфическое оформление стало более усовершенствованным. Появились и новые профессиональные термины, связанные с компьютерной техникой и незнакомые журналистам не только 1930-х, но и 1980-х годов.

В 1990 году газета Кантемировского района, следуя социально-политическим изменениям в стране, стала выпускаться под названием «Сельский вестник, а с 1 января 1997 года вновь сменила наименование на «Кантемировский вестник», под которым выходит и в настоящее время.

Таким образом, районная газета Кантемировского района Воронежской области на протяжении своей почти столетней истории ориентировалась не только на текущую политическую ситуацию в стране, но и на запросы и интересы местного населения, стремилась быть понятной и доступной своему рядовому читателю.

Библиографический список

1. Трушков В. Газета «Правда». Пролетарии всех стран, соединяйтесь! // Сайт коммунистической партии Российской Федерации. Санкт-Петербургское городское отделение. URL: <http://www.cprfspb.ru/12194.html> (дата обращения - 20.02.2019).
2. История Кантемировского района. Официальный сайт администрации Кантемировского муниципального района Воронежской области. URL: <http://www.adminknt.ru/rajon/istoriya.html> (дата обращения - 19.02.2019).
3. Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Акт о военной капитуляции // Знамя коммуны. № 30 от 9 мая 1941 года.
4. Названия советских газет. URL: <https://masterok.livejournal.com/910410.html> (дата обращения - 20.02.2019).

5. Районная газета «Канетмировский вестник» получила грант губернатора на сумму 100 тысяч рублей // Сайт администрации Кантемировского муниципального района Воронежской области. URL: <http://adminknt.ru/rajon/novosti/1102-rajonnaya-gazeta-kantemirovskij-vestnik-poluchila-grant-gubernatora-na-summu-100-tysyach-rublej.html> (дата обращения - 19.02.2019).

6. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917-2000): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002 [электронный ресурс]. URL: <https://evartist.narod.ru/text8/01.htm> (дата обращения - 20.02.2019).

7. Бойко А. Весеннему севу – высокую агротехнику // Знамя коммунизма. № 46 от 17 апреля 1969 года.

8. В поход за большое молоко // Знамя коммунизма. №14 от 1 февраля 1969 года.

References

1. Trushkov V. The newspaper 'Pravda' ('The Truth'). Proletarians of all countries, unite! // The official site of the Communist party of Russian Federation. St.-Petersburg department. URL: <http://www.cprfspb.ru/12194.html> (date of application - 20.02.2019).

2. The history of Kantemirovka district. The official site of Kantemirovka district administration (Voronezh region). URL: <http://www.adminknt.ru/rajon/istoriya.html> (date of application - 19.02.2019).

3. The signing of the act of the unconditional surrender of German armed forces. The act of military surrender // Flag of Commune. Iss. 30, 9th May, 1945.

4. The names of Soviet newspapers. URL: <https://masterok.livejournal.com/910410.html> (date of application - 20.02.2019).

5. The local newspaper 'Kantemirovka Herald' gets the grant from the region government at the sum of 100,000 roubles // The official site of Kantemirovka district administration (Voronezh region). URL: <http://adminknt.ru/rajon/novosti/1102-rajonnaya-gazeta-kantemirovskij-vestnik-poluchila-grant-gubernatora-na-summu-100-tysyach-rublej.html> (date of application - 19.02.2019).

6. Kuznetsov I.V. The history of Russian journalism (1917-2000): a coursebook. Moscow, 2002 [electronic resource]. URL: <https://evartist.narod.ru/text8/01.htm> (date of application - 20.02.2019).

7. Boiko A. The best agricultural technologies for spring sowing // Flag of Communism. Iss. 46, 17th April, 1969.

8. The conquest of the great milk // Flag of Communism. Iss. 14, 1st February, 1969.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 811.112.2'38'42:316.77:СМИ:908(477.61 – ЛНР)

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
магистрант I курса
Остапенко Ю.О.
ЛНР, г. Луганск, тел. +380666516926
e-mail: juliett_ost@mail.ru,*

*Luhansk National University
named after Taras Shevchenko
The 1st-year master student
Ostapenko J.O.
Luhansk People's Republic,
Luhansk, +380666516926
e-mail: juliett_ost@mail.ru
Luhansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic and Germanic
philology
Lecturer Stasevich J. J.
Luhansk People's Republic, Luhansk,
tel. +380660316667
e-mail: yuliya.stasevich139@gmail.ru*

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
Стасевич Ю.Ю.
ЛНР, г. Луганск, тел. +380660316667
e-mail: yuliya.stasevich139@gmail.ru*

Ю.О. Остапенко, Ю.Ю. Стасевич

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБРАЗА ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В НЕМЕЦКИХ СМИ

В статье производится исследование образа Луганской Народной Республики в немецких СМИ и анализ его лингвистической экспликации в лексико-прагматическом аспекте. Опираясь на главный принцип построения медийного текста – наличие в нём прагматической направленности – и используя методы семантического и контекстуального анализа, автор выделяет в медиаобразе Луганской Народной Республики лексико-семантические поля и исследует языковые средства их экспликации: оценочную лексику, неологизмы, метафоры и эпитеты. В процессе исследования выделяется основная черта образа Луганской Народной Республики в немецких СМИ – негативизм. Теоретическая значимость статьи заключается в дальнейшем исследовании медиаобраза Луганской Народной Республики в немецких СМИ с учётом его динамики. Практическое применение результаты исследования могут найти в процессе подготовке курсов по лексикологии и стилистике немецкого языка.

Ключевые слова: Луганская Народная Республика, медиаобраз, медиатекст, лингвистическая экспликация, лексическое поле.

J.O. Ostapenko, J.J. Stasevich

LINGUISTIC EXPLICATION OF THE IMAGE OF LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC IN TEXTS OF GERMAN MASS MEDIA

The article deals with the image of Luhansk People's Republic in the texts of German mass media and analysis of its linguistic explication in terms of lexical pragmatics. Basing on the main principle of me-

dia text structure, its pragmatic focus, and using the methods of semantic and contextual analysis, the author defines lexical-semantic fields in the media image of Luhansk People's Republic and studies the means of their linguistic explication: evaluative language, neologisms, metaphors and epithets. During the study the author considers negativism to be the main feature of Luhansk People's Republic image in the texts of German mass media. Theoretical importance of the article lies in the further study of the media image of Luhansk People's Republic in the texts of German mass media considering its dynamic. Practical importance of the study may be found by using the study materials for lexicology and stylistics courses.

Key words: Luhansk People's Republic, media image, media text, linguistic explication, lexical field.

В последнее десятилетие исследование медиареальности становится всё более привлекательным для учёных-лингвистов, так как данная реальность, выступая как культурный феномен, концентрирует в себе актуальные тенденции развития общества. Как следствие, образы, возникающие в медийном пространстве, позволяют под тем или иным углом взглянуть на текущие процессы в обществе. Исследование национальных СМИ в данной связи помогает определить, каким образом тот или иной фрагмент медийной картины мира представляется на национальном уровне, на каких его особенностях особо заостряется внимание, и какую реакцию читателя предполагают СМИ.

Целью данной статьи явилось исследование вербальных средств создания образа Луганской Народной Республики в немецких СМИ. При исследовании мы опирались на основной принцип построения медиатекста – наличие в нём чёткой прагматической направленности. По мнению И.В. Рогозиной, медиатекст – это модель ситуации или события, которая формируется через призму индивидуального восприятия автора; это особенный тип реальности – медиареальность, которая является продуктом информационной деятельности человека и характеризуется особенным символическим пространством – медиапространством, и особенным временем – медиавременем, вместе с особенной ценностной системой ориентиров и координат [1]. С. Гайда подчёркивает, что медиатекст функционирует в тесном соотношении с широким и узким контекстом (политическим, культурным, историческим и т.д.), который предопределяет его структуру, содержание и восприятие его читателем. Как следствие, формирование контекстуально-оценочной коннотации автором сообщения приводит к появлению в тексте вторичной (имплицитной, подтекстовой) информации, его второго измерения. «Значение медийного сообщения – это игра явных и скрытых интенций отправителя, дословного и подтекстового смыслов высказывания и интерпретации получателя (не всегда совпадающей с намерением автора)» [Цит. по: 2]. Н.Е. Петрова и Л.В. Рацибурская в свою очередь указывают на взаимосвязь лексического и прагматического аспектов медиатекстов и рассматривают лексические средства передачи вербальной агрессии в СМИ. Проблему вербальной агрессии исследователи обозначают как чрезвычайно актуальную, так как, ввиду распространённости медиатекстов, именно они формируют языковые эталоны у большинства населения. Речевая агрессия, в свою очередь, препятствует реализации основных задач эффективного речевого взаимодействия, деструктивно воздействует на сознание участников общения, затрудняет полноценный обмен информацией, существенно снижает возможность взаимопонимания коммуникантов, а также блокирует выработку общей стратегии взаимодействия [3, с. 22].

Исследование текстов немецкоязычных СМИ осуществлялось в лексическом и прагматическом аспектах на основе лексико-семантического и контекстуального анализов языкового материала. Материалом для исследования послужили немецкие медиатексты, прямо или косвенно затрагивающие политическую и социальную

жизнь Луганской Народной Республики. Данные медиатексты, представленные на сайтах авторитетных немецких газет и журналов («Welt», «Süddeutsche Zeitung», «FAZ», «Spiegel» и др.) в период с 2016 по 2018 года, отбирались методом сплошной выборки.

При исследовании мы в первую очередь проанализировали название государства – Луганской Народной Республики. В немецкоязычной прессе Луганская и Донецкая Народная Республики часто упоминаются вместе, поэтому варианты их языковой экспликации коррелируют друг с другом. Прежде всего, упоминается официальное название республики (*Volksrepublik Luhansk, die Luhansker Volksrepublik*), кроме этого наблюдается аббревиатизация как русскоязычного, так и немецкоязычного наименования (*LNR, LVR, LVR-Präsident*). На частотность употребления этих названий указывает заголовок статьи-ответа редакции газеты «Süddeutsche Zeitung», посвящённой спорным вопросам правописания, – *Luhansk oder Lugansk*.

В целом же упоминание Луганской Народной Республики в немецкоязычных СМИ в контексте общей информации о государстве опирается на несколько лексических полей: «нелегитимность», «сепаратизм», «государственность», «повстанческий характер», «зависимость от России», «соседство с ДНР».

Тематическое поле: «нелегитимность»

Для подчёркивания нелегитимности существования государства немецкие журналисты наиболее эффективно используют приём закавычивания, т. е. использование кавычек в статьях, посвящённых событиям на Донбассе и в Луганской Народной Республике несёт не только эмблематическое значение, но и приобретает дополнительные содержательные функции. Как следствие, происходит расширение семантического значения слова, и, в данном случае, журналисты придают оттенок сомнения в легитимности государства:

In der „Volksrepublik Luhansk“ hat Russland seine Macht konsolidiert und einen Getreuen als „Staatsoberhaupt“ installiert (Россия консолидировала свою власть в «Луганской Народной Республике» и назначила «главой государства» одного из приближённых) [4].

Кроме этого, в кавычки берутся и правительственные должности, например, *„Innenminister“*.

Далее, наряду с закавычиванием, для подчёркивания статуса республики в прессе характерно использование эпитетов, как конкретизирующих, так и эмоционально-оценочных:

Der "Präsident" der international nicht anerkannten Separatistenrepublik Luhansk, Igor Plotnizki, ist zurückgetreten («Президент» международно непризнанной сепаратисткой Луганской республики, Игорь Плотницкий, ушёл в отставку) [5].

Die spezielle Kohle, auf die etwa die Hälfte der großen Kraftwerke angewiesen ist, wird praktisch nur auf dem Territorium der sogenannten Volksrepubliken Donezk (DNR) und Luhansk (LNR) gefördert. (Специальный уголь, без которого не могут обойтись около половины крупных электростанций, производится практически только на территории так называемых Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР) Народных Республик) [6].

Более негативную оценку несёт в себе в этом случае использование приставки *псевдо-* в соответствующих оценочных эпитетах и композитах:

Der kriminelle Pseudo-Staat der „Separatisten“ (Криминальное псевдогосударство «сепаратистов») [7].

Mittlerweile bauen seine Statthalter im Donbass ihre pseudostaatlichen Parallelstrukturen weiter aus (Между тем его наместники дальше создают в Донбассе свои параллельные псевдогосударственные структуры) [7].

Дополняют информационный образ Луганской Народной Республики и используемые метафоры. Метафора в медийном тексте осуществляет функцию скрытого сравнения, она более лаконична, что придает создаваемому ей образу ёмкости, наглядности. В оценочном смысле метафоры чаще используются для выражения негативной позиции к высказыванию и, следовательно, выступают средством речевой агрессии [3; с. 92]. Отдельного внимания требует метафора *das Niemandsland*, которая указывает на нейтральность, в каком-то смысле даже ничейность территории и перекликается с известными названиями сказочных стран – *das Zauberland, das Märchenland, das Schlaraffenland*, что придаёт оттенки утопичности, нереальности. Данные мотивы поддерживаются и в использовании экспрессивно-образных эпитетов:

Außer den Planken zwischen den Brückenpfeilern bei Stanizja Luhanska gibt es keinen Zugang in diesen gespenstischen Staat (Кроме как через доски между мостовыми опорами возле Станицы Луганской доступа в это призрачное государство нет) [4].

Однако стоит отметить, что в процессе вербализации категории нелегитимности СМИ часто употребляются эмоционально-оценочные эпитеты и метафоры, несущие в себе резко негативный характер, предпочитая называть государственные образования преступными, незаконными (*kriminell, verbrecherisch*):

Für die Zustände in den „Volksrepubliken“ Luhansk und Donezk, die nur dank der gewaltigen russischen Militärpräsenz existieren und in denen eine gesetzlose Banditenherrschaft Wirtschaft und Gesellschaft ruiniert hat, interessiert sich indessen international kaum noch jemand (Тем временем почти никто уже не интересуется положением Луганской и Донецкой «Народных Республик», которые существуют только благодаря присутствию российских военных и в которых беззаконный бандитизм разрушил экономику и общество) [7].

Для усиления негативного эффекта материалов журналисты и аналитики проводят параллели между Луганской Народной Республикой и другими странами и городами, и эти связи прослеживаются преимущественно в отношении статуса или военного положения в государстве: *die Schaffung eines „zweiten Abchasien“, ein ukrainisches Aleppo, der Donbas ähnelt Abchasien und Transnistrien*. Характерным в этом смысле стал завершающий компонент каждой из серии статей *BILD* «*Das Leben in «Putins Volksrepublik*» – в конце интервью каждого участника просили выразить своё мнение по поводу сравнения Луганской Народной Республики и Северной Кореи.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ведущими языковыми приёмами, используемыми немецкими журналистами для подчёркивания нелегитимности Луганской Народной Республики и формирования в сознании адресата соответствующих представлений являются закавычивание, эпитет и метафора. Они служат средствами усиления политического языка, используемого в немецких медиатекстах, и способствуют формированию негативной, а в некоторых случаях даже резко негативной, экспрессивной коннотации.

Тематическое поле: «сепаратизм»

Вербализация данного лексического поля происходит разнообразными способами. Прежде всего, стоит обратить внимание на употребление концепта *Separatisten*, которое чаще всего несёт негативную или нейтральную коннотацию.

Отметим, что в толковом словаре Duden данное слово имеет маркер *oft abwertend* – «часто пренебрежительно».

Кроме использования самого понятия *Separatisten*, в немецких печатных изданиях с самого начала разгорания конфликта на Донбассе популярным стало употребление композитов с вершиной *Separatisten-*, и эта тенденция продолжает наблюдаться и в материалах за 2016-2018 гг. Активное использование такого способа словообразования можно объяснить тем, что сложные существительные являются отличным средством компрессии, т.е. служат в целях языковой экономии. Используемые в частотном режиме, они позволяют журналистам без особых усилий эксплицировать категорию сепаратизма в материалах и даже создавать неологизмы, привлекающие внимание читателей.

Среди примеров таких композитов можно назвать: „*Separatisten*“-Gebiete, der *Separatistenführer*, *Separatistentruppen*, die *Separatistenregion*, der *Separatistenhochburg*, die *Separatistenstadt*, die *Separatistenrepublik*. Нередко эти лексические новообразования приобретают метафорическое значение:

Jeder, der hier nicht mit der Waffe herumrennt und nicht zur neuen Separatisten-Mafia gehört, ist verzweifelt (Каждый, кто не бежит здесь с оружием и не относится к новой сепаратистской мафии, – в отчаянии) [6].

Воздействуют на оценочную деятельность сознания читателей и введение производного оценочного эпитета *separatistisch* и синонимичного ему *abtrünnig*:

Die östlichere, die kleinere der beiden separatistischen „Volksrepubliken“, ...liegt nicht auf dieser Welt (Меньшая из двух сепаратистских республик, расположенная восточнее, не принадлежит этому миру) [4].

Так, можно обобщить, что основными языковыми средствами для отражения сепаратизма республики в СМИ является употребление концепта *Separatisten* и производных от него композитов. Стоит обратить внимание на то, что наименование *Separatisten* чаще всего употребляется для обозначения населения и лидеров государства и задаёт основной вектор прагматической направленности языковых средств – преимущественно негативный.

Тематическое поле: «государственность»

Концепт государственности является относительно новым явлением немецкоязычной прессы в отношении Луганской Народной Республики и связано с появлением лексической группы слов, обозначающей названия государственных структур и должностей (*das Staatsfernsehen, der Minister, der Innenminister, der Präsident, der Präsident-Nachfolger, das Staatsoberhaupt*):

Selbsternannter Präsident von Luhansk tritt zurück (Самопровозглашённый президент Луганска уходит в отставку) [5].

Отметим, что чаще всего эти названия помещены в кавычки, что придаёт им условности, сопровождаются оценочными эпитетами (*selbsternannt, sogenannt, selbsterklärt*) или представлены в ироническом ключе, но сам факт их появления говорит о признании развивающей государственности Луганской Народной Республики.

Кроме этого, в СМИ Германии встречаются упоминания Луганска именно в значении столицы республики, что чаще всего представлено композитами с эмоционально-оценочными значениями (*Separatistenhochburg Luhansk*) или выражено посредством закавычивания (“*Hauptstadt der Volksrepublik Lugansk*”). Нередки и упоминания государственной символики ЛНР, в частности, флага:

Auf der Fassade prangt jetzt die Flagge der selbsterklärten Volksrepublik Luhansk (На фасаде теперь красуется флаг самопровозглашённой Луганской Народной Республики) [8].

Тематическое поле: «повстанческий характер»

Повстанческий характер как предпосылка возникновения республики реализуется в употреблении таких понятий как *die Rebellen* и *die Aufständischen*, которые не несут в себе дополнительных лексических оттенков:

Die Aufständischen machen die ukrainische Armee verantwortlich (Ополченцы считают, что за это ответственна украинская армия) [6].

Der Rebellenchef des Luhansker Gebiets, Igor Plotnizki, zeigte sich überrascht und sagte, dass das Projekt "nicht mit uns abgesprochen" sei (Глава ополченцев в Луганской области, Игорь Плотницкий, выразил своё удивление и добавил, что этот проект «с нами не обсуждался») [6].

Также основа *Rebellen-* является продуктивной для детерминативных композитов *der Rebellenregion, die Rebellengebiete, der Rebellenchef, das Rebellenparlament, der Rebellenführer* и др. Интересным случаем такого композита является неологизм *der Rebellenburger*, который упоминается в статье о кафе быстрого питания «Дон-Мак» и «Бургер» и несёт в себе иронический оттенок.

Тематическое поле: «зависимость от России»

Данное лексическое поле несёт в себе резко негативную коннотацию и его выражение является комплексным. Во-первых, экспликация происходит в процессе употребления лексических единиц *russisch, prorussisch, Russland*, которые часто выполняют функцию эпитета и снова обращают читателя к концепту нелегитимности, зависимости:

Im Kriegsgebiet Ostukraine haben die Kiewer Führung und die prorussischen Separatisten kurz vor Neujahr erstmals Hunderte Gefangene ausgetauscht (В военной зоне «Восточная Украина» киевское правительство и пророссийские сепаратисты перед Новым Годом впервые обменялись сотнями пленных) [7].

Die Kiewer Regierung will keinen Sonderstatus für den Donbass, die Rebellen bauen mit Russlands Hilfe ihre Macht aus (Киевское правительство не хочет предоставить особый статус Донбассу, ополченцы продолжают с помощью России распространять свою власть) [5].

Для подчёркивания идеи о зависимости ЛНР от России эффективен и приём повторов:

An den Straßenrändern standen neugierige Bewohner der nach russischer Anleitung und russischen Gesetzen umgebauten Region, die von russischem Geld alimentiert, von russischen Ministerien fernverwaltet, mit russischen Schulbüchern beschickt und mit russischen Rubelscheinen ausgerüstet wurde (На тротуарах толпились любопытствующие жители перестроенного под российским руководством и по российским законам региона, который был снабжён российскими деньгами, отдалённо управлялся российским правительством, был обеспечен российскими учебниками, и которому была вручена российская валюта – рубль) [6].

Таким образом, повторение речевого элемента, в частности конкретизирующего эпитета *russisch*, усиливает эмоциональное влияние на читателя и обращает его внимание на семантически значимые места.

Но на одном упоминании России немецкие журналисты не останавливаются и всё чаще используют имя российского президента для освещения событий, происходящих в республике. Причём в этом случае можно проследить определённую тенденцию – преимущественно имя В.В. Путина используется в заголовках и подзаго-

ловках, что позволяет утверждать основную цель этого приёма – привлечение внимания читателя:

Ost-Ukraine: Leben in Putins „Volksrepublik“ (Восточная Украина: Жизнь в «народной республике» Путина) [9].

Негативизм в отношении исследуемого тематического поля передаётся и имплицитно – в виде метафор. При этом основной акцент в них сделан на «зависимых» элементах – Луганской и Донецкой Народных Республиках. Их образы представляются в виде кукол, марионеток и даже спутников:

Im Grunde sind sie nur Puppen, die von der russischen Regierung kontrolliert werden (В принципе, они всего лишь куклы, которые контролируются российским правительством) [9].

„Prorussische Separatisten“ der illegalen Donezker und Luhansker „Volksrepubliken“, die in Wahrheit Marionetten der russischen Besatzungsmacht in Teilen der Ostukraine sind, haben einen Staat namens „Kleinrussland“ ausgerufen («Пророссийские сепаратисты» нелегальных Донецкой и Луганской «Народных Республик», которые в действительности являются марионетками российской оккупационной власти на территориях Восточной Украины, объявили о создании государства по имени «Малороссия») [7].

Die "Volksrepubliken" verfestigen sich als De-facto-Staaten und Moskauer Satelliten (Эти «народные республики» утверждают себя в качестве де-факто государств и спутников Москвы) [5].

Тематическое поле: «соседство с ДНР»

При характеристике медиаобраза Луганской Народной Республики нельзя не упомянуть и о её соседстве с Донецкой Народной Республикой, так как они расположены рядом и в немецкоязычных СМИ часто упоминаются вместе, как соседи:

Wenige Tage zuvor hatten die lokalen Bosse auf Siegesparaden in Donezk und der Nachbar-Republik Luhansk (LNR) Waffensysteme spazieren gefahren (Несколькими днями ранее местные лидеры на парадах победы в Донецкой и соседней Луганской Республиках (ЛНР) проехали на боевых комплексах) [6].

Dass der Führer der benachbarten Pseudo-Republik Luhansk, Igor Plotnizki, von den Ankündigungen völlig überrascht wurde, deutet allerdings darauf hin, dass der "Kleinrussland"-Plan nicht gerade gründlich vorbereitet war (То, что лидер соседней Луганской Псевдореспублики Игорь Плотницкий, был сильно удивлён этим заявлениям, указывает, конечно, на то, что план «Малороссия» не был основательно подготовлен) [6].

Как следствие, многие характеристики, выделенные при анализе образа ЛНР, могут проецироваться и на образ ДНР. При общем рассмотрении в плане соседства по отношению к Донецкой Народной Республике образ ЛНР не приобретает дополнительных значений, лишь в некоторых материалах Луганская Народная Республика представлена как меньшая и расположенная восточнее, о чём уже упоминалось выше.

Таким образом, исследовав образ Луганской Народной Республики в немецких СМИ, мы можем подчеркнуть многогранность его выражения, что можно подтвердить выделенными лексическими полями: «нелегитимность», «сепаратизм», «государственность», «повстанческий характер», «зависимость от России», «соседство с ДНР». Но, тем не менее, основной чертой исследуемых аспектов медиаобраза является негативизм. Негативную коннотацию несёт в себе большинство исследуемых языковых средств и приёмов: от закавычивания до использования конкретизирую-

щих и эмоционально-оценочных эпитетов (в том числе в форме детерминативных композитов) и метафоризации.

Перспектива дальнейших исследований по теме подразумевает отслеживание и анализ динамики формирования медиаобраза Луганской Народной Республики в немецких СМИ и сравнение её с уже полученными результатами.

Библиографический список

1. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. 430 с.
2. Пстыга А. Семантическая интерпретация текста: лингвистические исследования на грани методологического срыва или интеграции. URL: <http://www.ejournals.eu/pliki/art/6719/>
3. Петрова Н.Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2011. 160 с.
4. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Aktuelle Nachrichten online. URL: <http://www.faz.net/aktuell/>
5. SPIEGEL ONLINE. Aktuelle Nachrichten. URL: <http://www.spiegel.de/>
6. Süddeutsche.de: Nachrichten aus Politik, Kultur, Wirtschaft und Sport. URL: <http://www.sueddeutsche.de/>
7. WELT – Nachrichten, Hintergründe, News & Videos. URL: <https://www.welt.de/>
8. Handelsblatt – Nachrichten aus Wirtschaft, Finanzen und Politik. URL: <http://www.handelsblatt.com/>
9. Bild.de: Aktuelle Nachrichten. URL: <https://www.bild.de/>

References

1. Rogozina I.V. Global media image: cognitive and semiotic aspects: PhD thesis. Barnaul, 2003. 430 p.
2. Pstyga A. Semantic interpretation of text: linguistic studies on the verge of methodological collapse or integration. URL: <http://www.ejournals.eu/pliki/art/6719/>
3. Petrova N.E. Modern media language: means of verbal aggression. Moscow, 2011. 160 p.
4. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Aktuelle Nachrichten online. URL: <http://www.faz.net/aktuell/>
5. SPIEGEL ONLINE. Aktuelle Nachrichten. URL: <http://www.spiegel.de/>
6. Süddeutsche.de: Nachrichten aus Politik, Kultur, Wirtschaft und Sport. URL: <http://www.sueddeutsche.de/>
7. WELT – Nachrichten, Hintergründe, News & Videos. URL: <https://www.welt.de/>
8. Handelsblatt – Nachrichten aus Wirtschaft, Finanzen und Politik. URL: <http://www.handelsblatt.com/>
9. Bild.de: Aktuelle Nachrichten. URL: <https://www.bild.de/>

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh,
tel.: +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
студентка 4-го курса
направления «Журналистика»
Гончарова М.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +79042141589
e-mail: marina.goncharova.vrn@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The 4th year student
of the journalism faculty
Goncharova M.A.
Russia, Voronezh,
tel.: +79042141589
e-mail: marina.goncharova.vrn@yandex.ru*

С.А. Скуридина, М.А. Гончарова

ВОРОНЕЖ: ОБРАЗ ГОРОДА С ПОЗИЦИЙ СМИ

В статье представлена специфика восприятия в средствах массовой информации образа города Воронежа, который складывается из следующих элементов: историческое прошлое города, образ его коренного жителя, развитость инфраструктуры, представление о местной власти. Одним из важнейших компонентов образа города является качество жизни, представленное в витальном (удовлетворение базовых потребностей населения и степень благоприятной обстановки для проживания в данном месте) и гуманитарном (восприятие человеческого капитала как ресурса развития города) аспектах. Авторами работы отмечается важность визуального компонента, без которого понимание образа города будет неполноценным. Визуализация образа города рассматривается с точки зрения архитектурного облика, наличия и востребованности достопримечательностей. Отдельным элементом, входящим в понятие образа города, является событийный образ – специфика значимых мероприятий, проходящих на площадках Воронежа. Понимание того, какой образ города конструируют региональные и федеральные СМИ, необходимо для создания концепции развития Воронежа, в связи с чем следует выявить те компоненты образа, которые манифестируются журналистами и какие скрываются, каковы краткосрочные и долгосрочные перспективы развития города, каковы его сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: образ города, СМИ, Воронеж, культурно-исторический портрет.

S.A. Skuridina, M.A. Goncharova

VORONEZH: THE IMAGE OF THE CITY FROM THE MEDIA POINT OF VIEW

The article presents the specificity of the image of Voronezh created in mass media. This image includes the

following components: the history of the city, the image of its native citizens, the development of infrastructure, the idea of the local government. One of the chief components of the city image is the quality of life in its vital (satisfaction of fundamental needs of the population and enabling environment for living in the city) and humanitarian (perception of human capital as the resource for the city development) aspects. The authors touch the importance of the visual component which sometimes is the key to the understanding of the city image. Visual images of the city are sited from the view point of architectural look, presence of sights and consumer demand of them. One of the special components of the city image is the eventual image understood as the specificity of important events organized in Voronezh. It is important to understand how the city image is created in regional and federal media, in order to form the conception of the city development. For this purpose it is necessary to reveal the components of the city image which are manifested and concealed by the journalists, to learn about short-term and long-term prospects of the city development, its advantages and disadvantages.

Key words: the image of the city, mass media, Voronezh, cultural and historical portrait.

В современном социуме, стоящем на пороге 4-й индустриальной революции, деятельность СМИ нельзя рассматривать только с точки зрения репрезентации социальной реальности. СМИ – это мощный инструмент не только трансформации устаревшей реальности, но и конструирования новой. В связи с этим исследование образа города видится востребованным и перспективным.

Понятие *образ города* неоднозначно и может быть проанализировано с разных точек зрения. По мнению Н.Ю. Замятиной, данное понятие может быть представлено в четырех аспектах: психологическом, социологическом, культурном и лингвистическом [1]. На наш взгляд, образ города складывается из следующих элементов: историческое прошлое города, образ его коренного жителя, развитость инфраструктуры, представление о местной власти.

К числу важнейших компонентов образа города, несомненно, относится качество жизни, представленное в витальном (удовлетворение базовых потребностей населения и степень благоприятной обстановки для проживания в данном месте) и гуманитарном (восприятие человеческого капитала как ресурса развития города) аспектах.

Понимание образа города будет неполноценным без изучения его визуального компонента, рассматриваемого как единый сплав современного архитектурного облика и внешнего вида достопримечательностей. Отдельным элементом, входящим в понятие образа города, является событийный образ – специфика значимых мероприятий, проходящих на площадках Воронежа. Последнее легко проследить, обратившись к материалам региональных и федеральных СМИ, включающих любые события города в новостные репортажи. Для создания концепции развития города Воронежа следует выявить те компоненты образа, которые манифестируются журналистами и которые скрываются ими, а также выяснить, каковы краткосрочные и долгосрочные перспективы развития города, каковы его сильные и слабые стороны.

Структура образа любого города включает в себя следующие компоненты:

1) модель продвижения города, выбранная соответствующими представителями городской администрации, в основе которой могут лежать различные факторы, например, исторический (вследствие чего формируется имидж города как исторического центра) или природно-климатический фактор (влияющий на создание имиджа города с уникальными природными или климатическими особенностями);

2) информация о жизни города, которая узнаётся жителями через PR-акции или рекламу (в таких материалах чаще всего минимизируются негативные моменты, сглаживаются острые углы и преувеличиваются положительные стороны);

3) систематически распространяемая информация о городе, к которой относятся, например, статьи и материалы о событиях, происходящих на территории данного города, а также слухи, сплетни, анекдоты, граффити, карикатуры, которыми обычно сопро-

вождаются критические оценки данной территории, нередко являющиеся преувеличением.

Все перечисленное выше складывается в чёткую картину, которая ассоциируется у жителей со своим городом, причем восприятие города может существенно различаться в представлении городских обывателей, жителей районов области, сотрудников муниципалитета, гостей и жителей соседних городов.

Образ территории формируется структурами власти и СМИ, представителями бизнеса и гражданского общества, что оказывает влияние на следующие виды выбора: хотят или не хотят здесь жить, покинут ли молодые люди родной город после окончания школы, чтобы поступить в вузы более комфортных городов или останутся на своей малой родине с целью продолжить учебу, получить работу, создать семью [2]. Основываясь на репутации города, люди принимают решение, куда им поехать в отпуск, поэтому создание позитивных представлений о городе влечёт за собой приток туристов, увеличение которого возможно при интенсивном развитии современной инфраструктуры (развитие туристических маршрутов, строительство отелей, введение услуги проката автомобилей). Вслед за туристами, составившими позитивный портрет города, последует привлечение в город инвесторов, без чего немислимо дальнейшее развитие городской среды.

Источниками информации о репутации территории чаще всего являются СМИ: телевидение, интернет, печатные издания, радио. Тем не менее, одним из мощных по силе воздействия источников информации является так называемое «сарафанное радио», смысл которого заключается в том, что огромное количество людей получает от родственников, коллег и друзей различную информацию (иногда вымышленную) о происшествиях в том или ином городе [3]. Степень доверия к этим лицам гораздо выше чем, например, к печатным СМИ или к Интернету, поэтому сведения, полученные таким путём, чаще всего воспринимаются как достоверные и в силу своей доступности хорошо запоминаются. Нередко таким путём создаются негативные образы. Так, многие жители страны считают, что на территории Воронежской области живут люди, которых можно охарактеризовать стилистически маркированной лексемой *жлобы*. Но есть и положительные примеры. Одним из таких является образ культурной столицы России: Санкт-Петербург – город-мечта всех семнадцатилетних девушек. Своей романтической репутацией он обязан бесконечному количеству книг и песен, где Питер предстаёт в образе серого, дождливого, но очень уютного и безумно красивого города. В данном случае уместно говорить об амбивалентном влиянии города на человека и человека на город, то есть социокультурное пространство города определяет индивида, позиционирующего себя в соответствии с этим в данном социокультурном пространстве.

Георг Зиммель стал одним из первооткрывателей в рассмотрении проблемы *город-индивид*. В своем очерке «Большие города и духовная жизнь» он представил ряд состояний, свойственных жителям больших городов и являющихся компенсаторскими реакциями на существование в данном городе. Одной из таких реакций является *рассудочность*, позволяющая адекватно воспринимать чрезмерно быстрый ритм городской жизни и защищающая индивида от «насилия большого города» [4]. Вторая реакция – *блазириванность* (от фр. *blasé* – ‘пресыщенность’) – в результате огромного объема и быстрой скорости информационного потока у человека проявляется неспособность реагирования на все вновь и вновь возникающие раздражители, что обусловлено перевозбуждением и последующим отключением (или переходом в спящий режим) нервной системы. Небиологическим источником блазириванности является денежной хозяйствование, когда стоимость становится эквивалентом качества не только материальных объек-

тов, но и духовной жизни, что является причиной обесценивания всего окружающего мира и личности человека как его создателя. Вследствие нарушения и разрушения связей между жителями большого города (в отличие от жителей мелких городов и деревень) появляются *люди с высокой степенью свободы, в том числе свободы от общественного контроля*, что является третьей реакцией человека на существование в большом городе [4].

Образ города строится на его уникальности, отличии от других таких же городов [3]. Уникальными могут быть природные, исторические особенности, архитектурные объекты, события или известные жители города. Например, уникальность Воронежа состоит в том, что именно здесь в XVIII веке Пётр I начал строительство военного флота.

Чтобы проследить эволюцию образа города Воронежа, необходимо обратиться к его истории и проанализировать, какое значение он имел на разных этапах своего развития.

Воронеж был основан в 1586 году и за свою историю много раз менял назначение, пережил войны и революции. Вместе с этим менялся и его архитектурный образ. Каждое новое поколение жителей по-своему воспринимает город.

Воронеж начинает свою жизнь как военная крепость. Он стал одним из первых южных укрепленных городов, которые защищали государство от крымских и ногайских татар в придонских степях в конце XVI века. В это время на месте будущего Воронежа появляется первое архитектурное сооружение – Воронежская крепость, построенная под руководством первого местного воеводы – Семёна Фёдоровича Сабурова [5]. В 1590 году город вместе с первой крепостью был полностью уничтожен казаками-черкесами.

Новая городская крепость, получившая название Рубленный город, находилась на выступе правого берега реки Воронеж, восточнее нынешнего главного корпуса Воронежского государственного университета [5]. Это сооружение выглядело как неправильный четырёхугольник площадью около 4000 м². Жилые дома размещались за крепостью, а внутри располагались деревянная церковь, склады с оружием, военными припасами и хлебом. Тайный подземный ход вёл из крепости к подземному колодцу с родниковой водой.

В XVII веке Воронеж становится важной точкой торгового пути благодаря своему расположению в месте слияния судоходных рек Дон и Воронеж, чем обусловлена смена статуса города – из военной крепости Воронеж превращается в торговый город. Городское население в те годы состояло из разного рода мелких служилых людей и крепостных крестьян, которые обрабатывали их земли. В это же время в городе складывается посад, где селятся торговцы и ремесленники. Так в первой половине XVII века Воронеж постепенно превращается в крупный экономический центр юга России [5].

Зимой 1695 года Пётр I принимает решение начать в Воронеже строительство военного флота. Данный исторический факт стал возможен благодаря удачному сочетанию следующих факторов:

- река Воронеж, на берегах которой располагается город, впадает в реку Дон, который в свою очередь несет свои воды в Азовское море;
- рядом с городом располагались территории, занятые лесом, которые планировалось использовать для строительства;
- у жителей города уже был опыт в строительстве речных судов и управлении ими.

Военная верфь в Воронеже просуществовала недолго, но статус *колыбели Российского флота* прочно закрепился за городом, в связи с чем у жителей нашей страны Воронеж до сих пор ассоциируется с образом Петра I и строительством флота.

Главный план города был утверждён императрицей Екатериной II в 1774 году. Он был основан на популярном тогда принципе «трезубца». От Митрофановского монастыря были проложены три улицы – Большая Московская (сейчас Плехановская), Большая Девицкая (Платонова и 9 января) и Мещанская (Володарского). Так планировка города приобретает знакомые нам черты.

Развитие Воронежа не остановилось и во время Великой Отечественной войны: Воронежский экскаваторный завод им. Коминтерна начинает производить пусковые установки БМ-13, широко известные под названием «катюша». У многих жителей города участие Воронежа в обороне страны ассоциируется именно с «катюшами». С конца июня 1942 до конца января 1943 года через территорию Воронежа пролегла линия фронта и велись активные боевые действия. За участие города в Великой отечественной войне 16 февраля 2008 года городу было присвоено почётное звание «Город воинской славы», что, с одной стороны, было воспринято жителями как благоприятное событие, с другой - оставило открытым вопрос многих воронежцев: почему Воронеж не является городом-героем, ведь на левый берег враг не прошёл, город не был полностью захвачен. После войны разрушенными остались 92% всех жилых зданий города, но восстановление было завершено уже к 1950 году.

В настоящее время Воронеж известен как город, в котором производятся ракетные двигатели, так как именно воронежское «КБХА» во второй половине XX века разработало первый кислородно-керасиновый жидкостный ракетный двигатель РД-0105 для третьей ступени ракет-носителей «Луна».

В настоящее время город столкнулся с проблемой уничтожения памятников архитектуры и незаконного строительства на территории исторического центра.

Исходя из общего положения об образе города и опираясь на совокупность всех ранее упомянутых фактов, мы можем выделить ряд ассоциативных образов, связанных с Воронежем.

Во-первых, Воронеж – это колыбель российского флота. Данный статус поддерживаются местными и федеральными СМИ. Во-вторых, Воронеж – город воинской славы. В-третьих, Воронеж – город, недалеко от которого располагалась стоянка первобытных людей: на территории Воронежской области расположен Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки», где сохраняется памятник каменного века – жилище из костей мамонта, а также расположено 25 охранных зон, включающих около 60 памятников верхнего палеолита. В-четвертых, Воронеж – это родина котенка с улицы Лизюкова, о чем часто упоминается в местных СМИ и Интернет-сообществах, а в Коминтерновском районе находится памятник этому персонажу, около которого часто можно встретить фотографирующихся туристов [6].

Кроме положительных, с образом города связаны и негативные ассоциации: например, процветающая в городе коррупция и плохое состояние дорог.

Исходя из вышеперечисленного, мы можем сделать вывод, что у города есть ещё много нерешённых проблем. Например, требуется совершенствовать туристическую инфраструктуру, сохранять культурно-исторический облик города, регулярно осуществлять ремонт дорог, следить за экологическим состоянием города, повышать культуру горожан. Но, несмотря на всё это, Воронеж отличается от других таких же городов, у него свой уникальный образ. Понимание того, какой образ города конструируют региональные и федеральные СМИ, необходимо для создания концепции развития Воронежа, в связи с чем следует выявить те компоненты образа, которые манифестируются журналистами и которые скрываются ими, каковы краткосрочные и долгосрочные перспективы развития города, каковы его сильные и слабые стороны.

Библиографический список

1. Замятина Н.Ю. Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // Известия РАН. Серия географическая. 2002. № 5. С. 32–37.
2. Карпова Е.В., Мищенко М.А., Поморов Б.С. Влияние архитектурной среды на психологическое состояние человека [электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/F88UQ> (дата обращения – 25.01.2019).
3. Красова Е. Бренд-имидж Воронежа в оценках горожан [электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu> (дата обращения – 05.02.2019).
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). С. 23–34.
5. Галкин В.В. Основание Воронежа: город и уезд в XVII веке [электронный ресурс]. URL: <http://vadim-galkin.ru/business-basics/voronezhskij-biznes/osnovanie-voronezhagorodi-uezd-v-xvii-veke/> (дата обращения – 05.02.2019).
6. Суворова Л. Котёнок на своей улице [электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2003/12/09/kotenok.html> (дата обращения – 05.02.2019).

References

1. Zamyatina N.Y. Cognitive spatial combinations as the subject of geographical research. The bulletin of RAS. Geographical series, 2002. Iss. 5. P. 32-37.
2. Karpova E.V., Mishchenko M.A., Pomorov B.S. The influence of the architectural environment on the psychological state of a person [electronic resource]. URL: <https://clck.ru/F88UQ> (date of access –25.01.2019).
3. Krasova E. Brand image of Voronezh in the estimation of its citizens [electronic resource]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu> (date of access – 05.02.2019).
4. Simmel G. Große Städte und das spirituelle Leben // Logo. 2002. Nr. 3 (34). P. 23-34.
5. Galkin V.V. Foundation of Voronezh: the city and the district in the 17th century [electronic resource] (date of access – 05.02.2019).
6. Suvorova L. The kitten on his street [electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2003/12/09/kotenok.html> (date of access– 05.02.2019).

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

*Московский государственный
педагогический университет
аспирант Чуйков П.Л.
Россия, г. Москва,
тел.: 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

*Moscow State Pedagogical University
Post-graduate student
Chuykov P.L.
Russia, Moscow,
tel.: 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

П.Л. Чуйков

РЕЦЕНЗИЯ НА НОВЕЛЛЫ Е. РОЩИНОЙ

P.L. Chuykov

REVIEW ON THE NOVELS BY E. ROSCHINA

Столичная газета «Вечерняя Москва» на своих страницах не раз знакомила читателей с творчеством Екатерины Рощиной, автора маленьких новелл и повестей. Поделюсь своим мнением о некоторых из них.

Девушка Мария из рассказа «Дюймовочка» (2017) впервые за много лет приезжает в деревню, где когда-то ребенком она отдыхала у деда Михаила и бабушки Нюры. Теперь же, когда их не стало, ей предстоит продать ставший ненужным старый дом.

В детстве соседский мальчик Вовка, позавидовав, украл у Маши маленькую куколку, Дюймовочку. При встрече молодой человек признается, что через эту простенькую фигурку он стал человеком: «...как ты уехала в Москву свою, пришел к твоему деду, повинулся. И сразу, представь, заговорил - предложениями. А до этого молчал ведь. Немотырем звали. Принес куколку, а дед на меня и не ругался вовсе, наоборот, объяснил, что все к лучшему получилось и ты, Манечка, хотела бы, чтоб так все именно и было. Чтобы я говорить начал. И что куколка эта волшебная. <...> Потом уж понял, что волшебных кукол не бывает. А бывают волшебные слова. И дела, которые делают нас лучше». Вовка усвоил этот урок, он остался бесконечно благодарным Машиному деду, который заботился о нем, брал на рыбалку и за грибами. В его честь спустя годы парень назвал своего сына Михаилом.

В повести Рощиной «Возвращайся по первому снегу» (2015), фрагменты из которой также публиковались в газете, на слова своего возлюбленного Аркадия «пароль у нас с тобой один – любовь» главная героиня мысленно отвечает, что пароль-то один, а отзывы на него – разные. Так и у Маши с Вовкой по-разному отзываются в душе детские воспоминания, дедушкина любовь и привязанность. Романтик Вовка остался самим собой, простым деревенским парнем: «Я вот курей развожу. На продажу и несусшек держу. Пестренькие такие, породные. У меня жена, дети». Символично, что Дюймовочку молодой человек хранил дома за иконой. Более успешная Маша не позволяет себе быть сентиментальной: «Она, в конце концов, руководитель отдела. Бизнес-леди. Бери от жизни все, или как там говорят в рекламе...» Как тут не согласиться с простой

истиной, которая звучит в словах упомянутого выше Аркадия о том, что «не стоит жить и работать только ради зарплаты. Даже если она очень высокая!». Но люди часто меняются не в лучшую сторону, что и происходит с Машей.

Отметим, что Марию беспокоит не только цена, которую дадут за старый дом: «...цепкий взгляд заметил сразу и просевшую крышу, и подгнившее крыльцо. Только по-прежнему пышно росли сирени – две рядом, белая и лиловая. Они уже отцвели, а вот жасмин как раз вступал в силу. Весь осыпанный белыми душистыми звездочками, высокий и раскидистый, он был настоящим украшением заросшего сада». У девушки все же защемило сердце – однажды летом она с дедом посадила этот жасмин, заботливо поливала его. Баба Нюра тогда смеялась и плакала одновременно, боялась, что куст не приживется. Но жасмин не погиб, потому что был посажен с любовью и чистой детской наивностью, которую утратила с возрастом Маша, но отчасти сохранил Вовка. Недаром рассказ заканчивается упоминанием о речном кузнечике, о веселой жизни которого, словно сказку, рассказывал Маше дед.

О повести «Возвращайся по первому снегу» следует сказать более подробно. Она написана в форме дневника молодой женщины, который переплетается с историей жизни Сэры и Джеймса Мерфи, меценатов, живших в начале прошлого столетия: «Тогда не было такого понятия: спонсор. Но было гордое – меценат. А Сэра и Джеймс Мерфи и этого деликатного “меценат” чуждались. Они были друзьями. Друзьями и первооткрывателями великих людей двадцатого века». Богатая супружеская пара искренне восхищалась одаренными людьми и поддерживала их, если они были бедны. Так, Сэра и Джеймс дружили с писателем Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом и его женой Зельдой, помогали начинающему Эрнесту Хемингуэю. С увлечением читая о них, мы переносимся в эпоху джаза, как называл ее Фицджеральд. По словам героини повести, у нее нет родной души, с которой можно общаться откровенно, поэтому она обращается к Сэре, которая помогает ей советом в трудную минуту: «Спасения нет только от предательства... Надо много работать. Надо много творить...».

Как справедливо отмечает журналист «Вечерней Москвы» О. Кузьмина, в авторе дневника «много женщины <...> страстно любящей, но не потерявшей умения видеть, слышать, да и любить своего мужчину без иллюзий и самообмана, женщины лиричной, понятной, той, что не всегда принадлежит себе, но остается при этом сама собой, не выставляет напоказ ни своих слабостей, ни своей силы». Чем-то она похожа на Терезу, героиню новеллы «Белые кеды» (2017). Студент на отдыхе в Испании знакомится с молодой женщиной, которая рассказывает ему печальную историю своей любви, как смерть унесла дорогого ей человека. После его гибели Тереза узнает, что он был не таким, каким она его себе представляла, но горькая правда и объективный взгляд не мешают ей любить и страдать, как прежде. Только дальнейшая судьба Терезы представляется читателю иной. Выговорившись, она уходит, и молодой человек, провожая ее взглядом, размышляет: «Ей останутся ее боль и утрата. Может быть, она даже полюбит эту свою боль... Так бывает. Человек сживается с тяжелой болезнью или с потерей. Пестует ее, холит. И незаметно для себя начинает... любить».

Как видим, рассказы Рощиной глубже, чем они могут показаться на первый взгляд. Зачастую их сюжеты и характеры взяты из личных наблюдений автора. В новелле «Сон зеленой гусеницы» (2017) прослеживается судьба молодого талантливого физика, который подавал когда-то большие надежды и мог многого добиться в науке. Но, по собственному признанию, за всю жизнь он принес пользу только одной маленькой гусенице. Обаятельный Кирилл Игнатьев, герой рассказа «Кирюшонок» (2017), позиционирует себя как представителя интеллигенции, разбирающегося в творчестве О. Мандельштама и М. Волошина. На деле же оказывается двуличным, расчетливым человеком, который долгое время живет на деньги девушки, которая его любит. Это

подчеркивает и тот факт, что даже спустя годы его, взрослого, казалось бы, самостоятельного человека по-прежнему называют не Кирилл, а Кирюшонок.

Тамара Сергеевна и ее немолодая заботливая дочь Светочка из рассказа «Красный мак» (2018) живут не ссорясь, но они далеко не во всем понимают друг друга. Дочь скрывает от матери свои отношения с любимым мужчиной. И Тамара Сергеевна живет иллюзиями: «Я не старая. Я как раз девочка. Светка стала моя мама, сердитая, толстая, в халате и с дурацкой такой личной жизнью. <...> И у меня младшая сестренка Лидка и брат Алеша. Что-то с ним случилось плохое, с Алешей. Кто-то сказал, что он умер во время войны от голода? <...> Нет войны и не было». Мать и дочь словно находятся под опиумным действием мака, это символизирует название рассказа: когда-то отец дарил маленькой Светочке конфеты «Красный мак», и теперь она часто вспоминает об этом.

Уход любимой девушки заставляет признать свою вину Романа, героя новеллы «Зачем ты так, Крис?» (2018). Даже их собаку, которая невольно спасла его от рокового шага, молодой человек готов воспринимать как ангела: «Почему люди решили, что ангелы это обязательно крошечные младенцы с крылышками? Ангелы принимают самые разные обличия». Возможно, отношения Романа и вернувшейся к нему Кристины станут после этого другими, и молодой человек с пониманием и теплотой будет заботиться о девушке. Раскаяние же Александры из рассказа «Белые индюшки» (2018) было недолгим. Страшный диагноз заставляет ее лишь на время вспомнить о забытых родственниках, которые воспитали ее, не захотев отдать в детский дом после гибели в автомобильной катастрофе родителей маленькой Шурочки: «...есть только Сергиев Посад, Людка, источающая запах капустных пирогов, и она - Шурка. И диагноз - со знаком вопроса. Только сюда, оказывается, может Аля-Шура принести свои боль и страх. Только здесь - найти сочувствие и тепло. И безусловную любовь». Но все это оказывается молодой женщине ненужным, стоит лишь ей узнать, что она здорова. Героиня возвращается к прежней жизни, но будут ли ее там окружать искренние люди, которые не оставят в беде в трудную минуту? Автор показывает, что преобразование мира вокруг нас возможно, если каждый человек начнет с себя.

В новелле «Графини Вишни» (2018) описана сложная история дружбы двух пожилых женщин, Миры и Анны: «Сколько помню - всегда были они вместе: шли в магазин, сидели на скамеечке возле дома. Кормили голубей и кошек. Была уверена: сестры». Когда-то они любили одного и того же человека, Володьку, который много лет назад умер. Несмотря на трудную, полную испытаний жизнь, добрая Мира, в отличие от практичной Анны, не утратила веры и продолжает надеяться: «Все они встретятся, молодые и здоровые. Володька - в белых туфлях, начищенных зубным порошком. Стрелочки на брюках. Пижон. Она, Мира. Цветы на шляпке, ридикюль в маленьких руках, завитки волос. <...> И Нюрка. Нюрка тоже с ними». Автор талантливо раскрывает внутренний мир своих персонажей, передает их мысли и переживания.

Никогда не теряет надежды и Нина Александровна, жительница маленького сибирского села, из рассказа «Пряничный домик под красной черепицей» (2017). Всей душой она привязана к любимому краю: «Не мыслила она свою жизнь без родных просторов, без огромной старой липы напротив дома, которую посадил еще ее отец. Нина Александровна была знатная огородница. <...> А какие георгины цвели ближе к осени! Какие яблоки падали в траву с тихим стуком!» И, может быть, за эту преданность Бог наградила ее: здесь она встретила свою любовь, Анатолия Петровича, доброго, заботливого человека. Именно он вырыл у дома Нины Александровны небольшой пруд, который чудесным образом спас годы спустя этот дом во время сильного пожара, охватившего весь поселок.

В свое время поэтесса Марина Цветаева осуждала читателей газет:

Что для таких господ -
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет - читай: клевет,
Газет - читай: растрат.
Что ни столбец - навет,
Что ни абзац - отврат...

Публикуя на своих страницах прозу Рощиной, «Вечерняя Москва» демонстрирует читателю совсем другое, увлекая его в удивительный мир высокой художественной литературы, где, как в детстве, светло и уютно: «Июнь. В палисаднике буйно цветет сирень. Это в теплой Москве сирень буйствует в мае, а за городом попрохладнее. Все позже. И тюльпаны, и сирень. И соловьи дольше не умолкают. Под окном как раз поселился какой-то такой, неугомонный. Поет, старается» (новелла «Дюймовочка»). Да, судьбы многих героев писательницы – трагичны. И в то же время, это естественный, близкий и знакомый каждому мир, где все-таки еще живут любовь, надежда и вера. За такие публикации хочется сказать Екатерине Рощиной и газете «Вечерняя Москва» спасибо и высказать пожелание, чтобы автор выпустил свои новеллы отдельным изданием в виде сборника рассказов.

*Московский государственный
педагогический университет
аспирант Чуйков П.Л.
Россия, г. Москва,
тел.: 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

*Moscow State Pedagogical University
Post-graduate student
Chuykov P.L.
Russia, Moscow,
tel.: 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

П.Л. Чуйков

**X ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И
ЕЕ ТРАДИЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Н.И. ПРОКОФЬЕВА**

P.L. Chuykov

**X ALL-RUSSIAN CONFERENCE «ANCIENT RUSSIAN LITERATURE AND ITS
TRADITIONS IN THE LITERATURE OF NEW TIME»
DEDICATED TO THE MEMORY OF PROFESSOR N.I. PROKOFIEV**

6-7 декабря 2018 года в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) проходила X Всероссийская конференция «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени», посвященная памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, одного из самых значительных исследователей средневековых текстов. Организатором конференции выступил Институт филологии МПГУ, кафедра русской классической литературы МПГУ при поддержке РФФИ (проект № 18-012-20090). Форум привлек более 60-и ученых (преподавателей, научных сотрудников, учителей), а также аспирантов и студентов из Москвы, Рязани, Обнинска, Чебоксар, Кирова, Архангельска.

В первый день работы конференции, 6 декабря, состоялись ее открытие и пленарное заседание. С приветствием к собравшимся обратились ректор МПГУ, член-корреспондент РАО, д.и.н., проф. А.В. Лубков и проректор по учебно-методической работе МПГУ, заведующая кафедрой русской литературы XX-XXI веков, д.ф.н., проф. Л.А. Трубина. С докладами, посвященными исследованиям памятников древнерусской литературы, на пленарном заседании выступили д.ф.н., проф. Д.В. Абашева, д.ф.н., проф. Е.В. Николаева, д.ф.н., проф. А.А. Пауткин, д.ф.н., проф. А.Н. Ужанков, д.ф.н., проф. М.И. Щербакова.

После перерыва участники конференции продолжили работу в трех тематических секциях: «История и поэтика древнерусской литературы», «Традиции древнерусской литературы в литературе Нового времени», «Семантика народной культуры в литературе».

Заслуженный деятель науки РФ, почетный проф. МПГУ, д.ф.н. В.И. Коровин раскрыл связи «Капитанской дочки» А.С. Пушкина с духовными традициями России. О проблемах житийного жанра рассказали д.ф.н., проф. Н.И. Пак, магистр филологии О.М. Беланова, преподаватель-исследователь Н.В. Столярова, магистрант Н.Р. Сарбукова, доц. Л.Н. Коробейникова, к.ф.н. А.А. Медведев, д.ф.н. О.В. Гладкова, к.ф.н. М.Е. Башлыкова, к.филос.н., доц. В.Б. Сорокин, преподаватель-исследователь

В.Е. Тюкова, к.ф.н. М.В. Первушин.

С докладами, посвященными историческому повествованию, выступили к.ф.н., доц. П.А. Смирнов, магистр филологии А.Г. Антонова, д.ф.н., проф. Н.В. Трофимова, к.ф.н. И.В. Денисова, к.ф.н. Е.А. Андреева, к.ф.н., доц. О.А. Туфанова, д.ф.н., проф. А.В. Каравашкин.

Проблемам бытования традиций древнерусских текстов в литературе Нового времени посвятили свои работы д.ф.н., проф. С.В. Сапожков, д.ф.н., проф. Т.А. Пономарева, к.ф.н., доц. О.Н. Смыслова, к.ф.н., доц. Е.Ю. Косякова, д.ф.н., проф. В.Н. Аношкина, к.и.н. Б.Н. Коптелов, к.ф.н., доц. Е.В. Егорова, д.ф.н., проф. А.А. Решетова, д.ф.н., доц. Т.В. Федосеева, аспирант К.А. Красовская, к.ф.н., доц. Н.Н. Бедина, магистрант Е.А. Новак.

О специфике поэтического преломления древнерусской и фольклорной традиций в произведениях авторов Нового времени рассказали д.ф.н., проф. В.А. Поздеев, к.ф.н., доц. М.И. Журина, д.ф.н. Е.А. Самоделова, аспирант К.А. Усатов, магистрант А.А. Карцев, к.ф.н., доц. О.А. Бычкова, к.ф.н., доц. Е.В. Иванова и другие.

В один из дней работы форума нам выпала честь принять участие в заседании секции «Традиции древнерусской литературы в литературе Нового времени», впечатлениями от работы которой, хотелось бы поделиться.

Д.ф.н., проф. И.В. Дергачева воодушевленно анализировала эсхатологические мотивы, образы и топоры произведений Л.С. Петрушевской, справедливо отметив в прозе писателя аллюзии на роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и на повесть Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке».

Д.ф.н., доц. О.Г. Лазареску посвятила свое интересное выступление традиции «духовного зрения» в русской литературе XVIII века на примере стихотворения М.Н. Муравьева «Зрение». Исследователь подчеркнула, что зрение – это не только физическая способность человека, но и духовно-нравственное явление, что позволило ученому сделать вывод: «...если в науке ценность технологических достижений определяется степенью превышения традиционных возможностей человека, то в искусстве, напротив, ценность научных открытий определяется их способностью вернуть человека к истинным – духовным – ценностям».

П.Л. Чуйков рассказал об образе архиепископа Феофана Прокоповича в повести Ю. Семенова «Смерть Петра I», которого автор изображает человеком искренне преданным делу императора, глубоко образованным, опирающимся на опыт истории и культуры Древней Руси.

Студентка Ж.А. Вартазарова подробно обосновала связь оппозиции *свет-тьма* в поэзии К.Д. Бальмонта с мифологией древних славян, лирикой Ф.И. Тютчева и духовными одами М.В. Ломоносова: «Для Тютчева <...> стихийные споры, свет и тьма и даже сама бездна оказались частями абсолютной гармонии мироздания, восхищающей его на протяжении всей жизни. Ломоносов, глядя на ночное небо (образ, прочно связывающий этих трех поэтов – Ломоносова, Тютчева и Бальмонта), также видел сонмы звезд, многогранную переливающуюся бездну, в которой возможно утонуть, ту самую бездну, из которой вышли все символисты и сам Бальмонт».

Магистрант А.Н. Аверкина выявила связь рассказа И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» с жанрами видений, хождений и притч. По мнению докладчика, это подчеркивает христианскую направленность размышлений Бунина, который показывает, что спасительный путь – это те дороги, по которым ходят абруцкие горцы: «Пусть абруцкие горцы по своей профессиональной принадлежности католики, но в данном рассказе для Бунина <...> важно то, что они – христиане, в чьих душах, в отличие от души Господина, продолжает жить многовековая христианская традиция, общая для католиков и православных».

К.ф.н., доц. Е.М. Жабина сосредоточила внимание на восприятии древнерусской традиции образа Евпатия Коловрата в стихотворении Н.М. Языкова «Евпатий» и «Песни про боярина Евпатия Коловрата» Л.А. Мея, убедительно подчеркнув, что в образе Евпатия соединилось героическое и духовное: «Образ славного “витязя”, воина, богатыря у Н.М. Языкова исполнен героических деяний, морально-нравственных устремлений во что бы то ни стало вступить за землю отцов. Л.А. Мей, сохраняя присущие герою доблестные черты, развивает образ Евпатия, усложняя, домысливая, дополняя его жизненными, бытовыми моментами (несчастливая любовь)».

С особым вниманием участники конференции слушали магистранта К.Г. Горбачеву, посвятившую свою работу анализу агиографической традиции в создании образа Авдия Каллистратова в романе Ч. Айтматова «Плаха» и доказавшую, что «образ жизненного пути героя во многом совпадает с традиционными топосами житий-матририев и житий равноапостольных мучеников, что повлекло за собой использование способа идеализации при создании образа главного героя».

Студентка А.Л. Маханькова посвятила свой увлекательный доклад пространственной организации «Повести о Тверском Отроче монастыре» и романа В.К. Третьяковского «Езда в остров Любви». Исследователь показала, что Тирсис, герой произведения Третьяковского, покидает остров, всей душой стремясь решить новые важные задачи: «...пройдя все уголки острова, испытав спектр эмоций, Тирсис приходит к выводу, что любовь – это не предел личностного развития».

Из выступления д.ф.н., проф. Е.В. Николаевой слушатели узнали об уникальных архивных материалах, раскрывающих содержание юношеского дневника архимандрита Антонина Капустина, который он вел во время обучения в Киевской духовной академии. Ученым были отмечены особенности авторского стиля Антонина, отличительной чертой которого являются признаки жизнелюбия и юмора.

Как видим, выступающие рассматривали традиции наиболее продуктивных жанров древнерусских текстов в литературе XVIII–XXI веков, что соответствует одному из основных направлений исследований профессора Н.И. Прокофьева. Это говорит о том, что память о выдающемся ученом не угаснет никогда.

Темы научных докладов прошедшего форума нашли отражение в сборнике трудов «Литература Древней Руси: материалы X Всероссийской конференции “Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени”, посвященной памяти профессора Н.И. Прокофьева» (М.: МПГУ, 2019), составленном д.ф.н., проф. Н.В. Трофимовой. За работу над этим изданием, потребовавшую немало внимания и труда, как и за организацию форума, хочется сказать Н.В. Трофимовой и всем членам организационного комитета спасибо.

В заключение выражаем благодарность всем организаторам и участникам конференции, особенно членам кафедры русской классической литературы МПГУ под руководством д.ф.н., проф. Е.Г. Чернышевой.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются **в квадратные скобки**[1; с. 54–67] с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это не содержание статьи, а ее характеристика. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

.....
.....
.....
Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 1(32) 2019

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Дата выхода в свет: 29.03.2019. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 10,9. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ № 46
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84